ВЯЧЕСЛАВ ПОПОВ
БОРИС ФРЕЗИНСКИЙ

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ
в 1924–1931 годы

Хроника жизни и творчества
(в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников)

Том II

Санкт-Петербург
2000

ВЯЧЕСЛАВ ПОПОВ
БОРИС ФРЕЗИНСКИЙ

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ в 1924–1931 годы

Хроника жизни и творчества
(в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы,
свидетельствах современников)

Том II

Санкт-Петербург
2000

ISBN 5–201–00246–3

Попов В., Фрезинский Б. «Илья Эренбург в 1924–1931 годы»

Книга является итогом 30-летних изысканий авторов; она служит одновременно и единственным в своем роде биографическим справочником, и, вместе с тем, благодаря обилию приведенных в ней документов, писем, воспоминаний, откликов критики, материалов хроники из центральной и провинциальной, российской и зарубежной прессы (собранных и представленных с максимальной полнотой), — интересным чтением по истории литературной и общественной жизни России и Европы второй половины двадцатых — начала 30-х г. XX в. Многие материалы в литературоведческий оборот вводятся впервые.

Светлой памяти
Леонида Вячеславовича Попова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о жизни и деятельности Ильи Григорьевича Эренбурга охватывает 1924–1931 гг. — восемь лет, завершившие “досоветский” период библиографии писателя.

Эренбург прожил эти годы за границей (наезды в Россию были редки). Между тем, ситуация 1922 г., когда в Берлине все русские писатели — и те, что остались на Западе, и те, что вскоре вернулись в Россию — свободно общались и печатались в одних и тех же издательствах — кончилась. Политическая ситуация не только решительно развела писателей, но и на долгие десятилетия разделила русскую литературу на советскую и эмигрантскую. Положение Эренбурга в те годы оставалось исключительным — он жил на Западе, а печатался в СССР. Ему многие завидовали, на него ссылались как на прецедент, безуспешно добиваясь для себя сходного положения. Однако, продолжая дышать парижским воздухом, Эренбург становился — и чем дальше, тем заметнее — все менее свободным художником. Тому было много причин.

Для Эренбурга понятия “писать” и “печататься” всегда были нераздельны, потому что — такова была природа его дарования — он всегда писал о “сегодня” для сегодняшнего читателя (то, что его ранние книги пережили свое время, никак этого обстоятельства не опровергает). Еще в Берлине 1921 г. Эренбург резко выступил против оголтелости той эмигрантской прессы, которая оценивала писателей не по их творческим достижениям, а по тому, к какой политической позиции они примыкают. Тем самым изначально определилась несовместимость Эренбурга с политизированным эмигрантским издательским миром. С другой стороны, наличие влиятельных друзей в советской политической

иерархии до поры до времени поддерживало в писателе надежды на возможность широко издаваться на родине вопреки бешеным нападкам ортодоксальной критики (а спрос на его литературную продукцию — обстоятельство, существенное в эпоху нэпа. — был в СССР неизменно высоким). Впрочем, иллюзорность этих надежд Эренбург не раз имел возможность почувствовать. Конечно, все эти годы Эренбурга много переводили на Западе, какие-то деньги это давало, но главной проблемы не решало, и Эренбург с горечью замечал, что пишет — для переводов. Сужение возможности издаваться по-русски, особенно с 1928 г., стало постоянно действующим фактором в литературной работе Эренбурга, заставлявшим писателя менять не только темы, манеру письма, но и жанры, постепенно переходя от беллетристики к эссеистике и публицистике. Все это совершалось на достаточно мрачном фоне политической дестабилизации в Европе — реальность и опасность фашистской угрозы и слабость демократических режимов Эренбург чувствовал, как мало кто другой.

В этих конкретных исторических условиях совершалось постепенное перемещение Эренбурга в политическом пространстве-времени к тому, чтобы в конце 1931 г. со всей определенностью “занять свое место в боевом порядке”.

“Случай Эренбурга”, если пользоваться выражением Бенедикта Сарнова, не повторяет “случаев” Замятина, Бабеля, Зощенко, Пильняка, но именно совокупность этих “случаев” создает впечатляюще трагическую картину русской литературы XX в.

Возвращаясь к Эренбургу, заметим, что сколько-нибудь полные суждения о его идейной эволюции за представленные в этой книге годы, не могут быть вынесены на основе лишь этого локального материала; они с необходимостью требуют, говоря об Эренбурге 1931 г., держать в уме и 1941-й и 1956-й.

Мы стремились здесь не только с максимально достижимой полнотой — день за днем — показать жизнь и работу нашего героя, но и, сохраняя объективность повествования, предоставить слово его друзьям и недругам, прессе — советской и зарубежной, чтобы в свете этих прожекторов фигура Ильи Эренбурга виделась читателю достаточно объемно.

Эренбург был международным писателем, его книги сразу же издавались на многих языках мира, вызывая соответствующий резонанс. Мы стремились отразить в книге и эту существенную сторону “случая Эренбурга”, хотя не можем не признать, что наиболее заметный изъян нашей работы сказался именно здесь — у нас практически не было возможности работать в зарубежных архивах и библиотеках. Некоторое утешение, или в каком-то смысле — компенсация для читателей — та мыслимая тщательность изучения отечественных источников, которую ограничивает лишь закрытость иных фондов (здесь имеются в виду не только президентский архив и фонды КГБ, но и куда более простые вещи — например, закрытый до 2020 г. фонд М.А.Осоргина в РГАЛИ и т.п.).

Недоступные нам сегодня фонды создают представление о работе исследователей будущего, как о куда более академичной и комфортной. Однако время, приоткрывая одни завесы, неумолимо воздвигает другие, занося песком многое из того, что было открыто и доступно живым свидетелям былого. Для нас, современников Ильи Эренбурга, помнящих въяве силу воздействия его пера и его имени, есть неизъяснимая радость в том, чтобы пройти шаг за шагом его непростыми дорогами, пусть себе и без гарантий академической полноты знания.

Начало летописи (“Илья Эренбург в 1891–1923 годы”. Санкт-Петербург, 1993) было положительно оценено в печатных, письменных и устных отзывах специалистов, и в дальнейшем мы постараемся не опускать планку объективности и тщательности этой работы.

Приводимые в книге письма И.Эренбурга В.Лидину и Е.Полонской приводятся по фотокопиям и подлинникам (письма к Полонской публикуются – Вопросы литературы, 2000, №1, 2), а письма к В.Мильман – по подлинникам из собрания Б.Фрезинского (СФ), письма Н.Тихонову — по подлинникам из собрания В.Н.Тихоновой (Москва), письма Е.Замятину — по подлинникам (ИМЛИ. Ф.146.), опубликованным в “Новом литературном обозрении”, №19 (1996), письма М.Слонимскому — по подлинникам (ЦГАЛИ СПб. Ф.414.), письма к М.Шкапской — по подлинникам (РГАЛИ. Ф.1204.). Тексты опубликованных писем Е.Замятину, Е.Полонской, М.Слонимскому, М.Шкапской уточнены по рукописям.

В книге использованы следующие обозначения:

АЭ — личный архив.Эренбурга.

ВЛ — журнал “Вопросы литературы” (Москва).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

КдВ — И.Эренбург. “Книга для взрослых”.

ЛГЖ — И.Эренбург. “Люди, годы, жизнь”. Т.1–3. М., 1990.

ЦГАЛИ СПб — Центральный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

СС — И.Эренбург. Собрание сочинений в 8-ми тт. М., ИХЛ. 1990–1996.

СФ — собрание Б.Я.Фрезинского (СПб).

В заключение укажем рецензии на первый том Хроники жизни и творчества Ильи Эренбурга:

Купченко В.– “Русская мысль”. Париж., №4028., 5–11 мая 1994; Сарнов Б. – “Книжное обозрение”, №21. 24 мая 1994; Соболь В. – “Вечерний Петербург”., 31 мая 1994 и Пруссакова И. – “Нева”., 1994. №10.

1924 год

1 января

Петроградский журнал “Жизнь искусства” публикует статью Б.Эйхенбаума “О Шатобриане, о червонцах и русской литературе”:

Теперь русскому писателю, если он хочет быть прочитанным, надо придумать себе псевдоним и назвать свой роман “переводом” <...> Хотя, правда, есть одно средство — уехать заграницу и оттуда бросаться романами, сочиненными по последней русско-парижской моде. Но это дорого стоит, да и фамилию надо подходящую иметь — вот как у Ильи Эренбурга.

— В том же номере статья И.Оксенова “Проза 1923 года”:

Эренбург. Тип поздно раскрывшегося писателя. “Жизнь и гибель Николая Курбова”, “Трест Д.Е.”. Не говорю о “Хурените”. Эренбург не станет кричать: Даешь Европу! Ибо домогаться чего-нибудь можно лишь стоя на чем-нибудь. На чем стоит Эренбург? Это имя было немыслимо включить в ряд упомянутых мною авторов. Американизация романа. Фельетон, как литературный прием. Много острого, кое-что ценное. Но в русскую прозу 1923 г. можно включить разве только “Курбова”, слепленного из наследия Достоевского, Белого и Замятина.

2 января

И.Г. и Л.М.Эренбурги выезжают из Берлина в Москву:

Увидев снова Москву, я изумился: ведь я уехал за границу в последние недели военного коммунизма. Все теперь выглядело иначе. Карточки исчезли, люди больше не прикреплялись. Штаты различных учреждений сильно сократились, и никто не составлял грандиозных проектов. Пролеткультовские поэты перестали пи-

сать на космические темы. Поэт М.Герасимов сказал мне: "Правильно, но тошно".

Машинистка ТЕО, рыжая девушка, которую мы почему-то называли Клеопатрой, давно забыла "Октябрь в театре" и клекот Всеволода Эмильевича. Она стояла на Петровке, возле Пассажа, и торговала бюстгальтерами.

Старые рабочие, инженеры с трудом восстанавливали производство. Появились товары. Крестьяне начали привозить живность на рынки. Москвичи отъелись, повеселели. Я и радовался, и огорчался. Газеты писали о "гримасах нэпа". С точки зрения политика или производственника, новая линия была правильной; теперь мы знаем: она дала именно то, что должна была дать. Но у сердца свои резоны: нэп часто мне казался одной зловещей гримасой.<...> Комнаты у меня в Москве не было, меня приютили в ЦЕКУБУ на Кропоткинской. Туда приходили старые ученые, беседовали или молча вздыхали — им трудно было понять, что к чему.<...>

Я пошел к Маяковскому. У Бриков было, как всегда, много гостей, пили чай, ели холодные котлеты. Маяковский, мрачный, здесь же дорисовывал какой-то плакат. Несколько дней спустя я его встретил в клубе: он доказывал, что нужно помочь государству бороться с частной торговлей.

ЛГЖ. Т.1. С.428, 431, 432.

13 января

"Правда" публикует заметку "К приезду И.Эренбурга":

Украинский Красный Крест выписал из Берлина писателя Ил.-Эренбурга для чтения лекций по СССР в пользу Красного Креста.

Тема лекции: "Пьяный оператор"(о современной Европе). После лекции чтение отрывков из ненапечатанного романа "Любовь Жанны Ней". Первая лекция состоится в Москве. Как нам сообщают, И.Эренбург намерен поставить в Камерном театре свою последнюю пьесу.

Середина января.

И.Э. посещает Л.Б.Каменева.

Из воспоминаний Ф.Ф.Раскольникова "Кремль":

Я часто бывал в уютной квартире Каменева в Московском Кремле. Он жил в глубине “Белого коридора”, рядом с квартирой Д.И.-Курского и Демьяна Бедного. В гостиной, устланной ковром, стоял большой лакированный рояль, а в кабинете, вдоль стен, тянулись стеклянные шкафы с книгами. <...> Я познакомился там с Ильей Григорьевичем Эренбургом <...> Приехавший из Парижа* Эренбург жаловался на травлю журнала “На посту”.

Смена. Л., 1988, 4 октября.

19 января

И.Э. присутствует на премьере спектакля “Лес” в театре Мейерхольда на Триумфальной площади:

В сильном ансамбле, среди гротесковых пересечений, — вспоминал Эренбург, — особенно чисто, искренне звучала лирическая нота, ее с какой-то безошибочной внутренней убежденностью вела Аксюша — Зинаида Райх. В зрительном зале только что стоял хохот, но вот он притих — зритель сочувствовал бедам и смелости Аксюши, заметьте, совсем вроде б и не героиня — печаль и веселье ее какие-то негромкие. — И вспомнил легкий, стремительный шаг Аксюши-Райх вверх по дороге.

Руднева Л. “Зинаида Райх”.: Театр. 1989. №1. С.110–111.

20 января

И.Э. пишет Е.Полонской:

Я буду в Петербурге (это почти наверное, т.е. в отношении точности) 3-го февраля. 4-го должна быть моя лекция. Пробуду в Питере неделю до 9-го. Страшно радуюсь нашей встрече. Везу тебе французские духи (честное слово). Устрой, чтобы я за это время мог бы повидать всех Петерб. confreres’ов* т.е. Замятина и молодых.

22 января

В связи со смертью В.И.Ленина Всероссийский союз писателей принимает решение о выпуске однодневной газеты “Ленин”:

---

* Неточно: из Берлина.

* Собратьев по перу (франц.)

Ко мне пришли Илья Эренбург и Андрей Соболь. Им был поручен сбор материала для однодневной газеты “Ленин”. Сейчас эта газета — величайшая редкость. Тотчас после ухода Эренбурга я села писать.

Инбер В. Из воспоминаний. Литературная газета., 1970, 22 апреля.

— В Петрограде под псевдонимом Ю.Ван-Везен опубликована статья Ю.Н.Тынянова “200 тыс. метров Ильи Эренбурга”:

Успех “Хулио Хуренито” не был неожиданным. Русская проза испытывает кризис<...> Самым легким путем для романа — был роман экзотический. Этот роман дает (дает ли?) теперь Эренбург. Здесь верный прицел, но здесь и линия наименьшего сопротивления. Только поборов здесь Эренбурга, русский роман выйдет на дорогу. Но дал ли роман Эренбург? Да, несомненно, и знаменитый “Хулио” и “Трест” — фельетоны; они распухли и, обманув бдительного читателя, стали романами. Маленькая форма перед тем, как окончательно сдать позицию, притворилась большой формой. Она сделала это очень остроумно и одержала легкую победу.

Петроград . Жизнь искусства., 1924. №4. С.13–14.

27 января.

И.Э. присутствует на похоронах В.И.Ленина:

Я не мог оставаться дома. Видел похоронную процессию на Балчуге. Помню, как несли гроб ближайшие товарищи Ленина (имена многих исчезли из учебников истории). Был в Колонном зале, где рыдания перебивали траурный марш. Москва, та, что, согласно поговорке, не верит слезам, плакала навзрыд. Я пошел к Николаю Ивановичу*, моему товарищу по нелегальной школьной организации, он жил во Втором доме Советов. Обычно веселый, он молчал, и вдруг я увидел в его глазах слезы.

ЛГЖ. Т.1. С.439

28 января

Назначенная на этот день лекция И.Э. из-за траурных дней отменена.

* Бухарину.

29 января

Вышла однодневная литературная газета “Ленин” со статьей И.Э. “Об обыкновенном и необыкновенном”:

Мы часто недоумевали. У нас было наше новое искусство, наше беспокойство, наше бродяжничество по миру. Нам казалось, что все это чуждо ему. Мы не знали, что вне его работы нет ни роста, ни жизни. Пусть дом не отстроен, пусть в нем очень трудно и очень холодно. Но, ведь, стены его растут. А там, где целы все дома, где десять лет назад писатели бунтовали и томились в городе сизых домов? А там — а там нам нет места. Маленькая буря в стакане воды кончилась. Остались оды в честь академика Фоша да приличный обед из трех блюд. Отчаяние европейской великой ночи — он знал и это. Он был однодумом, он думал об одном для того, чтобы другие, счастливые, могли думать о многом.

30 января

В.Маяковский дарит И.Э. свою книгу “Про это” с надписью:
“И.Эренбургу Вл.Маяковский 30/1 24 г.”

Собрание И.И.Эренбург.

Январь

Опубликована статья В.Правдухина “О культуре искусства”:

Ил.Эренбург тщетно пытается художественно зарисовать нам “Историю гибели Европы” в своем последнем романе и дает лишь лубок, схему, обнаруживая тем самым лишь слепоту своего художественного зрения, пустоту мировоззрения. Эта новая модная Вербицкая с большим светло-парижским шиком и с большим умом и мастерством, хочет ухватить “дух времени” и нарисовать нам новые космические бездны и провалы мира.

Красная новь. 1924. №1. С.290.

1 февраля

“Правда” сообщает:

Лекция И.Эренбурга состоится в понедельник 4 февраля в театре Зимина. Тема лекции “Пьяный оператор” (о современной Евро-

пе). В программе: как я ехал по Руру, Стиннес и конструктивизм, носовой платок фашистов, социалисты уже хлопают дверью, немецкая достоевщина, чаплинианство как новая религия и др.

Билеты, взятые на 28 января, действительны на 4 февраля.

2 февраля

Н.Тихонов из Ленинграда пишет в Гамбург Л.Лунцу:

Ждем Эренбурга. "Великий имитатор" прибудет через неделю.

Каверин В. Вечерний день. М.: Сов. писатель., 1982. С.59.

3 февраля

Писательница Н.И.Петровская пишет из Берлина в Рим переводчице О.И.Ресневич:

Вспомнила о Вашем желании перевести отрывок из "13 трубок". Но Вишняк сказал, что Эренбург "заломит" огромные авторские. Это из Италии-то! "Трубки" его их по-моему не стоят, а больше всего мне было бы жаль Вашего труда. Не люблю я Эренбурга.

Минувшее №8. М.: Феникс., 1992. С.121.

4 февраля

Сегодня Илья Эренбург читает лекцию в помещении театра Зимина на тему "Пьяный оператор".

Вечерняя Москва. 1924, 4 февраля.

Московские милиционеры, наблюдающие за порядком у дверей оперы Зимина, бессильно отступали перед бурным потоком молодежи, рвущимся, ломая двери, в помещение театра, где зимой этого года "гвоздь сезона" — Эренбург оплакивал искренне горькими слезами "гибнущую европейскую культуру".

Студенческая братия на галерке была представлена всеми своими разновидностями: начиная от редкой красноплатковой рабфаковки и кончая густой массой одеколонных "золотых пуговиц".

Внизу, в партере, мелькали аплодирующие нэпманские плеши. На далекой сцене Эренбург демонстрировал под аккомпанемент телячьего восторга "коллег" и нэпманских барышень европейскую кинофильму, заснятую "пьяным оператором".

Студент Требелев. — Красная молодежь., 1924. №1. С.174.

Кассовые окошки давно захлопнулись. Барышники разошлись с прибылью. Продавать больше нечего. Толпа ломит театр. Милиционеры не в силах сдержать натиск. Внутри столпотворение. Сажали на сцену к лектору. Заполняли оркестр. Сажать уже некуда. В проходах давка, в дверях сплошная “пробка”.

Начинает свою лекцию Илья Эренбург с сравнения европейских дней с кинематографической фильмой. Но фильму пустил пьяный оператор. И потому все так уродливо, нелепо и криво в Европе. Однако, пора ему протрезвиться, этому пьяному европейскому оператору. Лектор остро и хлестко касается нынешней Франции, Германии, Бельгии. Он старается вскрыть жуть капиталистического уклада. Немецкий, французский патриотизм — это не более, как фабрика этикеток: никто всерьез его не берет. Но все же он как-то знаменует собой немало сторон европейского уклада. Далее Эренбург переходит к обзору европейского быта сегодняшних дней, давая ряд тонких и едких характеристик. Он демонстрирует очень яркий портрет Стиннеса, того Стиннеса, который, по словам лектора, не перестает мечтать о своем “мировом Совнархозе”. Выходит достаточно убедительно.

Эренбург говорит о происхождении фашизма, применяя оригинальную теорию. Фашизм в Европе явление неслучайное, оно проходит через всю жизнь, через весь быт. Есть сейчас даже литераторы фашисты, как разновидность, как некоторое течение. Идея фашизма рождается в мрачных логовах семьи, в оцепенении глухого семейного быта. Что такое Германия наших дней? Это прорвавшаяся опухоль, гниющий организм.

На протяжении всей лекции Эренбург высказал ряд ценных мыслей. Глубиной эти мысли не всегда отличались, но, в целом, вышел сочный памфлет, насыщенный чисто эренбурговской парадоксальностью.

Вечерняя Москва. 1924, 6 февраля.

Начало февраля

И.Э. выступает в Москве с закрытой лекцией в Коммунистическом университете им.Свердлова.

Киев. Пролетарская правда., 1924, 16 февраля.

5 февраля

В Москве совещание поэтов-конструктивистов (К.Зелинский, В.Инбер, И.Сельвинский) об издании литературной газеты постановило:

Состав сотрудников газеты установить после сбора необходимой суммы. Пока же наметить для ближайшего участия в газете Илью Эренбурга и Виктора Шкловского.

Протокол совещания
(РГАЛИ. Ф.1604. Оп.1. Ед.хр.953.).

6 февраля

И.Э. пишет на Протоколе поэтов-конструктивистов о создании ими литературной газеты:

Согласен принять участие в литературной газете, если она не будет являться органом "конструктивистов".

РГАЛИ. Ф.1604. Оп.1. Ед.хр.953.

9 февраля

В субботу, 9 февраля, в здании Политехнического музея состоится второй вечер Ильи Эренбурга. Этот вечер Эренбург посвятит целиком прочтению двух своих рассказов: "Любовь Жанны Ней"* и "Трубка коммунара".

Вечерняя Москва. 1924, 7 февраля.

— Илья Эренбург сидел за столом, не пригибаясь к рукописи, а как будто совсем независимо от нее ронял короткие, бесстрастно построенные, остро отточенные фразы. Произнося реплики действующих лиц немного в нос, с французским призвуком, Эренбург слегка откидывался, встряхивая волосами, обильными у него тогда, закладывал ногу на ногу — это еще подчеркивало непринужденность, даже свободу от рукописи.

Читал же он иронические главы "Любви Жанны Ней".

Сафонов В. Вступление в мир. М.:
Правда, библ."Огонек" №11., 1983. С.43.

---

* Отрывок из романа.

10 февраля

И.Э. отправляется по городам Союза с чтением лекций:

Мне хотелось поездить по стране; денег у меня не было, и я соблазнился предложением одного из многочисленных в то время организаторов литературных вечеров. Он предложил мне поехать в Петроград, Харьков, Киев, Одессу и прочитать лекции о жизни Западной Европы. Импрессарио хотел идти в ногу со временем — следовательно, хорошо заработать; он был человеком не молодым и неизменным неудачником. Задумал он все безупречно: лекции устраивались Обществом Красного Креста, которое должно было получить часть доходов; в различные города выехали разведчики; один был сыном импрессарио Леней, молоденьким студентом, застенчивым нахалом, который решил, не теряя времени, написать книгу обо мне и все время ошарашивал меня вопросами <...>; другой организатор был человеком вполне деловым, он ел со смаком гуся, на станциях находил скучающих девиц и заманивал их в купе спального вагона, торговался с учреждениями, сдававшими залы, и говорил мне: "Я должен сегодня заработать двадцать червонцев, и вы увидите, что я их заработаю".

ЛГЖ. Т.1. С.432.

11 февраля

И.Э. вместе с Е.О.Сорокиной (Шмидт) приезжает в Харьков.

— В понедельник, 11 февраля, в театре Миссури состоится лекция вернувшегося из Берлина писателя Ильи Эренбурга. Тема лекции: "Современная Европа"(Пьяный оператор).

Харьков. Коммунист., 1924, 7 февраля.

Билеты продаются в общественной библиотеке от 11 до 2 ч., и от 4 до 9 ч. В понедельник 11 февраля в театре Миссури весь день.

Членам профсоюза 20 % скидки.

Харьков. Коммунист., 1924, 10 февраля.

В Харькове импрессарио снял цирк <...> Никаких микрофонов в то время не было. Я, надрываясь, кричал что-то о фильмах Чаплина, а публика ревела: "Не слышно". Я хотел уйти; меня удержал импрессарио: "Потребуют денег за билеты. У меня боль-

шая семья. Постарайтесь! Жена уже вам сбивает гоголь-моголь".

ЛГЖ. Т.1. С.432–433.

Лектор предупредительно оговорился, что он не "политик" (старая песня об аполитичности). Он — только "наблюдатель". Без сомнения, такая позиция во время гражданской войны не только удобна, но просто комфортабельна.

Лекция И.Эренбурга — фильма со множеством эпизодов, иллюстрирующих быт послевоенной Европы: репарации, "фокстрот", Пуанкаре, экспрессионизм, Стиннес, Коминтерн и проч. Такой с птичьего полета представляется Европа Эренбургу. "Птичий полет" вообще метод Эренбурга, несмотря на его эстетическое пристрастие к аэроплану. Ничего нового Эренбург не сказал, но талантливый беллетрист, он подносит свои впечатления в острой форме парадокса.

Харьков. Коммунист., 1924, 13 февраля.

— Из воспоминаний Б.А.Букиник:

Эренбург приехал в Харьков с лекциями. По городу были расклеены афиши. Грандиозный харьковский цирк (б.Миссури) переполнен <...> В Харьков Эренбург приехал со своей первой женой Катей (как он мне объяснил — чтоб в дороге решить вопрос об их дочери Ирине, которая прежде жила с матерью, а теперь хотела уехать с ИГ в Париж). Через день Катя уехала в Москву <...>

Поезд запаздывал. На вокзале Эренбурга встретила его кузина Роза* и повезла его на пролетке прямо на лекцию. По дороге она сказала: Ты знаешь, кто здесь? Бетти Александровна! — Скажи ей, что я несколько лет ношу с собой ее фото <...> Мы встретились дважды: один раз у Розы, а на другой день — в Наркомпросе, где Эренбург остановился <...> Прощаясь, ИГ сказал: "Давай обменяемся адресами, ты будешь писать мне длинные письма, а я тебе короткие.

Записано Б.Я.Фрезинским в Киеве в 1976 г. (СФ)

*Р.М.Аренштейн, библиотекарь.

12 февраля

"Известия" публикуют статью А.Дивильковского "В Москву, в Москву":

Приехавшие из Европы Андрей Белый и Илья Эренбург выступили в Москве с лекциями о своих зарубежных впечатлениях. И Белый, и Эренбург — люди весьма различные по своим взглядам, темпераменту и литературным талантам — сходятся в описании Европы в самых мрачных красках. <...> Эренбург рассказывает о засасывающей тине мещанства, лжи, ханжества, разврата и разложения, которые представляет буржуазная Франция. Патриотизм используется, например, для отвратительной спекуляции. Французы хорошо зарабатывают на мертвецах, устроив на полях битв все удобства для путешественников и показывая им достопримечательности вроде "18 тыс. черепов" и т.п. Во французской литературе он отмечает лишь хорошие посредственности и тоже отсутствие новизны <...> Эренбург, являющийся революционным попутчиком — жесточайший критик буржуазного общества, почувствовал тягу к Москве с первого своего приезда в Париж, если судить по романам, появившимся за границей, в которых он сжег свои буржуазные корабли.

12 или 13 февраля

И.Э. выступает в Харькове с закрытой лекцией в Коммунистическом университете им. Артема.

Киев. Пролетарская правда.,1924, 16 февраля.

14 февраля

Сегодня в Центральном партийном клубе лекция И.Эренбурга "Современная Европа".

Харьков. Пролетарий., 1924, 14 февраля.

15 февраля

Последний вечер Ильи Эренбурга в Харькове. В зале общественной библиотеки автор прочтет "Любовь Жанны Ней" и "Трубку коммунара".

Харьков. Коммунист., 1924, 15 февраля.

16 февраля

Перед отъездом из Харькова И.Э. пишет Е.Полонской:

Прости, что из Москвы не ответил тебе. Меня замучили — например здесь я был 5 дней и читал 6 раз. К тебе прибудет нечто трупообразное. Маршрут мой известен (я раб Украинского Красного Креста — это мой импрессарио). Я еду сначала на юг и приеду в Петербург к 5–7 марту. Пробуду неделю. Приеду прямо к тебе. Радуюсь страшно встрече.

— Рижская газета "Сегодня" публикует рецензию на берлинское издание книги Фр.Жамма "История девушки былых времен", вышедшую в переводе И.Э.

Середина февраля

Царицынский журнал "Пламя" (№3) публикует письмо общества старых большевиков "О нашей литературной политике":

Основным кадром литературно-художественных сотрудников наших партийно-советских журналов и издательств является либо чуждые нам осколки буржуазно-дворянской литературы типа Ходасевичей, Волошиных, Бальмонтов и Ко, либо неустойчивые мелкобуржуазные писатели, так называемые "попутчики" более (Пильняк, Эренбург, Никитин и т.д.) или менее (Всеволод Иванов, Зозуля и т.д.) чуждые идеологии и психике рабочего класса.

Эти частью враждебные нам, частью половинчатые группировки пользуются материальной и моральной поддержкой органов государства и покровительством некоторых из наших ответственных товарищей (литературная линия "Красной нови", редактируемой тов. Воронским, "Красной нивы", редактируемой т.т. Луначарским и Стекловым, Госиздата, руководимого тов. Мещеряковым и т.д.). Этих писателей защищают в печати (статья т.Троцкого о партийной политике в искусстве, предисловие т. Бухарина к "Хулио Хуренито" Эренбурга, примечание редакции "Известий" к фельетону Пильняка "Лондон", статья т. Воронского "Искусство, как познание жизни" в "Красной нови" и т.д.). Эти писатели иногда даже выдаются за поэтов революции (статьи т.т. Осинского и Коллонтай об Ахматовой) <...>

С точки зрения собрания общества старых большевиков такое положение недопустимо. Необходим решительный пересмотр проводящейся до сих пор литературной политики.

17 или 18 февраля

И.Э. приезжает в Киев.

18 февраля

В театре имени Ленина лекция Ильи Эренбурга на тему “Пьяный оператор” (О современной Европе) <...> На эту же тему, в скором времени, состоятся закрытые лекции для студентов.

Киев. Пролетарская правда., 1924, 17 февраля.

В том фейерверке острот, каким нас порадовал пиротехник от литературы Илья Эренбург, нам особенно запомнилась мысль о том, что современная Европа напоминает кем-то наугад пущенную фильму. Запомнилась потому, что лекция Эренбурга — та же фильма в хаотическом, поверхностном, утомительно-остроумном порядке излагающая все то, что по мнению его, Эренбурга, и есть современная Европа <...> Эренбург болен, и болен неизлечимо: он заражен лихорадкой остроумия. Есть железная логика цифр, есть тяжелый лаконизм фактов — у Эренбурга доводы построены на легких французских словечках; в его суждениях какая-то странная смесь из проповедей Иеремии и Аверченко <...> Далеко не случайна фраза Эренбурга: “Я сам не знаю, что будет с Европой”. Это неведение и есть определяющее свойство его интеллектуальной натуры. Переходные эпохи создают такие упадочные мировоззрения: их сферой является область чистого отрицания, их пафос — пафос скептика, нередко переходящий в цинизм <...> Вокруг Эренбурга часто спорят люди самых различных мировоззрений — наш или не наш. Секрет заключен здесь именно в том, что Эренбург ничей.

Киев. Пролетарская правда., 1924, 20 февраля.

19 февраля

Сегодня в Доме Просвещения (Советская, №2) состоится диспут о творчестве Ильи Эренбурга. В диспуте участвуют: Бачелис,

Иванов, Канторов, Блиц и др. Начало в 6:30 вечера. Вход для членов Союза Работпресс 1000 руб.

Киев. Пролетарская правда, 1924, 19 февраля.

20 февраля

В общегородском партийном клубе "Большевик" сегодня вечер писателя И.Эренбурга. Начало в 8 ч. вечера. Вход только для членов клуба.

От Президиума Правления клуба им. Спиридонова: т.т. рабкоры, желающие получить билеты на лекцию Эренбурга в партклубе, должны зайти сегодня от 2-х до 4-х ч. дня в Отдел Раб.жизни к завклубу т. Когану.

Киев. Пролетарская правда, 1924, 20 февраля.

21 февраля

Сегодня в Доме печати Илья Эренбург прочтет новые, ненапечатанные произведения: роман "Любовь Жанны Ней" и рассказ "Трубка коммунара".

Вход только для членов секции работников печати.

Киев. Пролетарская правда, 1924, 21 февраля.

21 февраля в помещении клуба Рабкомхоз состоялась генеральная репетиция пьесы "Универсальный Некрополь".

Киев. Пролетарская правда, 1924, 24 февраля.

В 1924 г. в Киеве я пошел на спектакль — инсценировку "Хулио Хуренито". На сцене показывали Илью Эренбурга, у него на плечах сидел американец мистер Куль и покрикивал: "Живей, живей, моя буржуазная кляча". Мой тесть, доктор Козинцев, возмущался, а мне было смешно.

ЛГЖ. Т.1. С.379.

23 февраля

Сегодня в Пролетарском Доме искусств состоится выступление Ильи Эренбурга. Автор прочтет свои последние, нигде не напечатанные произведения: "Любовь Жанны Ней" и "Трубка коммунара". В конце вечера — обмен мнениями.

Киев. Пролетарская правда., 1924, 23 февраля.

— Одесский вечерний выпуск “Известий” сообщает:

В Одессу приезжает недавно вернувшийся из-за границы писатель и поэт (автор романов “Хулио Хуренито”, “Трест Д.Е.”, “Жизнь и гибель Николая Курбова” и др.) Илья Эренбург. <...> В Одессе Илья Эренбург прочтет единственную лекцию в театре им. Шевченко в понедельник, 25 февраля. Лекция носит название “Пьяный оператор”.

24 февраля

И.Э. уезжает из Киева в Одессу.

— Завтра в помещении театра Ленина будет поставлена премьера “Универсальный Некрополь”. Билеты на спектакль будут продаваться рабочим и учащимся со скидкой в 30 %. Необходимо представить списки, засвидетельствованные фабзавкомом или студкомом.

Киев. Пролетарская правда, 1924, 24 февраля.

— Киевская “Пролетарская правда” печатает “Письмо в редакцию” И.Э.:

Театр-мастерская им.Михайличенко поставила без моего ведома пьесу “Универсальный Некрополь”, являющуюся переделкой трех моих книг, искажающую их сущность. Полагая, что такого рода переделки по отношению к живым авторам, работающим в СССР, являются недопустимыми, считаю необходимым против этого протестовать. Декрет Союзного Совнаркома оберегает авторские права от подобных посягательств. Я не считаю в данном случае возможным воспользоваться своими правами исключительно из уважения к работе, проделанной коллективом. Илья Эренбург.

В этом же номере помещен “Ответ на письмо в редакцию И.Эренбурга”:

Не считая необходимым дискутировать по вопросу об искажении существа книг Ильи Эренбурга, взятых материалом для нашей постановки “Универсальный Некрополь”, точно также не предполагая, что в данном случае произошло формальное нарушение авторского права гр. Эренбурга (ибо о постановке было объявлено на столбцах нашей газеты в сентябре 1923 г., тогда как декрет об ав-

торском праве в РСФСР датирован январем 1924 г.) — театр-мастерская им.ГН.Михайличенко сообщает, что в ответ на требование гр. Эренбурга она сочла возможным произвести в постановке замену всех собственных имен персонажей и мест действия, заимствованных из произведений Эренбурга.

Впредь в постановке будут именоваться Илья Эренбург — "литератор Былтаков", мистер Куль — "мистер Босс", мосье Дэле — "мосье Фишо", герр Вольф — "герр Гант", Эрколе Бамбучи — "Пунчинелло Папито", Енс Боот — "Питер Дук", Люси — "Мари", Курбов — "Внуков", Алексей Тишин — "Афанасий Смертяков" и Тараканий брод — "Собачья тропа". Театр-студия имени Г.Михайличенко.

— В №8 журнала "Красная нива" публикуется рассказ И.Э. "Веселый финиш"

— "Литературная неделя" берлинской газеты "Накануне" публикует обзор Юрия Слезкина "Литературная Москва":

— А Илья Эренбург?

— Писатель занимательный.

— Ну...

— Что же ну! Только и всего. Никто не возражает. Воевать не с кем. Читают все. Каждому любопытно. "Гибель Европы"? Чудесно! Что-то еще придумает? "Пьяный оператор"? Еще того лучше! Обязательно послушать надо. Воображаю, чего накрутит! И идут, валом валят. Вот, как на тигров. И как это он может! Слыхали? — в четыре года — девять романов! А главное — всех решительно кроет. Бог с ними, с такими поклонниками.

— Да — это точно! Завидовать нечему. Только, ведь, все-таки, Эренбург достоин лучшей участи.

— Безусловно, как каждый талант, у которого бездарные поклонники.

25 февраля

И.Э. приезжает в Одессу. Лекция И.Э. в театре им.Шевченко.

Я увидел впервые Одессу; я знал ее по забавным анекдотам, и "Одесса-мама" меня удивила: она оказалась печальной. В порту было пусто. Кое-где чернели развалины. Исчезло, видимо, былое

легкомыслие; жизнь не налаживалась. На одной из площадей я увидел голову бородатого удельного князя, под ней значилось: Карл Маркс". <...> "Лондонская гостиница" была живописным местом. В некоторых номерах по-прежнему жили ответственные работники; жены готовили на примусах обед, нянчили детей; вечером шли разговоры о последней передовице "Правды", о повестке дня Тринадцатого съезда. В других номерах останавливались спекулянты, журналисты, актеры эстрады, "красные купцы"; там пили, иногда дебоширили. На базаре я услышал песенку "Ужасно шумно в доме Шнеерсона". А у Шнеерсона было очень тихо; тихо было на улицах, носивших новые имена: Интернациональная, Пролетарская, Лассаля, Коммуны. В кафе Печерского спекулянты, заказывая стакан чаю, старались перепродать друг другу трухлявые зеленые или оранжевые доллары. Маклеры на час нервно позевывали — время от времени происходила облава и всех забирали.

В местной газете секретарь редакции показал мне стихи молодого одессита; он писал о море, о птицах, о клетках для птиц; стихи мне понравились, я спросил, как зовут поэта; секретарь ответил: "Эдуард Багрицкий".

Я разбил стекло ручных часов и пошел к часовщику. Он долго подгонял стеклышко; я молча ждал, а он говорил не замолкая: "Сегодня в газетах напустились на Керзона. Но я вам скажу, что Керзон их не боится. Это я их боюсь. Во-первых, я боюсь фининспектора, во-вторых, я боюсь ГПУ, в-третьих, я боюсь вас — откуда я знаю, что вы за человек и зачем вы хотите, чтобы я вам все выкладывал?"

ЛГЖ. Т.1. С.433–434.

— В помещении театра им. Ленина мастерская им. Михайличенко ставит премьеру "Универсальный Некрополь". Сюжет заимствован из трех романов Эренбурга — "Хулио Хуренито", "Жизнь и гибель Николая Курбова" и "Трест Д.Е." — переделка И.Бачелиса. Конструкция художника Елевы. Музыка Вериковского. Мастер танца — Висловская. В постановке занято до 100 чел.

Киев. Пролетарская правда,
1924, 21 февраля.

26 февраля

Московский журнал “Зрелища” (№75) сообщает:

В театре им. Мейерхольда принята к постановке инсценировка Подгаецкого “Трест Д.Е.” по Эренбургу и по “Туннелю” Келлермана, драматическая переработка инсценировки производится драматической коллегией режфака Гектемаса. Ставит Вс.Мейерхольд. Участвует вся труппа и все студенты Гектемаса. Постановку предполагается осуществить в текущем сезоне.

27 февраля

М.Ольшевец в “Известиях Одесского Губкома, Губисполкома и Губпрофсвета” опубликовал под заголовком “Кафе-наблюдатель Шпенглер и тетушкин комод” рецензию на прочитанную в Одессе лекцию И.Э.

— Киевская “Пролетарская правда” публикует рецензию на спектакль “Универсальный Некрополь”:

Эренбург разобиделся. Автор и мастерская постановкой “Универсального Некрополя” исказили сущность его книги. Бедный Эренбург, бедные эренбурговские герои <...> Есть за что обидеться Эренбургу! Как это сделано? Сделано остроумной переделкой тов. Бачелиса и хорошей массовой постановкой тов. Терещенко <...> Исказил Бачелис эренбурговское творчество именно так, как нам надо. Исказил, использовав, как хороший шнур для поднятия занавеса над разлагающейся Европой <...> Мастерская и автор свою задачу выполнили хорошо. Разбита призма утонченного наплевательства, сквозь которую преломились взгляды Эренбурга и на Европу и на революцию. Сработано чисто.

29 февраля

Московская газета “Красная звезда” публикует рецензию на “Трест Д.Е.”, в которой роман И.Э. анализируется с чисто военной точки зрения.

Конец февраля

Из Одессы И.Э. отправляется в Ленинград.

Февраль

Журнал "Огонек" (№7) публикует очерк И.Э. "Родина Хулио Хуренито".

— Журнал "Огонек" (№8) публикует рассказ И.Э. "Бубновый валет".

— И.Груздев рецензирует роман И.Э. "Трест Д.Е.":

"История гибели Европы" представляет собой пародию на исторический труд. В нормах этой пародии Эренбург создал сильный памфлет на современное состояние капиталистической Европы, самоистребляющейся в путах своей же собственной жадности и недальновидности. "Трест Д.Е." является одним из наиболее выдающихся явлений современной прозы, как по художественным данным, так и по своему общественному значению.

Звезда. Л.,
1924, №1. С.307.

3 марта

Приехал в Ленинград писатель И.Г.Эренбург, автор нашумевших романов "Хулио Хуренито", "Николай Курбов" и "Трест Д.Е.". Эренбург прочтет в Ленинграде несколько лекций на тему о гибели Европы и отрывки из своего нового, ненапечатанного романа "Любовь Жанны Ней". Из Ленинграда писатель уезжает за границу.

Красная газета. Л.,
1924, 4 марта.

— Прямо с поезда И.Э. отправляется к Е.Г.Полонской (Загородный проспект, д.12, кв.6).Днем, с посыльным из гостиницы он послал ей записку:

Лиза: 1) 2 новости: В Витебск я, очевидно, не еду. 2) Получил от импрессарио комнату в Европейской — №303. Дай, пожалуйста, посыльному вещи. Болит голова, если пройдет, вечером приду к Серапионам.

— Сегодня заходил к Замятину и познакомился у него с И.Эренбургом. Вид очень молодой, европейский, умный.

Эйхенбаум Б. Дневник, 1924.
Филологические записки., вып.10,
Воронеж, 1998. С.213.

4 марта

В.Маяковский выступает в Москве, в Политехническом музее с докладом “Отчет за 1923–24 гг.”:

Тезисы: 1) Стихи на затычку, 2) Белебристика, 3) Белые сосиски Лизистраты, 4) Молодящиеся старички — Маковец, 5) Стариковствующие молодые — АХРР, 6) А все-таки Эренбург вертится, 7) Лес дыбом и т.д.

Маяковский В, ПСС. М.: ГИХЛ., 1961. Т.13. С.157.

Был такой вечер Маяковского в Политехническом музее, с завлекательной афишей, весной 4 марта 1924 г. <...> Передо мной лежала записная книжка и я, ловя каждое слово поэта, вписывал его на свои страницы <...>

Реплика:

— Вы обещали рассказать про Эренбурга.

Маяковский:

— Не беспокойтесь! За это заплачены деньги, о чем говорится в афишах — все будет. Да, Эренбург все-таки вертится. Это фигура, которая привлекает толпы. Король нэповской литературы. Его издает Госиздат. Его покупают ответственные работники.

Реплика:

— Откуда вы его так хорошо знаете?

Маяковский:

— От соседей. Я не читал ничего Эренбурга и обещаю ничего Эренбурга не читать. Впрочем, я прочел шестнадцать страниц “Николая Курбова”. Это поэтическая импотенция. Только беззубые тарзанщики могут находить в этом удовольствие.<...> Наивная галиматья стиля Эренбурга не нуждается в доказательствах. Чего стоит одни его дешевенькие аллитерации “розовые розы”! И вообще, товарищи, прекрасен “Курбов” при тихой погоде. А при нашей качке на таких романах дальше черной биржи не уедешь.

Зелинский К. В изменяющемся мире.
М.: Сов. писатель., 1969. С.20, 22–24.

5 марта

И.Э. пишет Вс.Мейерхольду:

Сейчас прочитал в “Зрелищах” заметку, будто Вы хотите ставить пьесу некоего Подгорецкого, представляющего сочетание меня с Келлерманом. Наше свидание этим летом, в частности, беседы о возможности моей переделки “Треста”, позволяют мне думать, что Вы дружественно и бережно отнесетесь к моей работе. Поэтому решаю первым долгом обратиться к Вам с просьбой, если эта заметка верна, отказаться от этой постановки. Я сам серьезно занят планом переработки моей книги для театра и кино и подобное использование оным Подгорецким да еще с дополнениями сомнительных свойств (Келлерман) подорвет мою работу. Я ведь не классик какой-нибудь, а вполне живой человек. Мне 33 года и я прошу об одном: дать мне возможность самому делать из моих книг все, что сделать из них возможно. Жду от Вас скорейшего ответа, ибо остаюсь здесь всего неделю.

Новый зритель, 1924, №18. С.16.
Вопросы литературы, 1973, №9. С.291.

Начало марта

В Ленинграде я познакомился со многими писателями, которых раньше знал только по книгам: А.А.Ахматовой, Е.И.Замятиным, Ю.Н.Тыняновым, К.А.Фединым, М.М.Зощенко.

ЛГЖ. Т.1. С.622.

— И.Э. знакомится с директором издательства “Петроград” Я.Б.Лившицем и договаривается об издании книги “Бубновый валет” и перевода романа Ф.Элленса “Басс-Бассина-Булу”.

— По приглашению Г.М.Козинцева И.Э. встречается со студентами ФЭКСа:

Восемнадцатилетний Козинцев преподавал киножест — нечто напоминающее нынешний урок актерского мастерства, только для немого кино. Двадцатитрехлетний Трауберг — кинограмоту. Теперь я понимаю, что это было скорее введение в искусствоведение. О литературе нам рассказывал Тынянов, Эренбург — о французской живописи.

Жеймо Янина. Советская культура,
1979, 11 сентября.

8 марта

Ида Слонимская (Каплан) пишет Л.Лунцу:

Читал на Серапионах Илья Эренбург. Было чрезвычайно торжественное собрание, говорили шепотом и все были очень вежливы. У Эренбурга удивительно симпатичная внешность и он совсем не зазнается. Читал отрывки из романа "Любовь Жанны Ней". Совершенно Диккенс. Серапионы благоговейно слушали, хвалили. Груздев и Федин интересовались судьбой героев и вообще все были страшно вежливы, а когда он ушел — начали крыть, особенно Зощенко, и разоблачили совершенно.

Новый журнал. Нью-Йорк,
1966. Кн.82. С.152.

Слонимский занимал узкую, длинную комнату с одним окном. Небольшой письменный стол, два-три венских стула, круглый столик и кровать составляли всю мебель. Кровать стояла в углу, у печки, напротив двери. За кроватью у стены виднелся поставленный на ребро матрац. Получалась невысокая спинка, как у дивана <...> В этой комнате я впервые увидел И.Эренбурга.

Раковский Л. "Крестный".
Л.: Звезда., 1979, №5. с.205–206.

Он зашел к кому-то из "Серапионовых братьев". Сохраняя не то брезгливое, не то горестное выражение рта, рассказал он, сонно глядя мимо собеседников, что пишет сейчас "Жанну Ней", поставил себе простую задачу: сделать книгу, над которой плакали бы. Он достал из портфеля и показал готовый план книги, похожий на генеалогическое дерево или штатное расписание. Разноцветные кружки или квадратики, соединенные прямыми линиями, занимали длинный лист бумаги. Меня этот план почему-то рассердил и напугал, но Федин, у которого я отозвался с насмешкой о такого рода планировании, спросил удивленно: "А как же иначе?" — и достал из стола лист, весьма похожий на эренбурговский, со схемами будущего своего романа.

Шварц Е. Живу беспокойно.
Л.:Сов. писатель., 1990. С.294.

9 марта

Комитет Современной Литературы, входивший в Отдел Словесных искусств Государственного института Истории Искусства обсудил в присутствии автора отрывки из романа “Любовь Жанны Ней”.

Поэтика. Сборник статей.
Л.: Академия., 1926. С.159.

— Возвращение к дебатам о крупной прозаической форме было приурочено к чтению И.Г.Эренбургом отрывков из романа “Любовь Жанны Ней”. В.Б.Шкловский находит, что “Любовь Жанны Ней” скорее чучело романа, нежели живой роман. Ясна связь с Диккенсом. Но Диккенс дан в его сегодняшнем восприятии,<...> Эренбург отошел от своей чрезвычайно интересной дороги. В его “Хулио Хуренито” материал играл самостоятельную роль (рассуждения, газетный фельетон). “Трест Д.Е.” был написан скупее. А теперь мы дошли до Диккенса. Самого Эренбурга уже нет. Ю.Н.Тынянов отметил, что сейчас век описательной прозы: нельзя сказать: “человек встал”, “человек сел”, — нужно говорить КАК он встал и КАК сел. Мы имеем целый ассортимент запретных мест. Под запретом — сентиментализм и банальность. Эти запреты, быть может, следует разрушить, и роман Эренбурга делает такую попытку. Дело меняется, если дается не только банальность, но и стилизация банальности. В романе Эренбурга не только Диккенс, но и Виктор Гюго и Ромен Роллан (“Молодое вино”). У Эренбурга два пути: фельетон и крупная форма. Крупная форма приводит сейчас к стилизации романа: уже стерлось ощущение жанра. Предстоит создание нового жанра и усвоение русского материала.

И.А.Груздев указывает, что со времени “Серебряного голубя” мы не имели настоящего романа. Эренбург не только дает нам таковой, но, казалось бы, осуществляет все наши надежды последних лет. Ведь именно от такого фабульного романа с интенсивным сюжетом, с динамикой, с безукоризненным сведением концов ждали мы спасения. А Эренбург словно затем и привез этот роман, чтобы окончательно убить наши надежды. Оказывается, что именно настоящий роман и не нужен, и чем он настоящее, тем хуже.

К.А.Федин считает, что для писателя важно отыскать близкий ему материал. А найти материал — значит найти долженствующую форму. Так у О.Генри, например, из материала является анекдот. Ошибка Эренбурга в том, что его материал не соответствует форме, сюжет оказался сильнее материала — почти невесомого.

Русский современник. Л., 1924, №2. С.276–277.

— В воскресенье 9-го в Комитете читал Эренбург отрывки из романа "Любовь Жанны Ней". Народу было невероятно много. Ахматова, Пунин, Шкловский, Каверин, Федин, Тихонов, Слонимский, А.Смирнов, Форш, все обычно бывающие, студенты и т.д. Эренбурга обстреливали, но он очень умно отвечал.

Эйхенбаум Б. Дневник, 1924. Филологические записки., вып.10. Воронеж, 1998. С.214.

— Эренбург являлся в свое время не то символом, не то карикатурой дилетантского духа. Эренбург, не знающий русской грамоты, спутавший Диккенса с Виктором Гюго, показавший образец стилистической страшливости. Зато в "Комитете по изучению новейшей русской литературы" он совершенно непринужденно рассуждал о сюжете, о герое, об обнажении и говорил: "Да, конечно, "Жанна Ней" — мелодрама, но в мое авторское задание и входило написать мелодраму. Понимаете ли — примитив!"

Ах, сукин сын.

Гинзбург Лидия. Записи 20–30-х гг. Новый мир, 1992, №6. С.148.

Соединения небрежности и внимания — вот первое впечатление, которое произвел на меня Эренбург, когда в марте 1924 г. он приехал в Ленинград из Парижа и был приглашен на обсуждение его романа "Любовь Жанны Ней".

Небрежность была видна в манере держаться, в изрядно поношенном костюме, а внимание, взвешивающее, все замечающее, — терпеливости, с которой он выслушивал более чем сдержанные отзывы о своем романе.

Ему было интересно все — и способные на дерзость молодые люди, и их учителя, выступавшие скупо, сложно.

Он много курил, пепел сыпался на колени. Немного горбясь, изредка отмечая что-то в блокноте, он, казалось, не без удовольствия, следил за все возрастающей температурой обсуждения.

Эренбург слушал не перебивая, с любопытством. Лицо его оживилось, он как будто повеселел под градом возражений. Он стал отвечать, и с первого слова мы поняли, что перед нами острый полемист, легко пользующийся громадной начитанностью и весьма внимательно следивший за делами нашей литературы: "Все ждали появления сюжетного романа. Теперь, когда это произошло, — сказал Эренбург, — начинают требовать, чтобы он перестал быть сюжетным". Да, он сознательно стремился к занимательности и удивляется только тому, что оппонент, упрекавший его в том, что эта занимательность заимствована с Запада, не сослался при этом на "Дафниса и Хлою". Оппоненту, заметившему, что "не стоит писать толстую книгу, чтобы убить ею критика", он ответил, что пора научиться спорить, не пользуясь тяжелыми предметами, будь то полено или книга.

Он отнюдь не собирается скрывать, что сюжет романа был тщательно обдуман, более того, графически изображен. Сейчас он покажет карту, которой он пользовался, работая над романом <...> Эренбург понял — это почувствовалось сразу, — что карта не произвела впечатления. Он сложил ее, сунул в портфель и, отвечая на чей-то вопрос, стал интересно рассказывать о французской литературе.

Каверин В. Поиски жанра.
В кн.: "Воспоминания об Илье Эренбурге".
М.: Сов. писатель., 1975.С. 35–37.

10 марта

В московских газетах появляются сообщения о постановке пьесы "Д.Е.":

Всеволод Мейерхольд предполагает в этом сезоне поставить в своем театре "Трест Д.Е." по Эренбургу. Пьеса составлена Подгаецким и будет обработана драматургической частью режиссерского факультета Государственных экспериментальных театральных мастерских имени Мейерхольда. Режиссер-постановщик — Мей-

ерхольд. В этой постановке принимают участие вся труппа и студенты мастерских Мейерхольда. Пьеса пойдет в апреле с.г.

Вечерние известия. М., 1924, 10 марта.

— Большой зал Консерватории. 10 марта. Лекция Ильи Эренбурга "Пьяный оператор" (о современной Европе). Подробности в афишах. Билеты продаются в Центральной Кассе: просп.Октября 25, №23, в кассе Консерватории от 1 до 6 ч.

Ленинградская правда, 1924, 9 марта.

Толпа забила Большой зал Консерватории, где он выступал. Студенты прорывали наряды милиции и мчались наверх по лестнице.

Шварц Е. Живу беспокойно.
Л., 1990. С.294.

Оператор пьян, фильма испорчена, картина застыла на экране и не меняется. Сменовеховец навыворот, Эренбург не верит в революцию в Германии. Он не находит там предпосылок социальной революции. Есть сдвиги быта, скорее даже болезненные уклоны, объяснимые десятилетней голодовкой, но для Эренбурга революция в Германии немыслима. И не этим ли парадоксальным непониманием нависших грозою в Европе событий, не этой ли чисто хуренитовской поверхностностью в оценке событий следует объяснить переполненный зал государственной Консерватории и двухтысячную обывательскую толпу у входа, ревевшую и требовавшую билетов. Нэпманская публика искала и нашла своего пророка.

Ленинградская правда, 1924, 12 марта.

И.Эренбург показал случайную наспех собранную серенькую мозаику. И все это сдобрено парою-другою удачных парадоксов, кудрявыми словесными фиоритурами "под занавес" и хлесткими ярлыками. И совсем уж бесцветна та часть лекции, в которой говорится об искусстве современной Европы.

Охотников послушать и посмотреть автора "Хулио Хуренито" собралось изрядное количество. Большой зал Консерватории был почти полон. Но это совершенно не способствовало поднятию в нем температуры. От калориферов не исходили живительные Гольфстримы, а снимать верхнее платье было обязательно.

Вечерняя Красная газета . Л., 1924, 13 марта.

12 марта

В Большом зале Консерватории последний вечер Ильи Эренбурга. В программе: 1. Любовь Жанны Ней. 2. Трубка коммунара. В конце вечера обмен мнениями.

Ленинградская правда, 1924, 12 марта.

— В журнале "Ленинград" №5 опубликовано стихотворение И.Э. "Я так любил тебя".

14 марта

И.Э. заключает с ленинградским "Киносевером" договор на сценарий фильма по роману "Любовь Жанны Ней".

ЦГАЛИ СПб. Ф.4309. Оп.2. Д.147. Л.22.

15 марта

Вечерняя Красная газета (Ленинград) пишет:

В репертуар предстоящих гастролей театра Революции в Ленинграде войдут следующие пьесы: "Рогоносец", "Земля дыбом", "Смерть Тарелкина", "Лес" и "Трест Д.Е".

16 марта

Литературное приложение к берлинской газете "Накануне" сообщает:

Издательство "Новые вехи" выпустило книгу Ильи Эренбурга "13 трубок". Готовится к печати — Илья Эренбург "Пьяный оператор"*.

17 марта

Ленинградская газета "Последние новости" начинает публикацию лекции И.Э. "Пьяный оператор". Публикация заняла 6 номеров газеты и была прервана после 14 апреля в связи с закрытием газеты.

18 марта

Вс.Мейерхольд отвечает на письмо И.Э.:

Гражданин И.Эренбург.

---

* Не вышла

Я не понимаю, на каком основании обращаетесь Вы ко мне с просьбой “отказаться от постановки” пьесы т.Подгаецкого? На основании нашей беседы в Берлине? Но ведь эта беседа в достаточной мере выяснила, что, если бы даже Вы и взялись за переделку Вашего романа “История гибели Европы”, Вы сделали бы пьесу так, что она могла бы быть представлена в любом из городов Антанты, но в моем театре, который служит и будет служить делу Революции, нужны пьесы тенденциозные, такие пьесы, которые имеют в виду одну только цель: служить делу Революции. Напоминаю: от проведения коммунистических тенденций Вы решительно отказались, указывая на Ваше в отношении социальной революции безверие и на Ваш природный пессимизм.

В течение всего этого сезона Вы не предлагали мне Вашей пьесы, да и в этом письме Вашем от 5 марта Вы не говорите о том, что для моего театра готовите переработку Вашей книги.

Пьеса Подгаецкого была принята мною в ноябре 1923 г.

Новый зритель, 1924, №18. С.16–17.
Мейерхольд В.Э. Переписка.
М.: Искусство., 1976. С.231–232.

Ответ был страшен, в нем сказалось неистовство Мейерхольда и никогда бы я о нем не рассказал, если бы не любил Всеволода Эмильевича со всеми его крайностями.

ЛГЖ. Т.1. С.330.

— Ленинградский журнал “Жизнь искусства” публикует статью Н.Стрельникова “Эренбург по Эренбургу”:

Эренбург не прав, когда говорит, что в эпоху масс по беспроволочному телефону на одних проповедях не сделаешь аншлага. Проповедь Эренбурга (а это была не только не лекция об Европе, но и вообще не лекция, а проповедь) сделала аншлаг. Со времени лицезрения картин эвакуации населения в первые месяцы войны десять лет тому назад я не видел такой импульсивности наседавшей толпы жаждущей проникнуть в аудиторию Эренбурга.

Эренбург говорил об Эренбурге. Это была не проповедь служителя о боге, а проповедь бога о самом себе.

19 марта

“Вечерняя Красная газета” (Ленинград) помещает фельетон Э.Гарда “Чарли-чаплинцы” в связи с лекцией И.Э.:

Публике, толпе, обывательщине нужен клоун. <...> Попробовали футуризм, богоискательство, порнографию, спиритизм, натпинкертоновщину. И все надоело. Потянуло на “солененькое” <...> Недаром у нас прут на лекцию “смотреть” Илью Эренбурга. Приехал он в Ленинград из-за границы. Дорога известная: с вокзала на кафедру. Теперь ведь так повелось, что каждый “сменовеховец”, решившийся наконец “переменить берлинскую пивную на нэповскую” — начинает читать нам лекцию. Тема всегда одна: “Ах, эта гнилая Европа!” <...> Театры наполовину пусты. А вот лекция Чарли Чаплина ... То бишь, Ильи Эренбурга собрала полный зал Консерватории.

О, успокойтесь: это — всего только “сливки нэпа”. Это те, о которых сказано Щедриным: — Они, бедные, ведь думают желудком! Что с них спрашивать!”

Середина марта

И.Э. возвращается из Ленинграда в Москву.

— Ленинградский журнал “Новая книга” №3–4 анонсирует:

Государственное издательство печатает и готовит к печати <...> Эренбург Илья. “Не переводя дыхания”. Стихи 1922–1923 гг.

— В середине марта в Москве выходит новый толстый журнал “Россия”, размером в 20 печатных листов. В №1 печатается два романа: Ильи Эренбурга — “Любовь Жанны Ней” и Ольги Форш — “Одеты камнем”. Роман И.Эренбурга инсценируется для кинематографа.

Берлин. Руль, 1924, 23 марта.

22 или 23 марта

И.Г. и Л.М.Эренбурги уезжают из Москвы в Германию через Ригу.

— Жена Эренбурга рассказывала, как вы вместе ехали на вокзал (они уезжали, Вы провожали). “Был замечательный вечер”. Борис, это ты со мной ехал на вокзал, меня провожал.

Из письма М.Цветаевой Б.Пастернаку 14 февраля 1925г.
(Цветаева М. Собр.соч .Т.6. М.,1995. С.244.).

23 марта

И.Э. в поезде Москва-Рига пишет Е.Полонской:

Я хотел все эти дни написать тебе из Москвы. Но шла кутерьма еще большая, нежели в Петербурге. Мне очень больно, что мы так и не повидались с тобой по-настоящему (это не сентиментальность, а правда!) и что в последний час ты не дождалась меня. Твою тетрадь ты, верно, уже получила от Слонимского. Я еду невеселый: грустно расставаться с Россией.

24 марта

И.Э. пишет В.Лидину:

Пришлось остановиться на день в Риге. Это передняя Европы, не очень привлекательна. Даже харч после московского плох. Сейчас прочел в газете, что вышла 4-ая "Беседа", а в оной Ваш рассказ "Зацветает жизнь". О Москве и России вспоминаю с нежностью и видно теперь в Европе долго не высижу.

— И.Э. отправляет письмо М.М.Шкапской:

Пишу из Риги <...> Завтра утром едем дальше <...> Думаю осенью непременно быть в Петербурге. От него и от России осталось столь доброе впечатление, что вряд ли долго засижусь теперь в моей Европе. Сейчас буду работать: сценарий, пьеса, роман. В июне приедет за границу Ирина. <...> Привет от меня Тихонову.

— Л.М.Эренбург, вспоминая московские проводы, пишет из Риги Н.А.Шифрину:

На вокзале было три человека, которых я люблю — Вы, Пастернак и Савич. В Берлине будет много народа, который я не люблю. У меня такое чувство, как будто я всю жизнь очень весело делаю то, что не хочется. Об этом я Вам писала в 19 г. из Харькова в Киев. Вы, конечно, этого письма не получили. Тогда очень скверно работала почта. Теперь Вы все получите. Все почтовые чиновники на красной доске.

РГАЛИ. Ф.2422. Оп.1. Ед.хр.283. л.1.

25 марта

В №13 журнала "Жизнь искусства" — статья Н.Стрельникова "Десять мыслей о новом искусстве", написанная в связи с лекцией И.Э.

25 или 26 марта

И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают в Берлин.

3 апреля

Харьковская газета “Коммунист” публикует статью А.Лейтеса “Цыплячья философия под нэповским соусом. Об Илье Эренбурге”.

4 апреля

“Ленинградская правда” сообщает:

Ближайшей постановкой театра им.Мейерхольда будет “Трест Д.Е.” Пьеса разбита на 17 эпизодов, из которых большинство по Эренбургу, остальные — по Келлерману (“Туннель”) и Подгаецкому (автор инсценировки). Подготовка под общим руководством В.Э.-Мейерхольда. Костюмы по эскизам А.Я.Головина.

Начало апреля

А.В.Луначарский в одиннадцатой лекции цикла “История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах” для слушателей Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова говорит об И.Э.:

У нас есть сейчас один писатель, который, как мне кажется, будучи маленьким по сравнению с Гейне, все-таки его напоминает. Это Эренбург. У него есть известная сентиментальность, иногда печаль по поводу собственной беспринципности, но он всегда беспринципен. Был он у белых, затем перешел к красным, но и к тем и другим относится иронически. Это все для него материал, чтобы писать, все представляется ему мишенью для его блестящих стрел. Человек в высшей степени даровитый, хотя далеко не гейневского размаха, он скептик, который все желал бы превратить в пепел своим сомнением, ничего не оставить на месте. Его скепсис направлен преимущественно на ценности старого мира, и с этой точки зрения кое в чем он наш союзник.

Луначарский А. Собрание сочинений. Т.4. М., 1964. С. 293.

— И.Сталин упоминает И.Э. в лекции “Об основах ленинизма” в Коммунистическом университете им. Свердлова:

Кому не известна болезнь “революционного” сочинительства и “революционного планотворчества, имеющая своим источником веру в силу декрета, могущего все устроить и все переделать? Один из русских писателей, И.Эренбург, изобразил в рассказе “Ускомчел” (Усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью “большевика”, который задался целью набросать схему идеально усовершенствованного человека и ... “утоп” в этой “работе”. В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно схватывает болезнь — это несомненно.

Сталин И. Сочинения. Т.6. М.: Госполитиздат., 1947. С.187.

8 апреля

И.Э. пишет В.Лидину:

За время моего отсутствия русское издательское дело здесь окончательно зачахло, зато немецкое оправилось. “Геликон” переходит на издание немецких переводов русских авторов и вполне серьезно помышляет о переводе “Морского сквозняка” <...> Касательно “Лика войны” — радуюсь чрезвычайно. Посылаю доверенность. Если у Вас нет экземпляра, то можете взять у Екатерины Оттовны Сорокиной, у нее имеется. Но я хочу еще раз поисправить книгу, и если Вы подпишете договор, вышлю издателю исправленный экземпляр.

10 апреля

И.Э. пишет М.Шкапской:

Сижу в Берлине — жду Ирину. Вероятно, вскоре удастся уехать в Италию. Спасибо за поэму Тихонова <...> Как вещал Макс?* Пишите обо всем, у нас ей-ей можно взбеситься от скуки. С тех пор, как марка стабилизировалась, жизнь стала окончательно пресной (и даже хуже). Я читаю описания американских “республик” и никак не могу выбрать, какая лучше — Гондурас или Гватемала? <...> Как прошли гастроли Московского Камерного театра? Злодей Мейерхольд, несмотря на мои беснования, ставит “Д.Е.” Его убить я не могу. Себя — жалко.

* М.Волошин в Коктебеле

12 апреля

И.Э. получает письмо от М.Шкапской и отвечает ей:

Живу я скверно: после поездки утомление сказалось лишь теперь и я еле двигаю лапами. Надеюсь, что вскоре удастся куда-либо уехать отсюда — в Италию или в Бельгию (о Париже и не мечтаю). Словом, нахожусь в чисто европейском состоянии — жду виз. Здесь паршиво. За время моего отсутствия выровнялось. Оператор, кажется, трезвеет, но от этого, право же, не веселее. Хочется скорей сесть за большой роман из русской жизни, но пока что голова не работает. Впрочем, пишу сценарий по “Жанне Ней”. Читали ли Вы в “России” начало моего романа? В Москве на сей раз почти ничего не видел: все время возился с визно-разрешительными делами <...> Я скучаю теперь по России. Кроме того, я теперь стар и брюзглив.

15 апреля

“Жизнь искусства” №16 публикует статью Эрде “Эренбург — дитя кафе и богемы”:

Мейерхольд собирается ставить “Трест Д.Е.” Ильи Эренбурга. Последний подает голос: — “Я еще жив и тоже хочу участвовать в этом начинании” Пока еще нет сценического воплощения популярного романа Эренбурга, ни драматической переделки его. Но замысел зреет. И я считаю нужным написать рецензию об “имеющим быть” спектакле. Пусть меня ругают за преждевременность выступления, но — Карфаген должен быть разрушен! Илье Эренбургу не место на сцене Мейерхольда! <...> Эренбург — дитя кафе и богемы, т.е. человек, лишенный всяких принципов, всяких гражданских мотивов. Долголетняя жизнь за границей офранцузила юмор Эренбурга, облекла в европейские формы его по существу чисто русское навсеплюйство, но русская сердцевина все же осталась. Эренбург является, если смотреть в корень, эпигоном Достоевского <...> Нейтралитету на мейерхольдовской сцене во всяком случае не место. Безрепертуарье не может служить оправданием в данном случае. Переделывать Эренбурга, по моему твердому убеждению, органически невозможно.

16 апреля

Опубликована статья А.Исбаха "Несколько замечаний о литературном "Сегодня":

К попутчикам в кавычках, клевещущим на революцию, можно отнести Илью Эренбурга. Это тоже типичнейший представитель той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая идет не к пролетариату, а от пролетариата. Эренбург пытается описывать русскую революцию, но и он описывает ее как обыватель, не понимая ее и, подчас, злобно клевеща.

Книгоноша, 1924, №15. С.6.

17 апреля

А.Лежнев рецензирует первый номер журнала "Россия":

Беллетристика представлена романом Эренбурга "Любовь Жанны Ней", данным в виде приложения. В первом номере только начало, по которому, может быть, нельзя судить о целом, но одно вырисовывается с достаточной определенностью: страшные провалы Эренбурга. Он то и дело впадает в самую плоскую сентиментальность. Автору Хулио Хуренито не пристало конкурировать с Вербицкой. "Психологический" роман не удается Эренбургу: он в нем банален. Отдельные места и подробности (парижские трущобы, слепая) напоминают Диккенса. Хороши только те главы, где перед нами прежний, насмешливый, иронический Эренбург.

Правда, 1924, 17 апреля.

18 апреля

На состоявшемся очередном клубном собеседовании Берлинского отделения ВСРП возвратившийся недавно из лекционного турне по России писатель И.Г.Эренбург поделился своими впечатлениями и наблюдениями, дав целый ряд ярких штрихов из быта Москвы и тех провинциальных городов, которые ему пришлось посетить.

Берлин. Накануне,
1924, 20 апреля.

19 апреля

И.Э. пишет М.Шкапской:

У меня к Вам просьба <...> Узнать, приступлено ли к изданию моих стихов. Если да, то попросить корректуру дать Б.К.Лившицу. Если нет, то сказать, что я дал стихи не на хранение. Вопрос о том, дам ли я им мой новый роман, находится в тесной связи с тем, быстро ли они издадут "Не переводя дыхания" <...> В конце апреля приезжает сюда Ирина. В первых числах мая мы едем в Италию, кажется, в Сицилию. Я написал сценарий. В общем, халтура.

23 апреля

Издатель журнала "Беседа" С.Г.Каплун сообщает А.М.Горькому, "что виделся с Эренбургом, ездившим с лекциями по всей России и получившим множество записок с вопросами о Горьком. Особенно много вопросов было о Вашем здоровье. Эренбург рассказывает, что был прямо потрясен той любовью, которую чувствует к Вам вся Россия".

Летопись жизни и творчества А.М.Горького.
Выпуск 3. АН СССР, 1959. С.372.

Конец апреля

В Берлин приезжает дочь И.Э. Ирина Эренбург.

30 апреля

Журнал "Прожектор" (№8) публикует сценарий Блеза Сандрара "Светопреставление" в переводе И.Э. с иллюстрациями Д.Моора

Апрель

И.Э. трижды пишет директору издательства "Петроград" Я.Б.Лившицу об издании книг и не получает от него ответа.

— Опубликована статья Ю.Тынянова "Литературное сегодня":

Массовым производством западных романов занят в настоящее время Илья Эренбург. Несмотря на то, что в философскую систему Эренбурга вошли и Достоевский, и Ницше, и Клодель, и Шпенглер, и вообще все, кому не лень — а, может быть, именно

поэтому — герой стал у него легче пуха, герой стал сплошной иронией. С этими невесомыми героями читатель катился за Эренбургом с места на место и между главами отдыхал на газетной соли. Читатель прощал Эренбургу и колоссальную небрежность языка — ему было приятно удрать на час из традиционного литературного угла, в котором он стоял, на бестолковую улицу, где-то граничащую с рынком. А “Великий Провокатор” напоминал ему не до конца сжеванного Достоевского, и кроме того открывалась еще одна любопытная тема для разговоров: гибель Запада. Этой темой Эренбург не пренебрег ни в какой мере — и тотчас выпустил экстракт из “Хулио Хуренито” — “Трест Д.Е. История гибели Европы” — сокращенное издание для школы. Регулятор был переведен на самый быстрый темп. Европа гибла в каждой главе — не погибал только сам герой, как невесомый. В “Жизни и гибели Николая Курбова” невесомый герой сделался чекистом с поломанным крылом . Курбов гибнет из-за трагического неприятия любви, быта, нэпа, он “почтительнейше возвращает билет”, что, кстати, не очень ново для философского героя. У Эренбурга гибнут все герои. Их ломкость поразительна, — это потому, что природа их — не то кинематографическая фильма, не то иллюстрация к классикам .

Роман Эренбурга — это отраженный роман, тень от романа. Эренбурга читают так, как ходят в кинематограф. Кинематограф не решает проблем театра. Теневой роман Эренбурга не решает проблемы романа.

Русский современник.
Л., 1924. №1. С.294–295.

— М.Леров в статье “Литературное обозрение” пишет о “безродном, но талантливом космополитическом фланере Илье Эренбурге: Который с видом кабаретного экклезиаста наблюдает великие события великой эпохи для составления фельетонного “обозрения” на потребу скептического от пресыщения буржуа (“Гибель Европы”). Как с легкостью жонглера он на лету хватает установленные в русской литературе со времен Толстого и Достоевского клишированные формулы о русской душевной диалектике, и погрузив их в свои фельетонные растворы, создает из них

"страшного" и "сложного" рабочего — коммуниста — чекиста, по обычаю чистого в падении и падшего в чистые.

Печать и революция, 1924. №2. С.121.

2 мая

В Майстер-зале Берлинской студенческой организации "О" был устроен вечер, посвященный 1 маю. С докладом о 1 мае выступил профессор Бессонов, указавший на роль и задачи пролетарского студенчества в СССР.

После доклада писатель Илья Эренбург прочел отрывок из ненапечатанного романа "Жанна де Ней", а поэт В.Маяковский — несколько своих стихов.

Берлин. Накануне, 1924, 3 мая.

4 мая

Литературное приложение к берлинской газете "Накануне" публикует рецензию на первый номер московского журнала "Россия":

Имя Эренбурга настолько говорит за себя, что всякая новая вещь его привлекает внимание. Трудно судить по 80-ти страницам, но начало нового романа все же не увлекает, как прежние вещи Эренбурга. Уж очень этот роман "схематичен", "кинематографичен".

6 мая

Роман Гуль пишет из Берлина в Ленинград Э.Ф.Голлербаху:

Новостей особых нет. Живем сейчас тихо. Приехал Эренбург. Едет в Италию. Маяковский читал — без особого успеха.

ОР РНБ. Ф.207. №31. Л.16.

9 мая

В Москве состоялось совещание, созванное Отделом печати ЦК РКП(б) и посвященное политике партии в области художественной литературы.

Из доклада И.Вардина:

Т.Воронский сообщил, что т.Зиновьев терпимо относится к "Аэлите" Алексея Толстого. Я тоже слышал это от т.Зиновьева. Т.Каменев говорил мне как-то, что он с удовольствием читает Эренбур-

га. Т.Бухарин пишет предисловие к Эренбурговскому "Хулио Хуренито". Вопрос заключается не в том, с удовольствием или без удовольствия читает т.Каменев или другие товарищи Эренбурга, а вопрос заключается в том, опасна или не опасна нам политически вся эта литература.<...> Когда я в Свердловском университете на кружке ленинизма вижу свердловку, держащую в руках Эренбурга, то я говорю: "Когда т.Каменев читает Эренбурга, — это одно; когда свердловка, в особенности при настоящих условиях, при некоторой усталости и скептицизме, читает эту литературу, — это совсем, совсем другое дело".

Из заключительного слова А.Воронского:

Подход к писателю у напостовцев дикий. Человек пишет литературно-критическую статью о романе Эренбурга "Жизнь и гибель Николая Курбова", а о самом Николае Курбове бросает только полторы строчки. <...> Конечно, они будут только разгонять писателей, и, конечно, у напостовцев всегда будут дезорганизаторы.

Сборник "К вопросу о политике РКП(б)
в художественной литературе".
М.: Красная новь, Главполитпросвет,
1924. С. 16, 17, 102.

10 мая

Харьковская газета "Коммунист" сообщает:

В понедельник, 12 мая, в зале Госудааарственной библиотеки состоится Литературный суд над Ильей Эренбургом, автором произведений: "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников", "Трест Д.Е." ("История гибели Европы"), "Жизнь и гибель Николая Курбова" и др. По обвинению: в претенциозной крикливости, идеологической и художественной беспринципности и клевете на революцию.

Состав суда: Председатель: проф. С.Ю.Семковский. Члены суда: А.М.Лейтес и Микола Хвильовый. Обвинители: Р.А.Пельше, проф. А.Н.Макаров. Защитники: В.А.Карелин, В.Н.Скерет. Эксперт: проф. А.Н.Машкин. Сбор поступит в пользу беспризорных детей. Начало в 9 ч. вечера.

11 мая

И.Э. пишет из Берлина Е.Й.Замятину:

Я предложил чешскому издательству “Авентариум” издать “На Куличках” и “Островитян”. На днях должно выясниться. Тогда сообщу Вам. Когда прочтете “Жанну Ней”, напишите мне хоть несколько слов, что думаете о ней. Ваши суждения для меня очень важны.

— Киевская “Пролетарская правда” рассказывает о состоявшемся в “Доме печати” диспуте о творчестве Ильи Эренбурга:

Переполненная аудитория подтвердила своевременность освещения творчества Эренбурга с марксистской точки зрения.

Выступавшие на диспуте с докладами проф. Н.И.Канторов и С.Н. Луначарская сразу дали благоприятную основу для марксистского проветривания поставленного вопроса. В то время, как тов. Канторов, вскрывая социальную сущность Эренбурга, как типичного интеллигентского межеумка, считает его ненужным и даже вредным для пролетарского читателя, — тов.Луначарская, указала, что пафос ненависти к разлагающемуся капитализму является основным и ценным для нас свойством произведений автора Хуренито.<...>

Тов.Иванов отметил тот смысл, какой приобретают произведения Эренбурга в связи с переломом настроений среди российской интеллигенции и ее поворотом в сторону Советов. Тов. Бачелис остановился на внутренних поводах творчества Эренбурга, считая, что Эренбург является не активным творцом, но пассивным подданным, “жертвой” литературы. Тов.Лядов вскрыл характер стиля, или, вернее, стилей Эренбурга.

12 мая

И.Э. отвечает на письмо от В.Г.Лидина, сообщившего, что достигнута договоренность об издании “Лика войны” в Москве.

13 мая

И.Э. пишет предисловие к 3-му изданию книги “Лик войны”, готовящемуся в московском издательстве “Пучина” к 10-летию начала первой мировой войны:

Я переиздаю эту книгу потому, что у людей плохая память. Меня принято ругать “циником”. Что же, люди не любят, чтобы им напоминали об их подлости, глупости, трусости <...> Конечно, я “циник”! Ведь люди не любят также, чтобы им говорили: завтра вы сделаете то же самое.

14 мая

Ю.Потехин пишет в статье “Возрождение “России”:

Интересен, как и всегда, Эренбург в романе “Любовь Жанны Ней”. Но и он с каждым новым выступлением уходит все дальше вспять от “Хулио Хуренито”, В новом романе еще сильнее, чем в “Гибели Европы” дает себя знать неряшливость, поспешность языка, трафаретность оборотов, картонность-плоскостность героев. Поневоле кажется, что для взлета, Эренбургу нужен год, другой молчания.

Берлин. Накануне, 1924, 14 мая.

— “Вечерняя Красная газета” сообщает:

“Даешь Европу!” в Москве в этом сезоне показано не будет и пойдет в Ленинграде премьерой.

15 мая

И.Э. пишет Г.Издебской:

Я скоро уезжаю в Италию на месяц, оттуда в Бельгию, к морю.

Russian Studies. СПб. 2000 Т.III.№2.

— Б.Пастернак сообщает жене:

Сегодня пишет Эренбург, что в “Беседе” (заграничный журнал Горького) рассказ пойдет мой.

Пастернак.Б. “Переписка с Евгенией Пастернак”. М.,1998. С.41.

22 мая

Директор “Киносевера” подтверждает получение сценария И.Э. “Любовь Жанны Ней” и сообщает ему, что сценарий направлен в Москву в Главрепертком для получения цензурного отзыва.

ЦГАЛИ СПб. Ф.242. Оп.1. Д.56. Л.6.

25 мая

Еще не получив письма “Киносевера”, И.Э. просит киностудию подтвердить получение сценария “Любовь Жанны Ней”.

ЦГАЛИ СПб.Ф.242. Оп.1. Д.56. Л.7.

— Берлинская газета “Дни” публикует заметку “Русская книга в Польше”:

Состояние польского книжного рынка в 1924 г. указывает постепенный рост интереса к России <...> На первом месте стоит издательство “Книга”, которым выпущены <...> “Четыре трубки” И.Эренбурга (из сборника “13 трубок”) в переводе Б.Фрюлинга.

20-е числа мая

И.Э. по пути из Берлина в Рим останавливается в Праге.

26 мая

И.Э. пишет В.Лидину из Праги:

Напишите мне, как устроилось с “Ликом войны”. До 15 июня адрес мой: Rome, Poste restante* Рим. С деньгами у меня швах.

27 мая

“Ленинградская правда” сообщает:

В театре им.Вс.Мейерхольда заканчиваются репетиции пьесы (утопия-скетч) “Д.Е.” (“Даешь Европу”). Первоначальный текст написан тов.Подгаецким (из Харькова) на основе произведений Ильи Эренбурга (“Трест Д.Е.”), Бернгарда Келлермана (“Туннель”), Эптона Синклера и Пьера Ампа. Этот текст был зачитан перед аудиторией слушателей Высшей Военно-педагогической школы. Суждения товарищей из В.В.П.Ш. наряду с мнением работников театра послужили материалом для переработки, произведенной драматической группой режиссерского факультета Государственных Высших Экспериментальных театральных мастерских Вс.Мейерхольда. Обработка произведена как в отношении идеологической, так и

* До востребования (франц.)

в отношении текстуальной стороны. Окончательный текст пьесы устанавливается в процессе репетиций. Пьеса состоит из 19 эпизодов, пролога и эпилога <...> Основным принципом постановки, определяющим игру актеров, является система трансформации (инструктор Кронкарда). Применяется новый метод оформления спектакля — агитэкраны, текст для которых составляется Вс.Мейерхольдом и будет затем передан на утверждение агитотдела Московского комитета РКП. В отдельные эпизоды введены: демонстрация биомеханики по системе Вс.Мейерхольда, американо-негритянский шумовой оркестр “джаз-банд” (руководитель — В.Я.Парнах).

30 мая

В театре Консерватории под руководством В.Э.Мейерхольда ежедневно идут последние репетиции спектакля “Даешь Европу” <...>

Премьера “Д.Е.” состоится 7 июня в Ленинграде.

Вечерняя красная газета. Л., 1924, 30 мая.

Конец мая

И.Э. отправляется в Италию:

В мае 1924 г. я поехал с Любой в Италию. <...> В Венеции была международная выставка, в которой впервые участвовали советские художники. Мы сидели в кафе Флориана на площади Сан-Марко; помню художницу А.А.Экстер, Б.Н.Терновца <...> Мы поехали в Мурано, увидели там искуснейших стеклодувов <...> Юношей я восхищался фресками Кампо-Санто и сказал Любе, что нужно обязательно побывать в Пизе. Люба глядела на светлую живопись Беноццо Гоццоли, который покрыл стены кладбища сладостью земной жизни; а я глядел на чернорубашечников <...> Почему-то мы попали в маленький город средней Италии — Бибиену; там нет достопримечательностей, и туристы туда редко заглядывают. А это чудесный городок! <...> Когда мы приехали в Рим, все казалось спокойным. Мы пошли в посольство. Посол говорил, что торговые отношения с Италией налаживаются; рассказал, что в Рим приехал поэт В.И.Иванов, он бывает в посольстве...

ЛГЖ. Т.1. С.440–442.

Май

Вышел первый номер журнала “На посту”. В нем Г.Лелевич в статье о литературных итогах 1923 г. много места уделяет И.Э.:

Прежде всего тут следует остановится на писателе, который сейчас очаровывает мещанство, а порой влияет и на неустойчивую часть пролетарского молодняка, — писателе, популярность которого почти сравнялась с “популярностью” Арцыбашева и Вербицкой лет 13 тому назад. Я говорю, разумеется, об Илье Эренбурге. Уже его “Хулио Хуренито”, роман, совершенно напрасно расхваленный тов.Бухариным, приковал к своему творцу сердца мещанских читателей. За истекший год к “Хулио Хуренито” прибавилось еще два романа — “Жизнь и гибель Николая Курбова” и “Трест Д.Е.”

Опустошенная душа Эренбурга не в состоянии постигнуть характер пролетарской революции, не в состоянии уловить ее подлинный смысл и характер, не в состоянии подняться до высоты участия в обновлении жизни. Эренбург не верит в творческие силы пролетариата. Ему кажется, что наступила пора окончательного крушения культуры. И свой панический ужас перед этим крушением он прикрывает скептическими, циническими насмешками решительно надо всем. Но если поскоблить как следует эту циническую иронию, если попытаться разобраться, что же таится под сардонической усмешкой современного Петрония, — немедленно обнаруживается перекрашенное лицо интеллигентного мещанина, цепляющегося за уютный, комфортабельный, привычный старый мир. <...> В лице Эренбурга мы видим один из ядовитейших продуктов гниения буржуазии.

Май-июнь

В издательстве “Основа” (Иваново-Вознесенск) вышла книга П.С.Когана “Литература этих лет” с главой “О романе одной графини и чекиста, об Илье Эренбурге, о Хулио Хуренито, о композиторе Крысе, победившем Ленина, и о гимназисте, стоявшем на коленях перед девушкой”:

В этой борьбе одни погибают, как Блок, не устоявший против напора бури. Другие, как Эренбург, не найдя выхода, так и стран-

ствуют с скептической усмешкой, “пакостники с идейными задумчивыми глазами”. Но это, конечно, не враги. Это — совестливые и вдумчивые умы и строгие судьи. А судьи всегда полезны. Да и нам, тем, кто участвует в строительстве новой жизни и знает достоверно о конечном торжестве этих усилий, и нам нужен Хуренито, пришедший с запросом, продиктованным чувством человечности и неутомимым стремлением к освобождению личности. Ведь только перед судом этих требований освещается в конечном счете значение всякого исторического движения.

С.81

— В Харькове Госиздат Украины выпустил отдельным изданием в оформлении художника А.Страхова рассказ И.Э. “Трубка коммунара”:

Рассказ читается с интересом и имеет агитационное значение. Рекомендуется в городские библиотеки всех типов.

Книжные новости. Л., 1924. №3–4. С.101.

— И.Э. посылает письмо из Италии в Харьков Б.А.Букиник:

Первые письма Эренбурга пришли из Италии — “меня окружают фантомы душной романтики, — писал он, — ты бы это поняла”. Эренбург регулярно писал о работе над “Рвачом”, о том, что вложил в него от себя, писал о личных мотивах в романе. Почти в каждом письме просил прислать ему вырезки из газет и журналов, где будет о нем. Как-то я пожаловалась на краткость его писем и он ответил: “Не писать же тебе второй роман” <...> Все эти письма погибли в Харькове во время оккупации.

Букиник Б.А. Воспоминания
(Рукопись; СФ)

3 июня

Дирекция Киносевера пишет И.Э. по поводу его сценария “Любовь Жанны Ней”:

Главрепертком встретил принципиальные возражения по существу сценария, касающиеся главным образом фигуры Андрея, и отказывается о нем дать благоприятный отзыв. Возможно, что для получения такового нам придется внести в сценарий некоторые изменения по оказанию Главреперткома. Измененный текст сценария

будет Вам выдан для согласования его с Вами, также и окончательное заключение Главреперткома по получению его из Москвы.

ЦГАЛИ СПб. ф.242. Оп.1. Д.56. Л.7.

Закрытым спектаклем "Д.Е." 3 июня в Москве в театре Мейерхольда для членов Y конгресса Коминтерна и приглашенных началась коротенькая серия представлений новой работы нашего мастера. Успех "агит-скетча" огромный. Захватываемый волнующим зрелищем и подымающей агитацией, зрительный зал постоянно разражается аплодисментами. В заключение действующие лица и публика поют Интернационал. Спектакль ослепляет, оглушает, ошеломляет.

Новый зритель, 1924. №26. С.13.

10 июня

В Риме фашистами Муссолини убит журналист, социалист Джакомо Маттеотти:

Я был в Риме, когда черные рубашки убили Маттеотти. Возле невзрачного дома лежали цветы бедняков — их принесли женщины Италии.

Эренбург И. "Пляска смерти".
Границы ночи. М., 1936. С.78.

12 июня

И.Э. посылает открытки из Рима Е.Полонской и В.Лидину.

15 июня

И.Э. пишет из Рима В.Лидину:

В Риме все по-прежнему: трухлявые камни и голодные кошки (величественные). Прибавилось: фашисты. Вчера мы попали на демонстрацию. Публика мчалась в подворотни. Напоминало Киев 19-го г. Впрочем, все весьма карнавально.

Деньги, вывезенные из России, увы, кончились <...> Получил французскую визу (результат выборов!) Победоносно вступаю в Париж (на несколько дней — проездом в Бельгию). Из Италии уеду через неделю.

— Литературное приложение к берлинской газете “Накануне” откликается на выход в Москве в издательстве “Красная новь” рассказа И.Э. “Трубка” отдельным изданием:

Прелестно изданный рассказ Эренбурга (вторая из его известных “Тринадцати трубок”) — яркая картина трагедии парижской коммуны. Внешность книжки не оставляет желать лучшего. Это чудесная миниатюра, облаченная в художественную рамку. Она свидетельствует о большом вкусе сравнительно молодого советского издательства.

— В Ленинграде — премьера спектакля Вс.Мейерхольда “Д.Е.” с участием И.Ильинского, З.Райх, М.Бабановой, Э.Гарина, Б.Захавы, Н.Охлопкова; оформление — И.Шлепянов, постановка танцев — К.Голейзовский и В.Парнах, джаз В.Парнаха:

Я не был на спектакле; судя по отзывам друзей и по статьям расположенных к Мейерхольду критиков, Подгаецкий написал слабую пьесу. Всеволод Эмильевич поставил ее интересно: Европа гибла шумно, убегали щиты декораций, актеры впопыхах перегримировывались, грохотал джаз /.../ Спектакль, однако, имел успех и табачная фабрика “Ява” выпустила папиросы “Д.Е.”. А я из-за этой глупой истории в течение семи лет не встречался с Всеволодом Эмильевичем.

ЛГЖ. Т.1. С.331.

Постановка Мейерхольда — праздник полного освобождения театрального действия от тягостей литературного текста.

Вечерняя Красная газета, 17 июня.

Страницы Эренбурга вставлены в пьесу почти сырьем. Самый закоренелый враг нового театра не мог бы посоветовать Мейерхольду более неудачной пьесы.

Красная газета, 18 июня.

— “Д.Е.” — доведенная до высокого совершенства комсомольская инсценировка.

Пиотровский А. Ленинградская правда, 18 июня.

“Д.Е.” безусловно сделает эпоху в истории театра СССР.

Февральский А.
Красная звезда, 22 июня.

"Д.Е." — самая современная, злободневная постановка наших дней. На экране мелькают лозунги "Доброхима", приветствия Y конгрессу Коминтерна, цитаты из статей т.Троцкого. С романом Эренбурга "Трест Д.Е." работники театра расправились согласно "традициям" театра Мейерхольда.

Правда, 22 июня.

"Д.Е." — это мощный удар по старому театру.

Жизнь искусства, 1924. №26. С.5.

В "Д.Е." Мейерхольд показал такую виртуозность своей режиссерской техники, о которой мы, ленинградцы, даже не могли мечтать.

Соловьев В. Жизнь искусства, 1924. №26. С.6.

Подгаецкий напрасно считает себя автором "Треста". Почти все хорошее в тексте пьесы идет от Эренбурга; отлично звучит со сцены его всесокрушающий едкий юмор.

Миклашевский К. Жизнь искусства, 1924. №26. С.7.

"Д.Е." — самый агитационный из всех спектаклей СССР.

Мокульский С. Жизнь искусства, 1924. № 27.С.11.

Эренбурговскому Тресту разрушения Европы противопоставляется радио-трест восстановления Европы под советским знаменем, организация всемирного союза советских республик.

Исбах А. Рабочая Москва, 6 июля.

Конечно, в смысле политическом здесь дело обстоит значительно лучше, чем у Эренбурга, но пьесы из этого не получилось.

Гусман Б. Правда, 6 июля.

Последняя новинка театра "Трест Д.Е." рабочим чужда, непонятна и не нужна.

Октябрь, 1924. №4. С.153.

— Весь сценарий, вся драматургическая схема мейерхольдовского "Д.Е." проистекает из романа Эренбурга. Эренбург дал стержень всей инсценировки, у Эренбурга взяты основные персонажи ее. Эренбургу принадлежат почти все ситуации. Без знания романа Эренбурга невозможно ориентироваться в пьесе Подгаецкого.

Апушкин Я. Новая рампа, 1924. №5. С.13.

"Д.Е." пьеса современная, но неумная. И я понимаю Мейерхольда, когда он говорит: где я найду автора?

Луначарский А. "Среди сезона 1923–24 гг."
Собрание сочинений. Т.3. М., 1964, С.216.

18 июня

И.Э. пишет из Рима М.Шкапской:

Я третью неделю в Италии. Здесь все на месте. Эрколе и тритоны плюются. Колонны стоят, англичанки, умиляясь, едят "тост'ы". Фашисты кричат "э-ла-ла" и поднимают руки кверху. Что касается солнца, то оно действует вполне исправно и я одуреваю.<...> Завтра уезжаем из Рима на неделю в Сардинию. Оттуда через Париж (визу получил — представьте) в Бельгию.

— И.Э. посылает запрос в Ленгиз:

Вышел ли, если не вышел, то когда выйдет сборник моих стихов "Не переводя дыхания"? Будучи в Ленинграде, я подписал бумажку, которой обязался прежде, нежели предлагать свой новый роман* другому издательству, предупредить Вас. Обстоятельства сложились так, что мне необходимо продать эту книгу "на корню". Я кончу ее в сентябре.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913.
Оп.1. Д.237. Л.67–68.

21 июня

И.Э. с острова Сардиния пишет М.Шкапской:

Я не знал, что Ионов по-прежнему зав. Госиздатом. Говорили, что там другие люди. Я писал туда. Пожалуйста, спросите его: 1) как со стихами? 2) Ответили ли они мне о новом романе? А теперь позвоните, бога ради в "Петроград". Почему они молчат и не шлют денег: я протратился изрядно.

Не были ли Вы на представлении Мейерхольда "Д.Е."? Что слыхали об этом? Если у Вас есть рецензии, будьте трогательной — пришлите.

* "Рвач"

22 июня

И.Э. пишет из г. Санта Маргарита (Сардиния) Е.Полонской:

Была ли ты на представлении Мейерхольда "Д.Е."? Брат твой* , наверное, был. Что это? Не ленись, напиши. Что делаешь? Я послезавтра еду в Париж на несколько дней, а оттуда в Бельгию.

— В берлинской газете "Дни" В.Познер рецензирует первый номер вышедшего в Москве общественно-литературного журнала "Россия":

Приложением к нему напечатано начало романа Ильи Эренбурга "Любовь Жанны Ней". Совдевицы и совпровинциалы с удовольствием прочтут это новое "сенсационное" произведение талантливого имитатора гениальных подлинников.

24 июня

"Кино-неделя" публикует беседу с директором Киносевера, сообщающим, что в летний производственный план текущего года включена постановка фильма "Любовь Жанны Ней" (сценарий Ильи Эренбурга под редакцией т.Ионова).

25 июня

И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают в Париж.

26 июня

В.Ходасевич отмечает в дневнике:

В Ротонду(Эренбург). Веч<ером>. В Ротонду (Эренбург, Бахрах, Суварин, Познер).

Новое литературное обозрение, 1993. №2. С.185.

— Ленгиз информирует И.Э.:

В ответ на письмо Ваше, полученное нами 24.06 с.г. редакция сообщает, что предложение Ваше ею принято. Что же касается сборника стихов "Не переводя дыхания", то из-за учебного сезона печатание сборника отложено. Сообщите, по какому адресу Вам выслать договор и деньги.

---

* А.Г.Мовшенсон, театровед.

Надпись от руки: Адрес: Брюссель-Юкль, шоссе Ватерлоо 1385, г.Элленсу для г.Эренбурга.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.69.

30 июня

И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают в Брюссель; встречаются там с Ф.Элленсом. Из Брюсселя они отправляются на Северное море в Коксид-Байнц и поселяются в отеле "Трианон", где живут до конца августа.

И.Э. приступает к работе над романом "Рвач".

Июнь

Опубликована рецензия И.Аксенова на украинское издание "Треста Д.Е.":

Это второе издание книги (первое вышло в этом же году в Берлине) свидетельствует о большом успехе романа Эренбурга, если не об успехе утопического романа вообще. Тема дальнейших судеб Европы у нас дебатируется уже давно, и не один Шпенглер является предшественником Эренбурга в попытке пророчествовать по этому вопросу, полемизируя одновременно с марксизмом. Эренбург слишком впечатлительный человек и писатель, чтобы для него проходили бесследно книги, им прочитанные перед написанием романа. Позволительно не обинуясь сказать, что перед началом работы над летописью о гибели Европы Эренбург со вниманием прочел "Донгоо Тонга" Жюля Ромена.

Печать и революция, 1924. №3. С.161.

1 июля

Подготовлен к печати №4 журнала "Печать и революция", который сообщает:

На французский язык переведены избранные места из произведений А.Ремизова, Б.Пильняка, И.Эренбурга и Н.Никитина, посвященные русской революции. Перевод выполнен С.Лесковым и вышел под заглавием "Scenes de la Revolution Russe" в Париже.

С.329.

6 июля

И.Э. получает письмо от Е.Замятина и отвечает ему:

Большое спасибо Вам за письмо о “Жанне”. Почти со всем из того, что Вы говорите, я согласен. Но как видно книга еще не вышла, и Вы читали только начало в “России”. Будьте до конца добры и, когда прочтете роман, напишите мне о нем. Начало кажется слабее остального. Мне очень интересно, что Вы думаете о его построении и развитии сюжета <...> Я пробыл в Париже 5 дней. Там очень хорошо. Здесь останусь до конца августа. Письмом обрадуете.

— И.Э. пишет М.Шкапской:

На 2 моих письма из Италии я ответа не получил. Уехали? <...> Я пробыл 5 дней в Париже. Там не жизнь, а сплошной mardi gras*. Теперь — у моря <...> Нужно писать роман. Voila.** Напишите, что Вы знаете о мейерхольдовской постановке “Д.Е.” и не поленитесь пришлите № “Жизни искусства” — там, судя по газетному объявлению, были статьи об этом спектакле.

— И.Э. повторяет свой запрос главе Ленгиза И.Ионову относительно издания сборника стихов “Не переводя дыхания” и заключения договора на роман “Рвач”.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.66.

8 июля

И.Э. пишет в Ленгиз:

В ответ на Ваше письмо от 26.06 сообщаю Вам мой адрес: M.Ehrenbourg. Hotel Trianon. Coxyde-Bains Belgique. Будьте любезны по этому адресу выслать договор и деньги, первый заказным письмом, последние через Госбанк (на Брюссель). Очень прошу Вас выслать деньги с обратной почтой.

Прошу Вас также одновременно с присылкой договора сообщить мне предельный срок выпуска сборника стихов “Не переводя дыхания”. С уважением Илья Эренбург.

ЦГАЛИ СПб. Ф.29131. Оп.1. Д.237. Л.52–53.

---

* Масленица (франц.)

** Вот (франц.).

18 июля

Состоялся диспут в театре им. Вс.Мейерхольда о спектакле "Д.Е.". В диспуте приняли участие И.Л.Страшун, делегаты конгресса Коминтерна т.Росси, Ф.Маффи, И.Амптер, В.В.Маяковский и В.Э.Мейерхольд.

Правда, 1924, 24 июля.

Из выступления В.Маяковского:

"Д.Е." произвело на меня удручающее впечатление.<...> Мейерхольд — гениальный режиссер по сравнению с прочей театральной ерундой. Пьеса же "Д.Е." — абсолютный нуль. Слово в ней, ее сценический материал — убожество. Переделывать беллетристические произведения в пьесу может только тот, кто выше их авторов, в данном случае Эренбурга и Келлермана.

Маяковский В. ПСС. Т.12.
М.: ГИХЛ., 1959. С.472.

Из выступления Вс.Мейерхольда:

Пока Маяковский пишет такие вещи как "Про это", оторванные от пролетарской борьбы, нам с ним не по пути.

Правда, 1924, 24 июля.

24 июля

А.Я.Савич пишет из Оверхофа (Тюрингия) в Москву своей сестре В.Я.Мазе:

Как-то Вади* расписал меня Эренбургам, прямо страшно, что они подумают, когда меня увидят. Он написал, что я очаровательна и т.д. Между прочим, Вади написал ему, что я люблю Вади и Жанну Ней, на что Эренбург прислал мне следующий привет: "Передайте привет Вашей жене от человека, способного написать не только Хулио Хуренито, но и Жанну Ней" /.../ Эренбурги живут в Бельгии, зимой думают жить в Париже. Там жизнь очень дешева и интересна. Усиленно зовут нас туда — к себе.

Подлинник — СФ

* О.Г.Савич.

До 25 июля

И.Э. получает письмо от Т.И.Сорокина об издательских делах и отвечает ему.

25 июля

И.Э. пишет В.Лидину:

Как мои дела с “Жанной”? Я обязательно хочу дополучить за нее, но не знаю, как это сделать. Формально я прав, т.к. срок, указанный в договоре, давно истек. Не могли ли бы Вы что-нибудь выдумать?

Мои материальные дела очень плохи. Сел за новый роман (“русский”) под названием “Рвач”.

Конец июля — начало августа

И.Э. получает письмо от В.Лидина, отправляющегося в путешествие по Сибири и отвечает ему:

На днях я писал Вам, не знаю, где догонят Вас то и это письма и догонят ли. Буду молиться за Вас богу-Посейдону (по Камерному театру). Вообще же Вы доживете до глубокой старости и будете окруженный внуками вспоминать революцию: “тогда я поехал в Сибирь”. Свидетелей не будет и Вам верить не будут. Ради бога, напишите мне, на чем основывается Ваша вера в издательскую совесть? Спрашиваю, чтобы знать, можно мне на это рассчитывать? У меня с деньгами дрянь. Гляжу на море. Пишу роман. Глядите на море! Пишите роман!

3 августа

И.Э. пишет в Ленгиз:

Уважаемый т.Белицкий, разрешите Вас избрать как единственного мыслимого двигателя той тяжеловесной баржи, которая именуется “выполнением Госиздатом принятых условий”. Судите сами: в июне я предлагаю Госиздату роман. В начале июля получаю ответ: “согласны, сообщите адрес — вышлем деньги и договор”. Причем посылается это срочной почтой. Стоит ли? Чтобы, зная насколько жду я денег — задерживать потом, получив адрес, их высылку на неопределенное время! Очень прошу Вас обследовать это и сде-

лать так, чтоб я в ближайшие же недели получил деньги. Переслать их можно через Госбанк на тот банк в Брюсселе, который состоит в связи с Госбанком. Адрес (до 25 августа) для высылки чека или уведомления о переводе, а также договора, поставлен в заголовке.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.62–63.

После 5 августа

И.Э. получает из Ленгиза проект договора на издание "Рвача", подписывает его и в письме обещает представить рукопись романа не позднее 15 декабря 1924 г. В этом же письме И.Э. сообщает: "Для того, чтобы не задержать издания, я вышлю вам завтра еще 10 глав* (4 главы мною высланы прежде)".

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.57.

18 августа

И.Э. пишет Е.Замятину:

Очень жду от Вас каникулярного письма о мнении Вашем о "Жанне". Особенно важно мне это теперь, потому что сижу, пишу новый роман ("Рвач"). Хотел бы в нем преодолеть хоть часть бывших пороков. Он (новый) кажется не похож на меня, так как 1) чисто психологический; 2) материал (Эйхенбауму назло) русский весь; 3) интрига в тени, и центр тяжести перенесен на подробности описательные героя и обрамляющей его эпохи. Как только приеду в Париж (в начале сентября), займусь тотчас же устройством Ваших пьес.

20 августа

И.Э. пишет М.Шкапской:

В моем новом романе "Рвач" один из персонажей, едущих в Берлин за аппаратами радио = Зискинд** плюс Ангарский. Это будут читать для аппетита.

Все критики меня ругают. Все издатели меня надувают. <...> Простите меня за легкомысленный тон. Это, что называется, от

* И.Э. отослал следующие главы лишь в ноябре.
* Знакомый М.Шкапской.

душевной боли. Герой мой ("рвач" — Мишенька), тот в аналогичных случаях либо бьет стенные часы, либо продает краденую овчину. Я не умею ни скандалить, ни торговать.

Конец августа

И.Г. и Л.М.Эренбурги возвращаются из Коксида в Брюссель.

Август

И.Э. высылает главы романа "Рвач" в Берлин О.Г.Савичу.

— Вышел №3 журнала "Россия", в котором завершена публикация романа И.Э. "Любовь Жанны Ней".

— Опубликована статья С.Левмана "Лик революции в художественной литературе.(Творчество Эренбурга)":

У Эренбурга, как и у всякого анархиствующего интеллигента-романтика, существует двойственное отношение к социальной революции, к исторической миссии пролетариата. С одной стороны, его, как присяжного отрицателя буржуазной культуры, не может не увлекать борьба против капитализма и питаемого им порядка вещей. С другой стороны, он совершенно не доверяет умению пролетариата построить нечто новое, прочное <...> Ему мнится уже порабощение и умерщвление человеческой личности, и всем своим нутром он кричит и протестует против этого.

Вестник труда, 1924. №8.
С.185–195.

1 сентября

И.Э. пишет В.Лидину:

В Европе все на месте. Я надеюсь проехать сейчас в Париж и там остаться. Приезжайте туда на Рождество! Там, действительно, забавно. В Берлине сейчас страшная мертвечина. Я сижу над своим "Рвачем". Получается нечто дикое по размеру. Я написал уже около 6 листов и все еще не достиг перевала. Боюсь и за "несезонность" (климатическую). Веду сейчас переговоры о нем с Лен.Госиздатом. Если сорвется, прошу Вас взять на свое милостливое попечение.

2 сентября

А.Я.Савич пишет из Берлина в Москву своей сестре:

Здесь мы были у Веры Иосифовны Лурье, это молодая барышня — друг Эренбургов, шумная, много говорящая, некрасивая барышня, пока единственная литературная надежда. Она сказала, что в Берлине нет сейчас ни людей, ни вообще ничего интересного. Но вдруг Эренбург (который переписывается с Вади и высказывает ему большое доверие, присылая свой новый роман, который он теперь пишет, по нескольку глав сразу) написал, что здесь должен быть Гуль (это человек, который написал "Ледяной поход с Корниловым"), который Вади и разыскал и завтра придет.

СФ

5 сентября

А.Я.Савич пишет своей сестре:

Читаю присылаемый роман Эренбурга, который будет называться "Рвач" и будет издан в России <...> Знакомство с Эренбургами откладывается до тех пор, пока мы не поедем во Францию. Сейчас он в Бельгии, зимой думают жить в Париже.

СФ

15 сентября

И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают в Париж и поселяются в отеле "Ницца" на бульваре Монпарнас, 155:

"Hotel de Nice" расположен на солнечной стороне бульвара Монпарнас между знаменитыми кафе "Клозери де лила" и "Ротонда". Это шестиэтажное светлое здание, лишенное каких бы то ни было внешних украшений, шириной в четыре узких окна. До 1917 г. в этом отеле, не удостоенном чести попасть в парижский бедекер, жили многие русские политэмигранты (включая таких известных, как Ю.Мартов и Б.Савинков). Эренбург любил этот отель; отсюда в июле 1917 г. он уехал в Россию и сюда же вернулся, когда получил французскую визу в 1924-м. Отель "Ницца" просуществовал до конца 80-х г. Сейчас он модернизирован, сияет белизной, ярко синие маркизы на окнах придают строгому облику здания некоторую элегант-

ность. Нынешний трехзвездочный отель, занимающий этот дом, называется “Novanox”.

Фрезинский Б. Парижские адреса Ильи Эренбурга
(Рукопись — СФ)

16 сентября

И.Э. запрашивает “Киносевер” о судьбе сценария “Любовь Жанны Ней”.

17 сентября

И.Э. пишет В.Лидину в Москву:

После немалых мытарств попали в Париж. <...> Удалось ли Вам пристроить мои рассказы? Мне очень нужны деньги!

18 сентября

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Прочитав мой адрес, ты тоже умилишься человеческому постоянству, да, да Hotel de Nice.

Я написал уже 22 главы “Рвача”. Он сволочь, но симпатичная. Как видишь, я забавляюсь и грешу. Прочитала ли ты всю “Жанну” и ставишь ли мне по-прежнему в вину сентиментальность? Но что делать? Я слишком долго дышал воздухом парижских бульваров. Впрочем, об этом уже было в “На посту”.

— И.Э. пишет в Одессу своей знакомой Л.А.Ротман:

Вы забыли мне прислать роман “Остров Эрендорф”*.

СФ

21 сентября

Директор “Киносевера” Брусиловский пишет в киносекцию Главреперткома:

В мае нами был представлен в Главрепертком для отзыва сценарий Ильи Эренбурга “Любовь Жанны Ней”, каковой должен был быть переделан согласно Ваших указаний. Переделка сцена-

---

*.Роман В.Катаева, выпущенный Ленгизом в 1924 г.

рия была поручена нами тов.Гарину, который и произвел ее в соответствии с указаниями Главреперткома.

Препровождаем Вам при сем 4 экз. переработанного сценария, просим дать Ваш отзыв о таковом.

ЦГАЛИ СПб. Ф.242. оп.1. Д.56. Л.11.

22 сентября

И.Э. пишет В.Лидину:

Напишите, как мои акции сейчас в России: дело в том, что судьба “Рвача” крайне проблематична (в отношении Главлита). Шибко ли ругают “Жанну”? Вашу книгу, вероятно, смогу устроить также для перевода на датский язык в газету. Что нового в Москве? Пишите. Я здесь — как в Полинезии.

28 сентября

В.Ходасевич записывает в дневнике:

В Ротонду (Эренбурги).

Новое литературное обозрение, 1993. №2. С.187.

30 сентября

Опубликована статья А.Лежнева “Илья Эренбург, нигилист и романтик”:

Это сейчас самый популярный и уж, во всяком случае, самый читаемый у нас писатель <...> Литературные успехи Эренбурга — явление чрезвычайно любопытное, характерное, своеобразный урок современной литературе. Это не есть только торжество обывательщины, мещанства, фельетонной поверхностности, бульварности, хотя элементы всего этого имеются в произведениях Эренбурга (особенно в его последнем романе “Любовь Жанны Ней”). Еще в большей степени это — торжество легкой, остроумной, увлекательной книги, которую можно прочесть в один присест и от которой трудно оторваться, торжество ясной, изящной, отчетливой до конца конструкции. Это — протест читателя против плохо обработанного материала, против сырых груд и залежей быта, против неудобоусваиваемого мастерства наших масте-

ров, против сложного, медленно, трудно и ржаво двигающегося скрипучего механизма современной повести или романа, против этнографии, против скуки, против стремления заставить читателя "преодолевать" непреодолимый материал. Это — протест и предостережение.

Прожектор, 1924. №18. С.24.

Сентябрь

В издательстве "Россия" вышел отдельным изданием роман И.Э. "Любовь Жанны Ней".

— Издательство "Новые вехи" выпустило под редакцией В.Лидина книгу "Литературная Россия" — сборник автобиографий 28 сов. рус. писателей и образцов их прозы; автобиография И.Э. написана специально для этого издания.

— А.Рашковская рецензирует изданные "Новыми вехами" "Тринадцать трубок":

Эренбург — такой, какой он есть — фельетонный, ужимистый, клоунадный, — все же едва ли не впервые в русской литературе перестал возиться с домашними делами и семейными неприятностями, а посягнул на "все человеческое" и этот масштаб смеха — самое главное в Эренбурге.

Русский современник.
Л., 1924 .№3. С.256.

1 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

Спасибо вновь за хлопоты. Книги получил. "Лит.Россия" издана хорошо. Чего, увы, нельзя сказать о "Лике" (обложка! предисловие разбито на 2 ч., причем строка его "Север Франции" и т.д. поставлена как подпись, и пр. <...> "Жанна" издана ужасно. Если Вы добьетесь через Союз надбавки, будет чудесно. Попросите, пожалуйста, издателя "Лика", чтобы он выслал мне авторские экземпляры. Что пишут и говорят о "Жанне"? Меня уже отсюда высылали вновь, но, кажется, опасность отвращена. Получить визу сейчас не очень трудно. Чтобы жить здесь хорошо (автом. кафе etc.), считайте на один месяц без дороги и без покупок 12 червонцев. Страшно буду рад, если приедете.

2 октября

В.Ходасевич записывает в дневнике:

В Ротонде. (Эренбург, Петров-Водкин, Пуни, Бахрах).

Новое литературное обозрение, 1993. №2. С.193.

— Зам.директора "Киносевера" пишет И.Э.:

В ответ на Ваше письмо от 16.09 настоящим сообщаем Вам, что по требованию цензуры Ваш сценарий был подвергнут переделке и в переработанном виде отправлен в Главрепертком в Москву. По получении соответствующего отзыва от Главреперткома мы немедленно известим Вас о содержании такового.

ЦГАЛИ СПб. Ф.242. Оп.1. Д.56. Л.10.

5 октября

А.Лейтес рецензирует "Любовь Жанны Ней":

У Эренбурга плодовитость особенного свойства. Не в том дело, что Эренбург, подобно Форду, выпускающему четыре автомобиля в минуту, — пишет чуть ли не четыре огромных романа в год. Дело в том, что у Эренбурга с каждым новым романом появляется новое мировоззрение и новый стиль, взятый с огромным талантом стилизатора напрокат у очередного полюбившегося ему стилиста./.../

Эренбург — мастер на все руки. Но, прежде всего, он мастер всяческих мистификаций, всяческих скоропалительных метаморфоз. Разве не удивительно было это обращение мефистофеля Хуренито в цыплячью философию Николая Курбова? Разве не более интересно посмотреть, как насмешник, отрицатель и циник становится сентиментальней какой-нибудь Бичер Стоу, трогательней самого Чарльза Диккенса? <...>

Эренбург, прежде всего, очень талантливый и очень современный журналист. Расчудесные фельетоны он мог бы писать в подвалах ежедневных газет. Талантливые стилизации мог бы он делать для почтеннейшей публики в отделе сатиры толстых журналов. Но нет, Илья Эренбург обязательно хочет быть "великим писателем земли русской".

Харьков. Коммунист, 1924, 5 октября.

12 октября

А.Воронский пишет в “Литературных заметках”:

“Месс-Менд” была первой попыткой создать авантюрный революционный роман. Теперь мы имеем и “Любовь Жанны Ней” Эренбурга, и Никулина, и целый ряд произведений там и сям, с ясным тяготением к авантюрному сюжету.

Правда, 1924, 12 октября.

— Вышел №23 журнала “Рабочий зритель”, в котором напечатан отрывок из романа И.Э. “Трест Д.Е.” и статья Семена Родова об этом романе:

Имя Эренбурга стало широко известно последние два-три года. Его книги раскупаются: он, как говорится, имеет “успех”. Навряд ли это можно объяснить ценностью его произведений. Но у них есть одно достоинство: они по вкусу нашему современному обывателю.

Но что дает Эренбург рабочему и крестьянину? Для этого нужно проследить путь Эренбурга <...> Во время войны Эренбург пишет книгу “Кануны”, в которой есть предчувствия грозящей катастрофы, но которая вся овеяна мистическим туманом. Наступает февральская революция и мы видим Эренбурга — законченного правого эсера. Право, не важно, был ли он в партии с-р или нет; достаточно его стихов. После Октябрьского переворота Эренбург становится самым ярым противником большевиков. Его книга “Молитва о России” — самая контрреволюционная книга того времени. Во время деникинщины, в 1919 г., когда генерал Бредов в Киеве вешал и расстреливал рабочих и крестьян и держал под страхом смерти целые еврейские кварталы, Эренбург пишет в белогвардейских газетах погромные статьи. После разгрома Врангеля становится сменовеховцем, а сейчас мы его видим чуть ли не коммунистом.

Эренбург прошел слишком много путей, чтобы иметь убеждения. Он слишком часто менял эти убеждения, чтобы у него осталась вера во что бы то ни было. И вместе с тем, он обыватель, который жаждет уюта, чувственности, влюблен в старую Европу — не в Европу заводов, рабочих восстаний,

классовой борьбы, о, нет, — а в Европу соборов, замков, старинных переулков и богемы. И вот в произведениях Эренбурга мы видим ненависть ко всему, что живет, борется, не мечтает, а завоевывает жизнь.

Эренбург ненавидит тупую, корыстолюбивую, жадную, лживую буржуазию. Он слишком долго жил с ней и ее интересами, чтобы не знать всей ее низости. И он бичует ее ярко и сильно. В этом заслуга Эренбурга. Но и к коммунистам, к пролетариям, Эренбург относится немного лучше <...> Вот посмотрите, — как будто говорит Эренбург, — к чему приведет ваша борьба. Смотрите: ваше будущее, к которому вы зовете, как ни называйте его — социализм, коммунизм — будет похоже на наше далекое прошлое. Вы превратитесь в полу-людей, полу-зверей, вы — варвары, которые разрушают старую Европу, но вы станете дикарями.

18 октября

И.Э. присутствует на похоронах Анатоля Франса в Париже.

ЛГЖ. Т.1. С.117.

Похороны Анатоля Франса происходили в присутствии президента республики, членов правительства, дипломатического корпуса, а также видных представителей литературного и политического мира. В произнесенных речах воздавалась дань творчеству Анатоля Франса, как писателя и мыслителя, отмечается его литературный гений и его высокие личные качества. Затем похоронная процессия, во время которой войска отдавали телу Анатоля Франса воинские почести, направилась на кладбище в сопровождении огромной толпы.

Известия, 1924, 21 октября.

19 октября

Белградская газета “Новое время” сообщает:

Начал с беспредельной еврейской наглостью насиловать литературу Илья Эренбург.

---

* Сорокину.

21 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

О “5 повестях”. Над текстом поработаю в ближайшие дни и вышлю его не позже 1-го числа в Ваш адрес. Тихону Ивановичу * пишу сегодня же, что книгу продал через Вас <...> Ваша “Литературная Россия”, особенно обложка, очень хороша, а “Лик войны” мерзок. <...> О “трубках”. Я продал 3-е издание Украинскому Госиздату, так что дело не выйдет с допечаткой. Да, скажите издателю, чтобы он немедленно выслал мне хоть 10 авторских экз. “Трубок” заказной бандеролью. <...> Если можно, достаньте “Правду”, там, где Воронский обо мне, и пришлите. Как сами понимаете, мне это не только любопытно, но и назидательно. Я все сижу над “Рвачем”. Написал 10 листов, а еще 7–8 впереди <...>. Здесь хорошо (т.е. город чудесный). Русские неизменно мастодонствуют. Франса хоронили мизерно. Ремизов пишет для французов в славянском стиле. Французы считают, что Гребенщиков заместитель — зам. Льва Толстого. Только что получил телеграмму от Тихона Ивановича насчет “5 повестей”. Отвечаю ему: “выясни Лидиным где больше надежней”.

22 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

Пишу, чтобы сказать, чтобы Вы не тревожились разыскивая № “Правды” со статьей Воронского. Сегодня получил. Если увидите что-либо о “Жанне” — пришлите.

— В Ленгиз приходит телеграмма И.Э.:

200 ПОЛУЧИЛ ВЫШЛИТЕ ОСТАЛЬНЫЕ ЭРЕНБУРГ.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.50.

25 октября

В “Вечерней красной газете” рецензия на выпущенный издательством “Пучина” “Лик войны”:

“Лик войны” — хорошая, любопытная и фотографически-правдивая книга, но и самый внимательный читатель, закрывая последнюю страницу, в этих ликах недавнего безумия и героизма

не увидит мелочи: лика самого автора. Здесь Илья Эренбург — писатель безликий.

1 ноября

“Вечерняя красная газета” рецензирует “Любовь Жанны Ней”:

Илья Эренбург написал роман с расчетом на какого-то массового читателя, применяясь к вкусу которого, он с большим усердием пришептывает и сюсюкает. Напрасно. Нашим новым кадрам читателей не нужно сюсюкание, им нужна литература всерьез, без сентиментальных вздохов и без сусальных героев. <...> Давши в “Хулио Хуренито” удачную политическую сатиру, он же нашел в себе силы идти по пути широких идеологических концепций и ясной общественной мысли. Вместе с тем, он растерял и свои темы и свои стилистические возможности.

2 ноября

Выходящая в Париже “Русская газетыа” дает подборку эпиграмм Саши Черного. Одна из них — “Теория творчества т.Эренбурга” — посвящена книге “А все-таки она вертится”:

Начиркав фунта два страниц
О том, что гайка выше Данта,
Он вывел в вечность всех мокриц
Рекламным слогом прейскуранта.
Увы, как стар сей анекдот,
Чиж пролетел над океаном
И, уронив в него помет,
Исчез бесследно за туманом.

3 ноября

И.Э. пишет М.Шкапской:

Я обычно хандрю и мое легкомыслие всегда вызывает подозрение даже у гарсонов кафе <...> Там проходят дни. При всем этом я пишу “Рвача”. Вероятно, к декабрю его кончу. Его смогут понимать (как и другие мои книги) по-разному. И так, и этак. Но (хоть и продан Ленгизу), я сомневаюсь в том, что он будет

напечатан. По слухам, доходящим сюда, “Жанну” все ругают и крестят меня Вербицкой. Что мне делать? Заказать соответствующую юбку? Отравиться на могиле Генриха Гейне?

Ирина учится в College de sevique и изучает стилистические особенности Жорж Занд и Франса (который во время умер). Издательство “Петроград” свински не шлет мне денег <...> “Хуренито” вышел во французском переложении. Занималась этим сербка, не знающая ни русского, ни французского языков. Поэтому с первой страницы хвост оказывается не у датского дога, но у датского принца, т.е. у Гамлета.

5 ноября

А.Я.Савич пишет из Берлина в Москву своей сестре:

Читаю присылаемый роман Эренбурга, который будет называться “Рвач” и будет издан в России. Я решила, что должна извлечь пользу из Вадиной дружбы с Эренбургом и вот мы с А.Т.* — первые две читательницы этого романа — не спецы, за исключением его родных. Наконец у Лурье видала хорошую карточку Любовь Михайловны Эренбург, т.е., жены Эренбурга, она очень интересна; знакомство с ними откладывается до тех пор, пока мы не поедем во Францию.

СФ

6 ноября

И.Э. пишет В.Лидину:

Жду Вашего ответа о 5 (или 6) повестях. Рукопись не высылаю, п.ч. не знаю, кому. Для скорости доставки лучше было бы ее выслать на адрес издательства, тем паче, если издательство государственное (А с частными после “Трубок” и “Лика” и “Жанны” я решил без крайней нужды не связываться). Как получу — вышлю рукопись. Не знаете ли охотников (тоже не частных) на переиздание “Курбова”?

---

* Мать О.Г.Савича — Анна Тимофеевна.

16 ноября

И.Э. пишет М.Шкапской:

Я старею и сдаю. Это в порядке вещей. Мне скоро 34 года, но я прожил с 1917–21, следовательно х 2 = 68. Возраст почти Анатоля Франса. Я заканчиваю "Рвача". Это глупый роман. Я люблю героя, хоть он пакостник, сволочь, наклонная к романтике и патетический спекулянтик. Вероятно, патологическая любовь. А, может быть, и Федор Кузьмич любил Передонова* — не знаю.

Что в России? Я вовсе отрезан! Кто что пишет? Как живут? Попросите Федина прислать мне роман, когда выйдет — я жду многого от него. А Тихонов? Слонимскому скажите, что я познакомился с его кузеном, польским поэтом**. Он уехал в Бразилию. И очень звал Слонимского в гости в Варшаву весной.

— И.Э. пишет Ионову:

Одновременно с этим письмом высылаю заказным пакетом на Ваше имя 12 глав "Рвача", вместе с посланными прежде это составляет 16 глав, т.е. несколько больше 1/3 (всего 40). Через неделю я вышлю еще 10 глав, а к 1 декабря надеюсь выслать и все остальные <...> Пожалуйста, издайте мою книжицу стихов, как Вы обещали! Она крохотная и Госиздат не разорит.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913.
Оп.1. Д.237. Л.45.

18 ноября

И.Э. пишет В.Лидину:

Сегодня получил письмо от Т.И.***, что "6 повестей" устраиваете Вы. Одновременно с этим письмом посылаю Вам заказной бандеролью рукопись исправленных "6 повестей". Меня огорчило, что издатель частный, в частности же тот же, что издал "Трубки" и, главное, "Лик". Я возмущен внешностью этих книг (особенно "Лика") <...> Не сердитесь за привередничество. Вы ведь понимаете, до чего

---

*Герой романа Ф.К.Сологуба "Мелкий бес".

** Антони Слонимский.

*** Сорокин.

могут довести человека: 1)обложка "Лика", 2)10 опечаток на каждой странице.

25 ноября

И.Э. пишет В.Лидину:

Только что получил Ваше письмо и спешу ответить, что рукопись всех "6 повестей" отправлена на Ваш адрес 19-го заказной бандеролью. Если не получите, зайдите в Главлит. Все повести мной переделаны и должны пойти в новом виде, так что задержите до получения рукописи набор.

Конец ноября

И.Э. пишет из Парижа в Одессу Л.А.Ротман:

Я послал Вам 3-го или 4-го ноября письмо и карточку на Ваш прежний адрес. Неужели Вы не получили? Скажите, тогда пошлю другую. Я коротко пишу, п.ч. очень занят: кончаю "Рвача". Осталось две-три главы <...> Это вышла очень мрачная и злая книга <...> В Париже стоят весенние дни. Молодое вино, "каштаны горячие" и вдруг весна. Хорош город. Я хотел бы подарить его Вам.

СФ

28 ноября

И.Э. отправляет письмо в Ленгиз:

Высылаю, получив Ваше письмо, подписанный мною договор <...> Всего в романе 40 глав, он мною закончен и остановка только вследствие медленности переписки. Хочу обязательно лично держать одну корректуру. (предпочтительно последнюю), во избежание традиционных опечаток.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913.
Оп.1. Д.237. Л.46.

Ноябрь

Опубликована рецензия В.Каверина на роман И.Э. "Любовь Жанны Ней":

Сочинение сюжетных форм западного романа с русским материалом — трудная задача и по-видимому, не всегда удается на

первых порах. Деликатные сюжетные формы, натянутые на русскую болванку, трещат по швам, и на многочисленных прорехах выглядывает стопудовая мотивировка <...> Для полного сходства с западным романом, язык Эренбурга притворился переводом, — такую неряшливость нельзя объяснить даже утонченностью. <...> В заключение стоит отметить, что если Эренбург хотел растрогать неопытного читателя, то это удалось ему в полной мере. Уж если сам автор плачет над своими героями ("Бедная, бедная Жанна"), что же остается читателю?

Впрочем, честь и слава Эренбургу: нужно иметь мужество, чтобы в наше время быть сентиментальным.

Русский современник. Л., 1924. №4. С.241–242.

1 декабря

И.Э. пишет Е.Замятину:

Очень давно не имел от Вас никаких известий. Здесь живем как-то глуше, изолированней, нежели в Берлине. Порадуйте меня хотя бы кратким письмом и расскажите, что Вы написали за это время. Не соберетесь ли сюда погостить? Здесь очень занятно. <...> Провожу вечера в "Rotonde" (пожалуйста, не сравнивайте меня с псом возвращающимся и т.д., меня и так обижают).

Кончил я новый роман "Рвач". Старался, как приготовишка, по три раза перечеркивал фразу, писал его долго — четыре месяца! Хотел дать не только героя вышедшего из революции спекулянта, но и "пейзаж" с помощью бальзаковских отступлений. Вышло ли что-нибудь — не знаю.

Читали ли Вы "Жанну". Ежели читали, напишите мне: очень дорожу Вашим суждением и наставлениями. Ее ругают, но до меня доходят лишь политические обвинения или же просто определения: "Новая Вербицкая". <...> Я сейчас стараюсь устроить французские переводы Ваших вещей. Пришлите мне с этой целью экз. "Островитян" — здесь не достать.

Вопросы литературы, 1973. №9. С.202–203.

2 декабря

И.Э. пишет В.Лидину:

Я кончил “Рвача” (около 18 листов). Получилось мрачно и тяжеловесно. Натурализм. Словом, собак не хватает, чтобы вешать на меня — это единственное утешение <...> Что нового в литмоскве? По Парижу движется Маяковский, скучая и зевая. Ввели (это без связи с предыдущим) электр. сигнализацию огни и звонки на перекрестках — закрывают и открывают движение. Ряды автомобилей и стада пешеходов — одно забавнее другого в поисках желанного красного огонька.

Не можете ли Вы авторитетом своим подействовать на Лежнева?* “Жанна” вышла 4 месяца тому назад, а они до сих пор не прислали авторских экземпляров, которые мне нужны до зарезу.

3 декабря

И.Э. пишет М.Шкапской:

Очень растроган тем, что и болящая не поленилась переписать мне поэму Тихонова. Стихи его мне очень понравились: свежестью, терпкостью и, при всем ощущении его post пастернаковской формы, своей тихоновской мужественностью. Скажите ему еще раз, что он прекрасный поэт, и добавьте всяческие приветствия. Жаль, что пропало письмо Любовь Михайловны к нему: там была фотография забавного его портрета, сделанного ею, с трубками, пароходами и прочим (“фотомонтаж”, кажется, так называются эти фокусы).

Я кончил “Рвача”. Еле-еле. Думал, умру. 18 листов! Писал 4 месяца! Дольше и больше всех книг + трудный язык + такая пакость, мразь, что мне самому не по себе.

Вопросы литературы, 1973. №9. С.201.

8 декабря

И.Э. пишет Е.Полонской:

Жанну не обижай. Это честная девушка из “Золотой библиотеки” для юношества. Читая ее все (даже Тынянов, хоть он и не признается никогда) становятся добрее. Это не мало.

Зато “Рвач”, который мною наконец-то закончен, верх гнусности. Я не знаю сам, зачем писать такие книги! Вышло, кажется,

* И.Г.Лежнев, редактор “России”.

здорово, но мрачно до чрезвычайности (без намеков и с ними) <...> Вскорости начну писать “Историю Ротонды”. Честное слово! Что в Ленинграде нового? Что пишут “Серапионы”? и кого цитируют формалисты? <...> В Париже хорошо: туманы, каштаны + электрическ. сигнализация и посольство на rue Granelle. Сижу в Ротонде и в Closerie, курю трубки и методически старею. Скоро reveillon*.

9 декабря

И.Э. пишет В.Лидину:

Я устал от холостой жизни, то есть смен издательств. Нельзя ли найти тихий семейный дом, который издавал бы честно и прилично мои книги одну за другой? Или это наивные мечты?

13 декабря

И.Э. пишет в Ленгиз:

Высылаю одновременно с этим письмом рукопись — главы 21–31. Остаются еще недосланными 6 глав (35–40), которые вышлю 27-го.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.40.

Вадим Андреев дарит И.Э. книгу стихов “Свинцовый час” с надписью: “Илье Григорьевичу Эренбургу моя первая книжка, которую я лет через десять б.м. предам ауто д’афэ. В.Андреев. 13 XII 24".

Собрание И.И.Эренбург.

— М.Горький пишет К.Федину, прочитав его роман “Города и годы”:

Интересная книга и сделана интересно, местами очень чутким художником, но иногда задумываешься: не соблазняет ли Вас Эренбург, этот нигилист на все руки и во все сто лошадиных сил. Это — там, где Вы, подчеркивая немецко-мещанскую тупость и фетишизм “дисциплины”, прибегаете к плакатам.

Литературное наследство. Горький и Советские писатели.Т.70
АН СССР, 1963. С.460.

* Сочельник (франц.).

14 декабря

И.Э. присутствует при торжественном подъеме флага на здании Полпредства СССР в Париже:

Осенью французское правительство решило признать Советский Союз. Я снова переступил порог особняка на улице Гренель, куда впервые заглянул после Февральской революции. Перед посольством толпились полицейские, шпики. Они явно волновались: шутка ли сказать, в аристократическом квартале Парижа, среди бела дня сумасшедшие русские подымают красный флаг и поют "Интернационал"! Л.Б.Красин спокойно улыбался. По двору шагал Маяковский; он говорил, что ему надоел Париж, а американцы тянут с визой.

ЛГЖ. Т.1. С.447.

19 декабря

И.Э. пишет В.Лидину:

Я в полном отчаянии: сейчас получил назад рукопись "Повестей". Это совершенно невероятно! Посылаю с Маяковским, который едет в Москву послезавтра. Необходимо задержать набор, ибо все "повести" сильно мною переделаны. Я посылаю Вам об этом телеграмму. Принудите их. Если же набрали, им придется проделать основательную корректуру. Сижу без денег и возлагаю надежды на Вас.

23 декабря

И.Э. пишет В.Лидину:

Рукопись вернули, о чем я телеграфировал Вам. Сегодня ее увозит Маяковский, который будет в Москве через 4–5 дней. Пусть издатель пойдет за ней к Брику (Водопьяный 3, кв.4). Завтра сочельник. Кругом сплошной Диккенс. Жду денег с тем напряжением, когда слышно, как летает муха.

— И.Э. пишет И.Ионову:

Уважаемый т.Ионов, благодарю за ответ. Окончил "Рвача", выслал на Ваше имя. Очень прошу Вас сделать все возможное, чтобы роман был напечатан без купюр <...> Очень прошу Вас также рас-

порядиться о незамедлительной высылке мне денег. Крайне в оных нуждаюсь*.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.38.

23 декабря

И.Э. пишет М.Шкапской:

Аросева видал. В ликовании народа участие не принимал — характер <...>Судьба “Рвача” пока в руках Ионова (рукопись отослал). Завтра reveillon. Всюду палатки (помните?) <...> За лаконизм не сердитесь: после 18 печатных листов “перо покоя просит”.

27 декабря

И.Э. пишет В.Лидину:

Рукопись “Повестей”, как я уже писал Вам, продержав, вернули. Теперь ее повезет Маяковский. 28-го она уже будет в Москве. Пусть кто-либо из издательства или от Вас пойдет за ней.

Мне зверски нужны деньги! Надежда на Вас и на Тихона Ивановича.

28 декабря

К.Федин отвечает М.Горькому:

Ведь моя тема — ужас. Но мыслимо ли на протяжении сотен страниц говорить об ужасе в неизменно трагическом тоне? Честное слово, меня не смущают при этом лавры Эренбурга! <…>Они не смущают меня вообще.

Федин К. Собр.соч. Т.10. М.,1986. С.291.

— К.С.Петров-Водкин сообщает из Парижа в Ленинград Ф.Ф.Нотгафту, что он написал портрет Л.М.Эренбург; в этом же письме:

Видел (и вижу) здесь Бенуа, Кончаловского, Сомова, Анненкова, Серебрякову, Эренбурга.

Петров-Водкин К.С.. Письма. Статьи. Выступления. Документы. М.: Сов.художник, 1991. С.235.

---

* На этом письме Ионов начертал: “Денег больше не высылать. Печатать не будем”.

29 декабря

И.Э. пишет в Ленгиз:

Высылаю заказной бандеролью на имя т.Ионова конец "Рвача" — 6 последних глав. Прошу озаботиться немедленной высылкой гонорара согласно договора. Последнюю корректуру прошу выслать мне.

ЦГАЛИ СПб.
Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.42.

Декабрь

Парижское издательство "La Renaissance du Livre" выпустило роман И.Э. "Необычайные похождения Хулио Хуренито" в серии "Коллекция мировой художественной литературы", редактируемой Пьером Мак-Орланом. Перевод А.Беляевой и Драги Иллич. Книга выпущена со вступительной статьей П.Мак-Орлана.

Пьер Мак-Орлан <...> написал предисловие к первому французскому переводу "Хулио Хуренито", который вышел в 1924 г. Тогда мы были едва знакомы и, рассказывая обо мне, он описал человека почти <...> фантастического <...> "Хуренито" ему понравился, и он советовал французам познакомиться с "романтикой случайного и непредусмотренного".

ЛГЖ. Т.1. С.454.

Конец года

И.Э. много общается с молодыми русскими поэтами и художниками в Париже. Н.Н.Берберова вспоминает:

Одним из центров "левых" был Эренбург, окруженный всевозможными бездомными фигурами, талантливыми и растерянными, среди которых был Борис Поплавский, поэт Валентин Парнах и будущие модные художники: Терешкович, Челищев, Ланской, и поэт Борис Божнев, один из замечательных поэтов моего поколения, сошедший на нет в тридцатых годах из-за тяжелой душевной болезни.

Берберова Н. Курсив мой.
М., 1996. С.256–257.

1924 год

Кроме упомянутых, в 1924 г. у И.Э вышли книги: “13 трубок” (московское издательство “Новелла”), “Трест Д.Е.” (Госиздат Украины, Харьков), “Трубка коммунара” (Госиздат Украины) и “Бубновый валет” (ленинградское издательство “Петроград”).

В ленинградском издании “Колос” вышел сборник статей А.Г.Горнфельда “Боевые отклики на мирные темы”, в котором напечатаны статьи “Эстетика “Вещи” (рецензия на №1 журнала) и “Роковой клоун или забавное светопреставление (рецензия на украинское издание “Треста Д.Е.”)

— И.Э. добивается разрешения на выезд своих сестер Марии, Евгении и Изабеллы за границу. Они выезжают в Берлин.

— Жан Кессель дарит И.Э. книгу “Экипаж” с надписью: “Эли Эренбургу, моему путеводителю по новой русской литературе” .

Собрание И.И.Эренбург

— Пьер Мак-Орлан дарит И.Э. свою книгу “Симона с Монмартра” с надписью:

“Илье Эренбургу, поэту и писателю в знак дружбы этот маленький роман от всего сердца Мак-Орлан”.

Собрание И.И.Эренбург

И.Э. вспоминал:

Я подружился с писателем Пьером Мак-Орланом. У него было лицо опечаленного бульдога. Он помнил войну, и это было воспоминаниями не победителя, а побежденного.

ЛГЖ. Т.1. С.453.

— В 1924г. за подписями Н.Крупской, П.Лебедева-Полянского (зав.Главлитом) и М.Смушковой (председатель ЦБК) появился “Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка”.

№997. Эренбург И. Звериное тепло (стихи); Жизнь и гибель Николая Курбова, Лик войны, Неправдоподобные истории, Шесть повестей о детских (так!) концах, Тринадцать трубок.

№978. Эренбурга под редакцией. Поэзия революционной Москвы.

Российский литературоведческий журнал, 1993. №4. С.251, 273.

1925 год

1 января

"Ленинградская правда" публикует статью А.Григоряна "О том, как дева Евлалия странствовала с Ильей Эренбургом (Мысли по поводу эренбурговского "Бубнового валета и Ко")".

— Иннокентий Оксенов пишет в литературном обозрении:

Не знаю, насколько принадлежит русской литературе Илья Эренбург, всем своим лицом и стилем явно выпадающий из общего потока. Прославившийся годом раньше фельетонами, возведенными в достоинство романов, Эренбург в 1924 г. легко скатился на измятое Западом ложе сентиментально-детективного романа ("Любовь Жанны Ней"), имеющего — увы! – и у нас известный круг читателей.

Ленинградская правда, 1 января 1925.

4 января

И.Э. получает письмо от В.Лидина и отвечает ему:

Денег я до сих пор не получил <...> Очень мрачно, ибо госиздаты мне тоже пока ничего не прислали и я пребываю в предельном безденежьи. Надеюсь, что теперь, получив рукопись (Вы ведь получили? ее повез Маяковский) Вы достанете денег и вышлите <...> Я пойду завтра к Грюнфельду насчет Вашей визы <...> Заставьте Ровинского* выслать мне почтой 10 экз. "13 трубок"

5 января

И.Э. пишет М.Шкапской:

"Рвач" кончен и послан Ионову. Что с ним будет в дальнейшем —

* Владелец издательства "Новые вехи".

не знаю. Здесь он выйдет в конце февраля. Попросите Федина прислать мне свой роман.* Очень хочется прочесть его. А здесь не продается.

С Новым годом! (У нас ведь здесь по старому это принято). Начался он для меня прозаически. Сижу в Rotonde и курю новую трубку (кубической формы) <...> Впрочем, сегодня солнце, чудное солнце, прямо-таки замечательное. По кафе гуляет кот и даже уклон его поднятого хвоста свидетельствует о необычайности дня. Эренбург же, как подобает этому опустошенному субъекту, продолжает курить трубку.

6 января

И.Э. пишет В.Лидину:

С Грюнфельдом виделся. Он весьма любезен, но пассивен, т.е. советует подождать, т.к. теперь особенно трудно. У меня есть коекакие надежды сделать это помимо него, через французских писателей <...> Получили ли Вы рукопись "Повестей"? Деньги нужны до ... Сами понимаете!

13 января

И.Э. пишет М.Шкапской:

Вчера из газетной заметки узнал, что "Петроград" уже выпустил мою книгу рассказов**. Это предел. Заклинаю Вас предъявить от моего имени ультиматум Лившицу: или он немедленно высылает мне все следуемые за 2 книги деньги и авторские экземпляры или я оглашаю дело и прибегаю к суду. Без ламентаций: "да" или "нет". Ответ мне тотчас же сообщите. Книжки пусть вышлют незамедлительно заказной бандеролью с пометкой: "авторские экземпляры". Не сердитесь за лапидарность стиля! Я зол невероятно. Подумайте — сижу без денег. Все издательства увиливают и т.д. Что будет с "Рвачем" не знаю и сильно боюсь за его судьбу. Все меня ругают, что есть силы. А здесь то же самое. В Дании печатание "Треста"

* "Города и годы".

** "Бубновый валет и компания"

произвело скандал, оборвали на середине. Французский перевод "Хуренито" обкорнали. И т.д. Видите, как я умею жаловаться! Хвораю. Уже скучно без работы и вскоре, наверное, засяду за свой "Гид". Хочется прочь из Европы, в Америку, что ли? Если будут рецензии о моих книгах, пришлите, сюда ничего не доходит.

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Мою "Жанну" кажется все без исключения хают. Что же, это я тоже умею, т.е. хаять. Например, "Рвач". Только вряд ли пройдет это дело. Вскоре буду писать "Гид по кафе Европы".

И.Э. отправляет открытку в Ленгиз:

Настоятельно прошу выслать мне незамедлительно гонорар за "Рвача". Последние главы рукописи выслал на имя т.Ионова 29 декабря.

ЦГАЛИ СПб.Ф.2913. Оп.1. Д.237. С.32.

16 января

О.Г.Савич пишет из Берлина В.Лидину:

Насколько мне известно, Илья Эренбург не может выписать из Берлина свою сестру. Хотя я узнал об этом стороной, случайно, и не ручаюсь за то, что через некоторое время он не вышлет ей все, что надо <...> Кстати, в Париже образовалось издательство "Париж-Птицелов", которое печатает два романа Эренбурга (Жанну и Рвача), книгу Бабеля, роман Ремизова и Винниченко и проч.

Копия (СФ)

18 января

И.Э. пишет Е.Замятину:

Вы ни разу не собрались написать мне в Париж. А я ведь очень ждал Вашего суждения о "Жанне". Несмотря на плодовитость и прочее, я теперь в достаточной мере растерян. "Жанну" ругают напропалую все. Пока это шло только по линии политической, напостовской, я хранил спокойствие. Но на днях прочел в Вашем журнале* отзыв Каверина и усомнился. Действительно ли это настолько плохо? Что же, я и вправду только "Вербицкая в штанах"? "Русский современник" видимо, думает именно так (Тынянов, некая Рашков-

* "Русский современник".

ская, Шкловский, Каверин). Так ли думаете Вы? Чувствуете ли Вы, что ошиблись в давней статье обо мне? Или я пропал, слинял? Напишите мне откровенно! Вашему пониманию я очень верю <...> Я закончил роман психологический и нравов “Рвач”. Здесь он выйдет через месяц. Помышляю о новой книге неопределенного типа — гид по кафе Европы.

Вопросы литературы. 1973,№9. С.203.

20 января

И.Э. сообщает в Ленгиз:

Сегодня 20 января, а денег я еще не получил! Прошу Вас, если еще не высланы, выслать их незамедлительно телеграфом.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.35.

23 января

И.Э. обращается в Ленгиз:

Решительно настаиваю на немедленной высылке телеграфным переводом гонорара за “Рвача”.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Д.237. Л.33.

26 января

И.Э. пишет М.Шкапской:

Ионов отказался от “Рвача”. Следовательно, он вряд ли выйдет в России. Это мне очень обидно. Да и денежные дела в связи с этим аховые. Очень прошу Вас принудить Лившица выслать мне деньги и авторские экземпляры “Бубнового валета”. Неслыханное с его стороны свинство. <...> Ирина “парижеет”. Впрочем, закваска у нее весьма ориентальная. Я старею, злюсь. Мои пальцы стали темно-коричневыми от дыма. Курю, вероятно, также. Читал, как Каверин меня выругал за “Жанну”.

27 января

“Вечерняя Москва” публикует информацию “Что читает Москва?”:

Читательские интересы молодежи — современная беллетристика (15–20 %.), среди которой первое место занимают рассказы: Л.Сейфуллиной (40 %.), книги И.Эренбурга (25 %.), последние произведения М.Горького и книги Неверова (около 20 %.)

Остальные 15 %. идут за счет таких авторов, как Вересаев, Блок, Яковлев, Лебединский, Алексей Толстой, Есенин, а отчасти "классиков", из которых есть спрос только на Льва Толстого, Тургенева, Гоголя, Чехова и Достоевского <...>

Что читает обыватель? <...> Из других современных авторов, читаемых вообще меньше, чем переводные романисты, недавний "любимец публики" И.Эренбург уступил свое место Л.Сейфуллиной (60 %), третье место занимает Неверов.

— Вышел №8 журнала "Книгоноша" с рецензией Д.Горбова на книгу И.Э. "Бубновый валет и компания"

29 января

Зав. Редсектором Ленгиза Ангерт пишет И.Э.:

В ответ на письмо Ваше от 25-го с.м. сообщаем, что тов. Ионов, ознакомившись с содержанием Вашего романа, пришел к заключению, что выпуск его в пределах СССР невозможен. Впредь до окончательного выяснения вопроса о судьбе заключенного с Вами договора, выплата авторского гонорара приостановлена.

ЦГАЛИ СПб.Ф.2913.
Оп.1. Д.237. Л.34.

30 января

И.Э. пишет Н.С.Тихонову:

Моего "Рвача" цензура (как я и ожидал) зарезала. Мне очень это больно. Он выйдет здесь, но для кого и зачем? Вообще, я скулю. Меня ругают все, партийные за одно, писатели за другое (вот и Каверин). Начинаю не на шутку сомневаться, стоит ли писать.

3 февраля

И.Э. пишет В.Лидину:

Вчера получил от Сорокина телеграмму, что Ионов не выдает рукописи "Рвача". Телеграфировал Ионову. Выяснили ли Вы что-либо? <...> Мое безденежье стало космическим, пройдя через ломбарды и пр. <...> Выручайте! Как с отъездом и визой? Обратитесь обязательно к Paul Morand'у во франц. представительство. Он устроит это в два счета (это крупный писатель из

молодых). Читал Ваши прекрасные очерки в “Красной нови” <...> Как литературные дела в Москве? Правда ли, что стало плохо с издательствами? Или это затронуло только меня? Как Вы объясняете историю с “Рвачом”?

— И.Э. получает письмо Е.Полонской о ее переговорах с издателем Я.Б.Лившицем по поводу высылки И.Э. гонорара и отвечает ей:

Дела мои прескверны:

1) “Рвача” Ионов не берет по внятным мотивам. Это бьет и по карману.

2) Вышел французский “Хуренито” в гнуснейшей переделке, причем именуется это даже не adeptation, a traduction*.

3) Из “Hotel de Nice” меня выселяют, а других комнат найти не могу.

4) Ежедневно меня ругают “Вербицкой”, “нэпачом” и т.п. словами.

5) Денег нет и я бегаю в Mont-de-Piete** со всякой дрянью.

— И.Э. пишет Я.Лившицу:

Ваше запоздавшее на 1/2 года письмо, разумеется, все же лучше Вашего эпического молчания. Денег для Элленса я, однако, до сих пор не получил. Надеюсь, на этот раз Вы не подвели и выслали их <...> Прошу Вас также выслать мне все авторские экземпляры “Бубнового валета” — как полагается.

РГАЛИ. Ф.1255.
Оп.1. Ед.хр. 11. Л.2.

— И.Э. пишет Блезу Сандрару.

Письмо И.Г.Эренбурга является ответом на письмо Сандрара, содержащее критическую оценку романа “Хулио Хуренито”. Эренбург благодарит Сандрара за откровенное суждение о его романе и обращает его внимание на неудачный перевод романа.

Москва-Париж.
Каталог выставки 3 июня — 4 октября
1981 г. Т.1. С.242.

* Не сокращенное издание, а перевод (франц.)

** Ломбард (франц.)

7 февраля

И.Г. и Л.М.Эренбурги вынуждены переехать из гостиницы "Ницца" в более дешевую гостиницу на авеню де Мен, д.64:

Я поселился в гостинице на авеню де Мен, с темной винтовой лестницей, вонючими коридорами и грязными номерами. Под окном был классический круглый писсуар и не менее классическая щербатая скамейка, на которой вечером целовались влюбленные.

ЛГЖ.Т.1. С.447.

Отель на авеню де Мен, 64 — самая бедная из парижских квартир Ильи Эренбурга. Современный путешественник не сможет этого оценить, так как вся четная сторона этой части авеню де Мен в 1960-ые г. была снесена и на месте прежних непрезентабельных построек выросли высотные здания из стекла и бетона. (Здесь же высится и новое просторное здание вокзала Монпарнас, а то старое, где в годы первой мировой войны Эренбург разгружал вагоны, чтобы заработать на кусок хлеба, тоже снесено). Нечетная же сторона широкого, выложенного брусчаткой, проспекта сохранилась — это типичные для района Монпарнаса семиэтажные постройки средней руки.

Фрезинский Б. Парижские адреса Ильи Эренбурга (Рукопись, СФ).

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Сообщаю тебе новый свой адрес: 64 avenue du Maine (из старого выгнали и, как видишь по району, сказывается "Запустение Эренбурга"

— И.Э. сообщает свой новый адрес В.Лидину.

Рижская газета "Сегодня вечером" публикует очерк А.Н.Вертинского "Ротонда":

А в самом углу кафе "Ротонда" у окна тихо сопит трубкой огромный неистовый, напоминающий складной перочинный нож Илья Эренбург и тихо подводит баланс сегодняшних барышей от записи чужих слов. Он пишет новый роман.

8 февраля

И.Э. пишет В.Лидину деловое письмо

— Парижская газета "Последние новости" публикует заметку из Чехословакии:

Солисты городского театра на Виноградах посвящают очередное утро “русской революционной поэзии”. В программе переводы из Маяковского, Блока, Есенина, Эренбурга и Казина. Вступительное слово скажет переводчик профессор Матезиус.

14 февраля

И.Э. пишет Е.Полонской записку:

Денег от Лившица я не получил и, думается, он их не выслал. Сделай ему налет!

18 февраля

И.Э. пишет В.Лидину:

О “Рваче”. Думаю, Сорокин уладил дело с рукописью — я писал неоднократно ему и Ионову. Задерживать-то не в праве. Я получил вчера предложение от издательства “Основа” в Иваново-Вознесенске по предложению Когана (Петра), который читал “Рвача”. Так как “Основа” издательство полугосударственное, им, может быть, легче будет протащить “Рвача”. Если можно, выясните, пожалуйста, это с Коганом. Я пишу Сорокину также об этом. С “Основой” Вам снестись легко (Коган укажет, как). Это вопрос не гонорара, а того, как протащить роман.

20 февраля

Подготовлен к печати №2 журнала “Печать и революция”, содержащего информацию об издании книг И.Э. за рубежом (С.316, 310.):

За последнее время вышел в чешском переводе ряд новых русских романов, в том числе “Голубые пески” Всеволода Иванова (перевод Харвата.: изд. Чип .) и книги Эренбурга “Хулио Хуренито”, “Трест Д.Е.” и “Тринадцать трубок” (перевод Пишка.: изд. Штрох-Мариен.).

Роман И.Эренбурга “Трест Д.Е. История гибели Европы” переведен на немецкий язык и вышел в изд. Welt-Verlag (Берлин) под заглавием “Die Geschichte der Zerstorung Europas”. Это несколько сокращенное название, очевидно, и послужило причиной тому, что редакция газеты “Deutsche Allgemeine Zeitung” в списке полученных на отзыв книг поместила “Гибель Европы” в отделе истории.

24 февраля

И.Э. получает телеграмму от В.Лидина с предложением издательства "Новелла" выпустить "Рвача".

25 февраля

И.Э. получает письмо В.Лидина с подробностями предложения издательства "Новелла" и отвечает ему:

Отвечаю согласием: деньги нужны и приходится принять цифры тиража при невысоких цифрах рублей <...> Я теперь пишу "Гид по кафе Европы", который хочу издать в виде гида с фотографиями. <...> Очерк обо мне? Право, затрудняюсь назвать автора. Может быть, обойтись без этого? Если это необходимо, может быть согласится Мариетта Шагинян?

26 февраля

И.Э. получает телеграмму издателя З.Л.Каганского с предложением выпустить "Рвача" и сообщает В.Лидину, что откажется от этого предложения, если "Новелла" выполнит свое намерение напечатать "Рвача". В этом же письме И.Э. сообщает:

О новой книге. Она будет готова к апрелю. Это 15 рассказов, под общим названием "В кафе". Около 8 листов. Хочу половину из них пропустить предварительно по журналам. Книга должна выйти с иллюстрациями, о которых я писал (фотографии с восковыми фигурами) <...> Вчера получил письмо от Соболя из Сорренто. Конечно хандрит и ... мерзнет.

3 марта

И.Э. пишет В.Лидину деловое письмо.

— И.Э. пишет М.Шкапской:

Я ни от кого не имею писем и изрядно хандрю. Ионов зарезал моего Мишку*. Денег нет. Писать надоело. Уехать некуда и не на что. Что остается? "Трубки"? "Париж"? 2 негритянки? Ответьте же, утешьте бедную Вербицкую в штанах (кстати, драных).

---

* Роман "Рвач" (Михаил Лыков — главный герой).

— И.Э. обращается в Киносевер:

Прошу Вас известить меня, как обстоит дело со сценарием “Любовь Жанны Ней”? Если он пропущен репкомом, то почему мне не выслан гонорар? Если нет, то каковы мотивы? И свободен ли я представить роман для инсценировки заграницей?

ЦГАЛИ СПб. Ф.4309. Оп.2. Д.18. Л.10.

4 марта

И.Э. получает письмо из “Киносевера”:

В настоящий момент окончательно выяснилось, что Ваш сценарий фильмы по роману “Любовь Жанны Ней” не может быть поставлен, вследствие запрещения его цензурой. Согласно п.6 Вашего договора с “Киносевером” от 14 марта 1924 г. просим Вас вернуть аванс, полученный Вами по п.5а в размере 250 руб.

ЦГАЛИ СПб. Ф.2309. Оп.2. Д.147. Л.22.

— И.Э. отвечает “Киносеверу”:

Вчера я направил Вам письмо о судьбе сценария, а сегодня получил Ваше, пересланное из Парижа. Я верну Вам аванс при первой возможности. Сроки, к сожалению, указать не могу. Если мне удастся устроить этот сценарий здесь, то — скоро. Если нет, Вам придется несколько подождать. Прошу Вас выслать мне сценарий (копию я потерял), а также копию “запретительного отзыва репкома”.

ЦГАЛИ СПб. Ф.4309. Оп.2. Д.148. Л.10а.

5 марта

И.Э. пишет В.Лидину:

Не желая еще обременять Вас с устроением рассказов*, я их выслал сегодня Сорокину (для “России” или другого журнала). В том же пакете выслал 1)фотографию для “Новеллы”, 2) отчаянное письмо к Ионову, на случай, если рукопись еще не получена. Прошу его фотографию передать Вам, а также показать рукопись Вам, чтобы издатель “Новеллы” знал, о какой новой книге идет речь (“Кафе” — около 8 листов).

* Из будущей книги “Условные страдания завсегдатая кафе”.

Начало марта

Московское издательство “Пучина” отпечатало в Рязани книгу И.Э. “Шесть повестей о легких концах” (на обложке — в отличие от титульного листа — книга названа “Акционерное общество Меркюр де Рюсси”).

10 марта

И.Э. пишет В.Лидину о своих попытках получить для него визу в Париж и о своих издательских делах:

Учитывайте, что я далеко и что основательно обжегся на расчетах за “Лик”, “6 повестей” и “Трубки”. Что касается рукописи “Рвача”, то выясните с Тихоном Ивановичем*, в каком положении дело. Я телеграфировал и писал Ионову. От Госиздата я получил аванс (700 р.), который в случае продажи “Рвача” другому издательству согласен погасить частями. /.../ Пишу о Вас в “Disque Vert”.

13 марта

В театре Сатиры (Б.Гнездниковский пер.) идет обозрение Д.Гутмана, В.Масса, В.Типота и Н.Эрдмана “Москва с точки зрения”. Среди его персонажей А.Толстой, Маяковский, Ахматова, Есенин, Мандельштам, Пильняк, А.Белый и Эренбург, которого играл артист Асланов.

Новый зритель. 1925. №10. С.31.

17 марта

И.Э. получает письмо В.Лидина, посланное 4 марта, о подписании договора на издание “Рвача” в “Новелле”, благодарит его в ответном письме и сообщает:

Я жду экземпляры “Жанны”, чтобы выслать Вам переделанный экземпляр. (“Жанна” должна пойти обязательно в этом, переделанном и слегка — на 1/2 листа — сокращенном виде). “Курбов” же готов в прежнем виде. Предпочитаю использовать берлинское издание “Геликона”, в нем меньше опечаток.

---

* Сорокин.

20-е числа марта

И.Э. получает письмо Ф.Элленса с предложением принять участие в специальном выпуске редактируемого им журнала “Le Disque Vert”, посвященном Лотреамону, и в ответном письме рекомендует Элленсу обратиться с этим предложением к М.А.Волошину.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома 1979 г. Л.: Наука., 1981. С.258.

21 марта

И.Э. пишет Е.Полонской:

Прошло уже 4 мес., как ты обещала мне большое обстоятельное и пр. письмо! Поздравляю — так Елизавета Полонская постепенно трансформируется в ... Лившица <...> Я пишу “Гид” — он же “Условные рефлексы различных кафе”. Весьма романтично. Попроси своего брата обуздать “Киносевер”. (Они требуют ... возврата авансов!)

24 марта

И.Э. пишет В.Лидину:

Писем от Вас нет. Хочу с горя телеграфировать, м.б. до сих пор рукопись не получена от Ионова (кстати, правда, что он уходит?) 28-го в Москве будет сын К. У него — рукопись “Рвача”, также исправленный и готовый для печати экземпляр “Жанны”.

25 марта

И.Э. отвечает Е.Полонской:

За твое письмо ужасно признателен. Как “падшая тварь” радуюсь, что чистая поэтесса не гнушается меня публично поцеловать, осудив белоснежные панталончики vierge* Эйхенбаумами. <...> Пишу “Условный рефлекс кафе” (то же “Гид”). Готова 1/2. За это упрекнут в подражании Полю Морану.

27 марта

И.Э. получает письмо Т.И.Сорокина об издательских делах и отвечает ему.

---

* Нетронутые (франц.)

28 марта

И.Э. пишет В.Лидину:

От Вас давно не было писем, так что из вчерашнего письма Сорокина узнал много новостей .<...> 1) "Рвач" — раз Сорокин уладил дело насчет аванса, вопрос о рукописи отпадает — я послал в Москву гранки. Набирать следует по ним <...> 2) Почему не разрешают тираж в 10 т. "Курбова" и "Жанны". Мера общая? Частная? Против меня? Против издательства? В последнем случае я бессилен. Но тогда не следовало бы с ним связываться. Если это против меня, я напишу ряд писем и подыму бучу /.../ 5)"5 повестей" — Сорокин сообщает мне чудовищные вещи, будто Равинов* выпустил книгу под новым своим заголовком <...>Если книга еще не распродана, заставьте перепечатать обложку. Если продана, потребуйте серьезной материальной компенсации. Это ведь неслыханная наглость!

РО Гослитмузея. Ф.298. ОФ. 9026.

— И.Э. из Берлина (Helikon-Verlag, Bambergerst. 7) пишет Я.Лившицу:

Я в Берлине пробуду лишь до 15-го. Поторопите лит., чтобы я получил оттуда деньги. Особенно хочу скорее рассчитаться с Элленсом.

РГАЛИ. Ф.1255. Оп.1. Ед.хр. 11. Л.1.

— Ф.Элленс пишет М.Волошину в Коктебель:

Мой друг Эренбург уверяет меня, что Вы согласитесь написать несколько строк или несколько страниц для специального выпуска журнала ["Le Disque Vert", посвященном Лотреамону]. Я был бы этому очень рад.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома 1979.
Л.: Наука., 1981. С. 258

29 марта

И.Э. пишет Е.Полонской:

Дела мои, в связи с триумфом "напостовцев" и быстрой сноской

* Ровинский, владелец издательства "Пучина".

ботинок, весьма плохи. По сему и по многому другому прошу тебя о следующем — приложением к этому письму ты найдешь три рассказа из моей новой книги, которую я еще пишу (заглавие еще не установлено — может быть “Гид по кафе Европы” или “Условный рефлекс кафе”) — 1) Про теремок. 2) Олимпия. 3)Свидание друзей. В них во всех вместе примерно 1 лист. Продай их в какой-либо из ленинградских журналов, или в “Ковш” или еще куда-нибудь, вместе или врозь — безразлично /.../ Главлит запретил печатать меня свыше 5000 (“Жанну” и “Курбова”). Прости за трех подкидышей.

30 марта

И.Э. пишет издательнице Е.Ф.Никитиной:

Весьма признателен Вам за предложение, переданное мне Савичем. К сожалению, новую свою книгу и переиздание прежних я давно продал. Но я пишу теперь рассказы и мог бы дать несколько для Вашего альманаха.

РО Гослитмузея.
Ф.217. ОФ.6410.

31 марта

И.Э. пишет Н.Тихонову:

Спасибо большое за письмо, за память, за ворох приневских бесед <...> Начал читать роман Федина. В следующем письме скажу Вам, что думаю о нем <...> Здесь существуют молодые русские поэты. Я им давал в кружке Ваши стихи. Они ошалели от восторгов. Есть среди них изрядно способные.

“Рвач” (здесь) выйдет вскоре. Постараюсь тогда переслать Вам. Выйдет ли там, не знаю. На меня идет атака. Так запретили переиздавать тиражем (“Курбова” и “Жанну”) свыше 5 тыс. экз. и пр. Это очень скверно.

2 апреля

И.Э. предпринимает усилия получить въездную визу для В.Г.Лидина, обращаясь за помощью к друзьям и знакомым. С.Ромов посылает И.Э. записку:

Я вчера составил письмо на имя Эррио, которое сегодня отправляю. Надеюсь, что не позже субботы будет ответ.

И.Э. сообщает об этом В.Лидину.

— Приехавший в Париж художник А.М.Родченко записывает в дневнике:

Певзнер говорил сегодня, что меня хотят видеть Пикассо и Эренбург. Я сказал, что через несколько дней.

А.М.Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М.: Сов. художник., 1982. С.92.

4 апреля

И.Э. пишет Е.Замятину:

Большое спасибо за Ваше доброе письмо. Я жду "России" с Вашим новым рассказом очень, т.к. давно не читал Вас и отсутствие Вашего голоса в растерянности этого года ощущаю особо. Напишите немецкому переводчику, чтобы он выслал мне копию романа "Мы" и сообщил мне адрес американского издательства (еще лучше, их представительства в Англии), откуда я мог бы выписать английский перевод (это очень важно для того, чтобы французское издательство могло ознакомиться с книгой). Есть серьезные надежды устроить перевод этой книги здесь. Сделаю все мыслимое для этого.

Я постараюсь переслать Вам мой роман "Рвач", который на днях здесь выходит. Если он и выйдет в России, то сильно подстриженный. Вы увидите, как далеко я ушел вновь от "Жанны", от сюжета, от общедоступности языка, от сентиментальности, да, пожалуй, и от иронии. Трудолюбивые люди из Зубовского института назовут, наверное, "Rouge et noir"* — Стендаля. Буду с волнением ждать Вашего суждения, которое, верю, на этот раз дойдет до меня. А я ... Я уже отошел на все 360 от "Рвача". Пишу сейчас рассказы. Нечто вроде "Гида по кафе Европы". Поворот первый — романтизм. Это воздух Европы./.../ Поворот второй — стиль. Им (в России, конечно) занимались лишь народники, фольклористы, внуки Лескова и коллекционеры унтер-офицерских цидулек. Мы, "западники", не достигли сплава языков "литературного" и "газетного". Над этим я бьюсь.

Вопросы литературы. 1973, №9. С.204–205. (с купюрами)

---

* "Красное и черное" (франц.)

— Ленинградская “Вечерняя красная газета” в “Страничке сатиры” помещает рисунок, на котором И.Э. изображен с книгой “Рвач”. Под пояснением: “Эренбург в Париже закончил роман “Рвач”. Вернувшись в Париж он несколько раз неодобрительно отозвался о революционной литературе” — эпиграмма:

Фуксом вышел в “первачи”,
Лижет пятки (осторожно).
Ох уж эти мне “Рвачи”,
Рвут везде, где только можно.

5 апреля

И.Э. пишет М.Шкапской:

У меня все в относительной исправности — дочь, трубка, Париж, печатные листы и пр. Принимаю солнечные ванны на пляже “Ротонды”. Постригся ежиком. Пишу романтическую ерунду (Условный рефлекс кафе) — полная потеря идей и прочего.

— Рижская газета “Народная мысль” сообщает:

Вскоре в Варшаве, в издательстве Клецкина выходит еврейский перевод романа Ильи Эренбурга “Хулио Хуренито” с предисловием автора.

Газета публикует предисловие И.Э. к этому изданию в обратном переводе с идиш Л.Мейерсона.

8 апреля

И.Э. пишет Е.Полонской:

Ма шер ами пур ле круассан мем пур ле мимозе иль фо авуар де ля галетт. Э муа же не ке ля глуар эссе дутез э ле детт. Ле де сан тшервонец же жатан пур се труа конт сероп юн вре жуа. Си иль и а боку дез аматер, жанвере дез отр. Же екри дежа ди конт, се та дир проке труа кэр де ливр Энри муа эсеке са те пле? Же фини ле роман де Федин. Се бьен, соф ларшитентюр. Же люи экри юн леттр.

(Дорогая, на круассаны и даже на мимозы нужна монета. А у меня нет ничего, кроме сомнительной славы и долгов. Две сотни червонцев, которые я жду за эти три рассказа, будут для меня настоящей радостью. Если они понравятся, я пришлю остальные. Я написал десять рассказов, т.е. почти три четверти книги.

Напиши мне, нравятся ли тебе они. Я закончил роман Федина. Хорошо, за исключением композиции. Написал ему письмо. — Перевод Я.И.Соммер).

9 апреля

И.Э. получает по пневмопочте записку С.Ромова, сообщающего, что начальник Отдела министра де Монзи обещал ему ускорить процедуру выдачи визы для В.Лидина, объясняя задержку тем, что из одной только России поступило 6000 запросов.

Фотокопия (СФ)

И.Э. сообщает об этом В.Лидину в Москву

12 и 13 апреля

В "Новой вечерней газете" опубликован рассказ И.Э. из готовящейся к печати новой книги "Гид по кафе Европы" — "Кафе "Олимпия".

15 апреля

И.Э. пишет письма Н.И.Бухарину и Л.Б.Каменеву в связи с запрещением Главлитом издания "Рвача" и переиздания романов "Жизнь и гибель Николая Курбова" и "Любовь Жанны Ней"; обращаясь к своим давним товарищам он просит их помочь снять запрет на издание его книг в СССР:

Вам ли говорить, что Эренбург не эмигрант, не белый, не "пророк нэпа" и пр.пр.? Если я живу в Париже и посещаю кафэ, то от этого не становлюсь ни Алексинским, ни Зинаидой Гиппиус. Местожительство не определяет, надеюсь, убеждений. Я работаю для Советской России… И вот… Нет в СССР собаки, которую бы не повесили на меня. …Я не имел никакого отношения к эмиграции. Меня хают здесь на каждом перекрестке. Это естественно. Но почему же меня хают в России? Я печатаю здесь 1000 штук "Рвача" на одолженные деньги с тем, чтобы послать книгу руководителям РКП и спросить – "почему вы это запрещаете?"…Я пишу все это для Вас, потому что 1) Вы – Бухарин, человек, которому я верю и которого люблю. 2) Читал Вашу речь на литературной дискуссии.

3) Предисловием к “Хуренито” Вы как бы узаконили меня. Я очень прошу Вас сделать все возможное для снятия запрета на меня. Вы, кажется, читали “Жанну” и “Курбова” – Вы знаете, что это не “контрреволюция”. Возьмите (скажите по телефону) в Главлите “Рвача” и Вы убедитесь, как и почему это написано. **Вся моя надежда теперь на Вас. Ответьте мне**, дорогой Николай Иванович, обязательно, хоть два слова **по адресу парижского полпредства**. Если мои литдела устроятся, возможно, скоро увидимся, т.к. собираюсь летом или осенью в Сибирь (хоть и натощак, хоть и зря) работать...”

Вопросы литературы. 1999. №1. С.300–302.

16 апреля

И.Э. пишет В.П.Полонскому:

Прошлой весной Вы звали меня писать в “Печать и революцию”. На основании той беседы предлагаю теперь Вам посылать обзоры-письма новой французской литературы. Я слежу за новыми книгами и журналами и смогу это выполнить. Предлагаю давать раз в два или в три месяца 500 строк. Предлагаю объекты первых “писем”: Delteil (Cholera), Soupault (Freres Durandos), Cendrars (L’or), Mac Orlan (Hospital St. Madelline), Pierre Morand (Je brule Moscou), Aragon (Le paysen de Paris)*, “художественный репортаж”, “сверхреализм”, влияние России, кризис романа и пр.

Если это входит в рамки “Печати и революции”, мог бы также дать статью о новом французском кино (который я высоко ставлю).

РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.379. Л.3.

Мне хотелось понять, чем живут писатели, художники Франции. Я познакомился с Мак-Орланом, Дюамелем, Жюлем Роменом, с архитектором Корбюзье; бывал в редакции “Кларте” у Барбюса; увлекался кино, разговаривал с режиссерами Рене Клером, Гансом, Ренуаром, Фейдером, Эпштейном /.../ В 1925 г. я увидел “Золотую лихорадку” и “Пилигрима” Чаплина.

ЛГЖ. Т.1. С.450.

* Дельтейль (Холера); Супо (Братья Дюрендо); Сандрар (Золото); Мак-Орлан (Госпиталь Св.Мадлены); Моран (Я жгу Москву); Арагон (Парижский крестьянин). (франц.)

— И.Э. пишет В.Лидину:

Вчера получил, наконец, письмо от Вас, в свою очередь не писал Вам по тем же причинам, т.е. ждал благоприятных вестей касательно визы <...> Вопрос затянулся из-за министерского кризиса. Сегодня кризис кончился. Вам будет либо выслана телеграфом виза, либо я телеграфирую о неуспехе. <...> Я написал Бухарину и Каменеву, прося их вступиться. Запрет “Жанны”, например, можно понимать только как запрет меня, но не книги. Очень надеюсь на вмешательство первого. Уверены ли Вы, что это все меры против издательства? <...> Дела мои денежные хуже худшего <...> “Кафе” готовы. Название “Условный рефлекс кафе”. 11 новелл, 5 листов. С цензурной стороны чиста. Не знаю, кому их выслать? Так же вопрос об иллюстрациях?

18 апреля

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Я закончил книгу “Условный рефлекс кафе”. Это 11 новелл, каждая примерно в 1/2 листа. <...> О судьбе “Рвача” Вы, вероятно слыхали. Теперь Главлит запретил переиздание “Курбова” и “Жанны”. Я терялся в догадках, но вчера получил эпиграмму из “Красной газеты” и кое-что понял. Итак, если можете устроить в альманах или еще где рассказы, сообщите.

Вопросы литературы.
1997. №2. С.245.

20 апыреля

И.Э. телеграфирует В.Лидину о своей беседе с секретарем министра де Монзи Пареном, который обещал устроить визу в 2–3 дня.

22 апреля

В.Ходасевич записывает в дневнике:

Вечером в Ротонде (Триоле, Эренбург).

Новое литературное обозрение.
1993. №2. С.193.

27 апреля

А.Я.Савич пишет из Берлина сестре:

Сейчас Вади* получил от Эренбурга письмо, что Лидин выедет в Берлин 29, в среду

СФ

28 апреля

И.Э. узнает от художника В.С.Барта о приезде в Париж П.С.Когана в качестве главы советской делегации на Международную выставку декоративного искусства и пишет ему письмо:

Барт мне передал, что Вы здесь и хотите видеть меня. Мне тоже нужно побеседовать с Вами. Т.к. Вы, вероятно, в связи с выставкой весьма заняты, лучше будет, если Вы зафиксируете предварительно время и место.

РГАЛИ. Ф.257. Оп.1. Ед.хр. 147. Л.5.

— А.Родченко записывает в дневнике:

Встретился с Эренбургом <...> Эренбург показывал мне Париж. С его женой, Л.Козинцевой, я был знаком еще в Москве, она училась у меня во Вхутемасе.

Эренбурги прозвали искусство “зачем это нужно”, так как я всегда так называл, когда видел не технику, а искусство. Я тогда признавал только технику <...>

Модной камерой была “Эка”, которой снимал Эренбург <...> Эренбург снимал улицы, людей и дома. В комнате всюду стояли тазы, ванны, и как белье, всюду висели пленки.

Родченко А.М. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М.: Сов. художник., 1982. С.92, 72.

Апрель

И.Э. принял предложение сотрудничать с русским подотделом литературной немецкой газеты “Ernst Rowoset”.

— “Новый мир”(№4) публикует статью Д.Горбова “Эренбург и современность”.

---

* О.Г.Савич

Апрель-май

И.Э. встречается с приехавшими в Париж на Международную выставку декоративного искусства П.С.Коганом, Д.П.Штеренбергом, А.М.Родченко, Г.Б.Якуловым, К.С.Мельниковым, И.М.Рабиновичем, Б.Н.Терновцем.

2 мая

И.Э. посылает В.Лидину полученное по пневмопочте сообщение секретаря де Монзи Парена о получении согласия на въезд Лидина во Францию.

5 мая

Опубликована статья Н.Терещенко “Фокстрот в пустыне”:

От ярко сатирической переоценки мировых ценностей в “Хулио Хуренито” до фокстрота в пустыне — “Кафе ‘Олимпия’” — вот творческий путь, пройденный пока современным нигилистом.

Вечерняя красная газета, Л., 1925, 5 мая.

8 мая

“Вечерняя красная газета” сообщает:

Издательством “Прибой” выпущена в свет книга Н.Терещенко “Современный нигилист” — марксистский анализ творчества И.Эренбурга.

15 мая

И.Э. пишет Е.Полонской об “Условных страданиях завсегдатая кафе”:

Книга закончена. Я жарюсь на “ротондовском” пляже, но не радуюсь.

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

На днях я видел Вашего брата*. Он только что приехал из Америки. Поляки заверяют, что Слонимский один из лучших поэтов там. Проверить не могу. Человек он, безусловно, занятный и острый. Я

* Польский поэт Антони Слонимский.

послал Федину еще 2 “кафе”. Вы можете взять их для “Ковша”, если они свободны и подойдут. Или те, что у Полонской. Но одно — шлите скорее деньги. Без них здесь беда <...> Я постараюсь переправить Вам “Рвача”.

Вопросы литературы. 1997, №2. С.247.

18 мая

И.Э. пишет Е.Замятину:

Мне, кажется, удалось устроить перевод на французский двух первых повестей из “Островитян” <...> Напишите немецкому переводчику, чтобы он выслал “Мы”. Ищу способ послать Вам “Рвача”.

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Очень прошу тебя на оставшиеся рубли продлить подписку на “Известия” на 1 или 2 мес. Сие весьма для меня важно <...> Сегодня были письма — слов нет — от польского переводчика, приглашение на выставку, счет за номера (тоже письмо!), но не от тебя.

19 мая

Опубликована статья Е.Досекина “Литературное безвременье”:

И.Эренбург вошел уже в историю вырождения интеллигенции как легкомысленный фельетонист, более лощеный, но менее талантливый, более циничный, но более веселый, чем Л.Андреев, фельетонист, страшно быстро павший от “Хулио Хуренито” до “Бубнового валета”.

Вечерняя красная газета.
Л., 1925, 19 мая ,23 мая.

— И.Э. получает из Берлина письмо В.Лидина о том, что французскую визу он так и не получил, и отвечает ему:

Должен Вам рассказать все как было. Два человека меня гнусно надували. Сначала Ромов. Он клялся, что дело идет на лад, гарантировал успех и т.д. Т.к. связи у него огромные, то я положился на него вслепую, потеряв 2 месяца. Очевидно, советское начальство Ромова сказало ему, что хлопотать особенно не стоит <...> Разуверившись, я ищу других путей и попадаю к одному из секретарей де Монзи. Он адски любезен и обещает устроить в несколько дней. Потом дважды отсрочка <...> Сволочи! Я в неистовстве! Я застав-

лю этих негодяев искупить вину высылкой на моих глазах визы <...> Вишняк (б."Геликон") теперь устраивает франц. издательство. Он хочет (по моему совету и настоянию) издать одной из первых "Морской сквозняк" <...> Разыщите в Риме Муратова. Он покажет Вам занятные вещи. (привет ему!)

29 мая

"Вечерняя красная газета" рецензирует книгу Н.Терещенко "Современный нигилист":

Книгу Терещенко нужно считать своевременной: Эренбург — писатель, ставший особенно популярным в широких читательских кругах, которым следовало помочь разобраться в некоторых особенностях его творчества и сделать некоторые выводы.

31 мая

Журнал "Огонек" (№23) печатает под названием "Конец Ксении Никифоровны" отрывок из романа И.Э. "Рвач".

Май

Ленинградский журнал "Звезда" (№2) публикует рецензию П.Медведева на книгу И.Э. "Бубновый валет и компания":

Эти незамысловатые, без прикрас и авантюрного лукавства рассказы более чем наглядно показывают, какой, в сущности, слабый и небольшой писатель Илья Эренбург.

1 июня

В советское посольство в Париже на имя И.Э. приходит ответ из секретариата Л.Б.Каменева:

Совет Труда и Обороны. Секретариат председателя т.Эренбургу.

По наведенным справкам установлено:

1) Что книги "Жизнь Николая Курбова" и "Любовь Жанны Ней" Главлитом не запрещались. Не разрешены они к печати только в новом издательстве только потому, что были представлены в Главлит от издательства артели писателей "Новая жизнь", в программу которого входит издание произведений лишь членов артели.

Если названные книги примет к изданию издательство, программа которого включает этого вида литературу, то препятствий к печатанию их со стороны Главлита не встретится.

2) “Рвач” в Главлит на просмотр не поступал и поэтому запрещен им не был.

3) Сценарий “Любовь Жанны Ней” запрещен не Главлитом, а Худ.Советом Главполитпросвета.

4) Переизданная в Рязани книга “Акционерное общество Меркюр де Рюсси” конфискована, потому что в нее была включена неразрешенная к печати повесть “Сутки”.

Из указанных справок нельзя усмотреть “общей меры” принимаемой против Вас Главлитом.

Секретарь зав.секретариатом Музыка.

По копии, переписанной И.Э.
(СФ)

— И.Э. пишет В.Лидину в Рим:

Очень радуюсь Вашим итальянским успехам <...> Зайдите к Гатто <...> Я выслал страницы “Рвача” и фотографию на Ваше имя (в Москву). Я получил телеграмму: “Рвач запрещен можно провести условие предисловие Горбачева телеграфируйте согласие”. Далее — я месяца два тому назад послал письмо Каменеву с жалобой на гонения. Сейчас пришел (в представительство) ответ. Я еще не читал его, но знаю содержание — Каменев утверждает, что запрет относится к издательству, а не ко мне. Сегодня письмо получу и тогда пошлю Вам копию. Как быть, если это так? У меня лежит рукопись новой книги (Кафе) давно законченная — я не знаю, куда ее отослать.

2 июня

И.Э. пишет из Парижа в Одессу Л.А.Ротман:

Послезавтра еду в Брюссель читать лекцию по-французски, а это мне очень трудно <...> Читайте стихи Пастернака, не забывайте меня.

СФ

4 июня

Открытие советского павильона на Международной выставке декоративного искусства в Париже:

Летом 1925 г. в Париже открылась Международная выставка декоративного искусства <...> В Париж понаехало много москвичей: Маяковский, Якулов, Мельников, Штеренберг, Родченко, Рабинович, Терновец. Когда я с ними беседовал, мне порой казалось, что я в Москве 1921 г.

Парижане считали советское искусство наиболее передовым.

ЛГЖ. Т.1. С.449.

— И.Э. выезжает в Бельгию по приглашению общества "Дружественного объединения Бельгии и России":

Это общество только что начало свою деятельность, организовав лекции Пьера Дея и Леона Кошницкого об искусстве, литературе и просвещении в Советской России и лекцию русского писателя Эренбурга о поэзии и литературе революционной России.

Успех был чрезвычайно большой и по тем многочисленным вопросам, которые задавались после лекций, можно было видеть, что присутствующие действительно понимали необходимость ознакомления с новой Россией, помимо эмиграции.

Конечно, социалисты сочли нужным на следующий день предоставить столбцы своей газеты этой эмиграции, которая пыталась подорвать доверие к лекции и личности Эренбурга. Напрасный труд! Общество, ободренное первым успехом, уже подготовило для осеннего сезона ряд лекций Есенина, Эренбурга и Маяковского.

Рене Маршан. Ленинградская правда.
1925, 24 июня.

6 июня

Французский литератор Кессель прочитал 6 июня лекцию о новой русской литературе <...> Кессель различает две противоположные тенденции. Некоторые, как Пильняк, Иванов и Леонов, смотрят на восток. В своих сочинениях они замечательно передают повседневную жизнь с ее ужасной реальностью. Другие, как Эренбург и Бабель, смотрят скорее на запад. Кессель познакомил публику с рядом отрывков этих романистов в его собственном переводе.

Парижский вестник.
1925, 10 июня.

9 июня

И.Э. пишет в Рим В.Лидину:

Пишу Вам из Льежа (ездил сюда читать лекции) <...> Послал в Москву на Ваше имя фотографию и страницы "Рвача"

— О.Савич пишет В.Лидину:

Получил письмо от Эренбурга из Льежа. Он читал там лекцию на французском языке с большим моральным, но, кажется, малым материальным успехом.

Копия (СФ)

10 июня

Маяковского обокрали в гостинице "Истрия" (украли бумажник с деньгами).

Катанян В. Маяковский. Литературная хроника. М., 1948. С.226.

Украдены следующие документы на имя Владимира Владимировича Маяковского: карт д'идантида, корреспондентский билет журнала "Огонек" и постоянный билет для входа на Международную Декоративную Выставку. При предъявлении считать недействительными.

Парижский вестник.
1925, 12 июня.

В Париже после кражи И.Г.Эренбург ссудил Маяковскому 50 бельгийских франков (они ценились дороже французских).

Кэмрад С. Маяковский в Америке.
М.: Сов. писатель, 1970. С.268.

10-е числа июня

И.Э. из Льежа на бланке "Hotel de la Roste" пишет в Одессу Л.А. Ротман:

Поезд Гент — Льеж (большой и грузный европейский экспресс Лондон — Вена) <...> Мелькают города, солнечные пятна на полях, часы. Это зовется жизнью <...> Я ездил читать лекции. В Брюсселе по-французски. Сейчас — вагон — Льеж. Чужой номер. Духота. Тоска. Потом снова мельканье.

СФ

17 июня

И.Э. пишет в Рим В.Лидину:

Мои денежные дела отчаянные. Сомневаюсь, чтобы удалось выбраться из Парижа: долги, и денег нет. Не можете ли Вы написать издателю, чтобы он выслал мне телеграфом хотя бы 100 долларов? Далее — кому мне выслать рукопись "Кафе"? Получили ли Вы мое письмо с копией письма секретаря Каменева? Хочу Вам выслать "Рвача". Куда?

23 июня

И.Э. пишет В.Лидину: Адамович ругал Вас в газете "Звено" №15 от 15/6. Если достану, пришлю. С Вишняком — затяжка. Но "Морской сквозняк" будет обязательно устроен на французский. Весь вопрос в сроке выплаты денег. Кто переводит на итальянский "Трубки"? Сообщите обязательно.

27 июня

Довид Кнут дарит И.Э. книгу стихов "Моих тысячелетий" с надписью: "Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением. Дов.Кнут Париж. 27 июня 925".

Собрание И.И.Эренбург

28 июня

И.Э. пишет Е.Замятину:

Я надеюсь, что в течение ближайшего времени мне удастся устроить Ваши вещи на французском языке.<...> Я послал Вам с оказией только что вышедшего "Рвача" и с волнением жду Вашей оценки. Очень прошу Вас написать мне "сурово и наставительно", что о нем думаете.

28, 29 и 30 июня

В "Новой вечерней газете" публикуется рассказ "Кондитерская Соротти" из книги И.Э. "Условные страдания завсегдатая кафе".

30 июня

Газета "Парижский вестник" сообщает, что 1 июля в 4 ч. дня состоится открытие выставки русских художников, организованной союзом "Кларте", на улице Жака Калло, 16. На выставке представлены работы Л.М.Козинцевой-Эренбург наряду с Анненковым, Бартом, Экстер, Фотинским, Глущенко, Яковлевым, Минчиным, Певзнером, Терешковичем, Якуловым.

По подбору имен можно уже заранее предрешить успех этой выставки. <...> Абстрактный или чистый конструктивизм будет представлен такими прекрасными художниками, как Г.Якулов, Александра Экстер и Юрий Анненков, композиционная живопись Виктором Бартом, беспредметность и разновидность русского кубизма Минчиным, а "чистовики" одним из лучших молодых художников Константином Терешковичем и Л.Козинцевой.

Июнь

И.Э. встречается с Ю.Тувимом и знакомится с Я.Ивашкевичем:

Именно Тувим представил меня Эренбургу. Это произошло на фоне массы цветочных лотков, которые раскидываются обычно возле костела святой Магдалины в Париже. Мы шли утром в кафе, а может быть, в редакцию "Nouvelles Litteraires". Начинался великолепный июньский день. Вдруг Тувим сказал мне: "Смотри, идет Илья Эренбург". Наши воспоминания сбивчивы: я до сих пор вижу Эренбурга перед костелом Магдалины, как он приближается к нам, а на голове у него шляпа-канотье, модное тогда с легкой руки Мориса Шевалье. Когда я рассказал как-то об этом Эренбургу, он сказал мне, что никогда в жизни у него не было такой шляпы. В конце концов, важно то, что мы тогда познакомились.

Ивашкевич Я. Воспоминания об Эренбурге.
Вопросы литературы., 1984. №1. с.197–198.

— В парижской типографии de Navarre печатается роман И.Э. "Рвач'.

— "Новый мир" (№6) публикует рецензию Машбиц-Верова на книгу И.Э. "Бубновый валет и компания".

Июнь-июль

И.Э. встречается с С.С.Прокофьевым:

Дягилев предложил Сергею Сергеевичу написать балет на советскую тематику. Идея захватила его, и он скоро приступил к работе. Он очень надеялся, что этот балет будет поставлен в Советском Союзе. Мы поселились вблизи леса Фонтенбло, так как необходимо было жить недалеко от Парижа <...> В то время в Париже находился Илья Григорьевич Эренбург, с которым мы часто встречались. Сергей Сергеевич находил его очень интересным собеседником и хотел привлечь к участию в работе над “Стальным скоком”, но, к сожалению, эта идея не осуществилась.

Прокофьева Лина. Из воспоминаний. В кн.: Сергей Прокофьев. Статьи и материалы. М.: Музыка., 1965. С.190.

Начало июля

“Звезда”(№3) публикует статью Н.Терещенко “Философия эротизма и диалектика живого опыта” о романах И.Э. “Любовь Жанны Ней” и К.Федина “Города и годы”.

1 июля

И.Э. получает письмо от Е.Полонской и отвечает ей:

Вчера я послал тебе экземпляр “Рвача” с диппочтой. Думаю, учитывая жару и лень передаточных инстанций, что к концу месяца ты книгу получишь и с неподдельным сердцебиением жду твоего халдейского суда.

Дела мои прескверны и так как “бытие определяет сознание”, мое бедное сознание живет в долг. Это нехорошо для человека. Это вовсе плохо для сознания. Не сердись поэтому на лаконизм и тупость послания. Пойми — я дошел до того, что послал в “Огонек” статью с фотографиями выставки. Жду, что не примут, и даже “Огонек” найдет мой стиль подозрительным. Зачем Эренбург в литературе сейфулистой, в зале фонографов, ловко передающих акцент шестидесяти губерний? <...> Мой опекун (по части издательства) Лидин в Италии. Из России — ни копейки. Я явно погибаю <...> Далее, я послал Федину (давно уже) тоже несколько рассказов, как будто для

"Ковша". Он обещал продать их, деньги выслать, и замолк.<...> Выручай!

— И.Э. высылает в Берлин В.Лидину рукопись книги "Условные страдания завсегдатая кафе", два экземпляра "Рвача", три номера журнала "Clarte" и пишет ему в письме:

Послал Вам экземпляр "Рвача" для Вас, и еще один с просьбой передать его Соболю. Мне очень обидно, что Вы возвращаетесь в Россию и мы с Вами так и не повидались. Клянусь "Ротондой" и всеми кафэ мира, что если Вы вновь выберетесь за границу, я умру, но добуду для Вас французскую визу! <...> Прочитав "Рвача" и "Кафэ", напишите мне, что о них думаете.

— В газете "Парижский вестник" опубликован рассказ И.Э. "Веселый финиш"

6 июля

Е.Г.Полонская пишет из Луги в Ленинград своему брату А.Г.-Мовшенсону:

Я написала письмо Беккеру* — Эренбург впал в бедность и просит денег. Подогрей его ради русской литературы.

Собрание М.Л.Полонского (СПб)

9 июля

Парижская газета "Последние новости" сообщает:

Роман И.Эренбурга "Рвач", запрещенный в России советской цензурой, на днях выходит в Париже.

11 июля

Л.Авербах выступает на общем собрании фракции РКП(б) правления Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей и коллектива Московской Ассоциации:

С какой стати, к примеру, того же М.Булгакова или Эренбурга относить к попутчикам? Для этого нет никаких оснований. Когда Прокопович пишет книжку о советском хозяйстве, несмотря на то,

---

* Работник питерских издательств.

что у него есть и отдельные верные наблюдения и пр., его книжка не перестает быть неверной, враждебной, опасной: зерно верного, объективного теряется в контрреволюционной шелухе. Если Эренбург познает жизнь образно, а не силлогически, то аналогия целиком сохраняет свою правильность.

Авербах Л. За пролетарскую литературу.
Л.: Прибой., 1925. С.53.

12 июля

И.Э. пишет Е.Полонской:

Тебе, Тихонову и Федину посланы 3 экз. “Рвача”. Но их нужно получить в Москве в Наркоминделе у секретаря коллегии К.И.Д. Канторовича с моей запиской — прилагаю. <...> После “Кафе” ничего не пишу. Но по-гимназически увлекаюсь фотографией. Посылаю тебе ночную фотографию “Ротонды”

13 июля

И.Э. пишет Н.Тихонову:

Я послал 3 экземпляра “Рвача” — Вам, Полонской и Федину. <...> Мне очень существенно знать, как Вы найдете “Рвача”, поэтому прочитав книгу, не забудьте написать мне.

17 июля

И.Э. пишет В.Лидину в Москву:

Разумеется, “Рвач” был послан Вам с самой наидружеской надписью. Очень обидно мне, что он пропал, тем паче потому, что теперь переслать его Вам много сложнее. Буду ждать оказии <...> Мы — в Париже. 30 градусов Цельсия. <...> Ждем денег, чтобы уехать куда-нибудь.

18 июля

Рижская газета “Сегодня” публикует рецензию на книгу И.Э. “Бубновый валет и компания”.

26 июля

И.Э. пишет В.Лидину:

Час получения Вашего письма может быть описан лишь автором трагическим, наклонным к гиперболам и лишенным чувства юмора. Судя по письму секретаря Каменева кары направлены не против меня, не против книги, но против издательства. Я предпочитаю получать меньше и быть изданным, чем вот такая канитель. Поэтому, если можно, заберите "Рвача" и дайте его другому издательству, которому будет легче и провести книгу и получить нужное предисловие, хотя бы "Основе" или "З.иФ."

Июль

Журнал "Огонек" (№30) публикует статью И.Э. "Всемирная выставка".

1 августа

И.Э. получает денежный перевод от В.Лидина и пишет ему открытку.

Начало августа

И.Э. уезжает на Средиземное море в городок Le Lavandou и останавливается в отеле "Монте Карло". Перед отъездом получает письмо от В.Лидина.

8 августа

И.Э. пишет В.Лидину из деревушки Lavandon:

Завтра вышлю Вам доверенность на немецкий перевод и напишу обстоятельней. "Трубки", к сожалению, куплены уже немецким издательством. Также из книги "Кафе" следующие рассказы: 1) Московский, 2) Ротонда, 3)Соротти, 4) Пти-теремок, 5) Свидание друзей. Остальные свободны. Выберите на Ваш вкус. Денег ни из "Красной нови", ни из "30 дней" не получил. Очень прошу Вас проверить, посланы ли. Если нет, заставьте выслать. Еще просьба — заставить выслать мне несколько (хотя бы 5) экз. нового издания "Жанны" и 2–3 экз. "Трубок" в изд. "Огонька".

11 августа

И.Э. пишет В.Лидину подробное деловое письмо о переводах его книг на Западе и об издании своих в Москве:

Здесь жара, как на пивном заводе, когда гонят ячмень. Я распарен и замучен. Поэтому, минуя красоты местной природы (воистину буржуазной вплоть до пальм, перекочевавших из ресторана и пахнущих фаршированными омарами), так же красоты моего деклассированного жилья зря ковыляющего попутчика, перехожу сразу к делам.

12 августа

И.Э. информирует В.Лидина о получении денег из “Красной нови” и издательских делах:

Вы писали мне о статье в “Новом мире” обо мне. Пришлите! Книга обо мне (Терещенко) у меня имеется.

13 августа

И.Э. сообщает В.Лидину:

Я получил письмо от “30 дней”. С рассказом вышла путаница. Дайте им, пожалуйста, второй рассказ, если они не хотят печатать “Ротонду”. Тогда же возьмите у них фотографии Rotonde’ы и пр. кафэ Монпарнаса ночью и, если это мыслимо, пристройте “Ротонду” в каком-нибудь иллюстрированном журнале с этими фотографиями <...> Не забудьте, пожалуйста, выяснить вопрос о Членове (предисловие к “Рвачу”). Я тогда смогу запросить его, пока он в Париже.

15 августа

И.Э. отвечает В.Лидину на полученное накануне письмо:

Я писал Вам уже несколько раз о всех моих делах <...> Думаю, что “Рвача” можно было бы провести с солидным предисловием (хотя бы Членова). Но для этого нужно другое, т.е. не частное издательство <...> Дела мои денежные весьма плохи и что сделают с русским писателем пылкие туземцы Лаванду, мне неведомо <...> Очень жду Ваш “Норд”.

Середина августа

И.Э. в Lavandou начинает писать новый роман “Отчаяние Ильи Эренбурга” (“Лето 1925 г.”).

20 августа

В.Г.Лидин высылает И.Э. книгу “Норд” с дарственной надписью: “Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с лучшим дружеством. Вл.Лидин 20 VIII 25 Москва”.

Собрание И.И.Эренбург

21 августа

О.Савич пишет В.Лидину:

Приехав из Friedrichrod’ы в Берлин, я застал здесь “Рвача”, присланного Эренбургом для Вас. Когда шурин* поедет в Москву, он возьмет “Рвача” и “Лит.Россию”.

Копия (СФ)

25 августа

Рижская газета “Сегодня” публикует статью Н.Тасина “Литературный кокаин (О романах Ильи Эренбурга)”:

Отличительной чертой Эренбурга является его пристрастие к грязи. Это у него болезнь, роль недуга. Он ухитряется нагромождать навозные кучи в самых райских уголках и с каким-то сладострастием тычет в них читателей носом <...> Разумеется, особенно усердно нагромождает он грязь в Европе, за пределами Советской России. Все европейское в его изображении оказывается — не в пример нынешней России — насквозь прогнившим и смрадным <...>

Романы Эренбурга — своего рода литературный кокаин, и спрос на них поэтому обеспечен. По крайней мере, до тех пор, пока схлынет муть, поднятая со дна человеческого океана всякими злыми ветрами.

* С.Я.Мазе — филолог, брат А.Я.Савич.

28 августа

И.Э. пишет В.Лидину:

Сегодня получил Вашу открытку, пришел в отчаяние и послал телеграмму. Дело дрянь — сидим вовсе без денег <...> Что с "Рвачем"? с "Кафе"? Меня может вывести теперь только большая сумма /.../ Я среди всех забот и комаров сел за работу — начал новый роман в стиле автобиографии.

30 августа

И.Э. пишет из Lavandou в Одессу Л.А.Ротман:

Зимой я обязательно приеду <...> Я начал новый роман, по форме автобиографический, босяцкий и мрачный.* Море здесь синее и нарочитое. Когда глядишь на него — ресторанная нега охватывает душу. Статьи обо мне, которые попадутся Вам, пришлите, пожалуйста. Дошел ли до Вас "Рвач"?

СФ

2 сентября

И.Э. пишет В.Лидину:

Два Ваших письма получил <...> Мои дела на редкость плохи. Дело в том, что мы приехали сюда призаняв и без наличных, надеясь получить из России. Прошло уж 4 недели. Счет дошел до 1500 и мы живем лишь благодаря тому, что хозяйка, видимо, человек, любящий риск <...> Я прочел "Норд" с большой радостью за Вас.

6 сентября

И.Э. пишет В.Лидину из Lavandou:

Здесь глушь, скалы и скаредная хозяйка.

9 сентября

И.Э. пишет Е.Полонской:

Боюсь, что "Рвач" не пройдет у вас. Как тебе кажется? Покажи твой экземпляр литературной публике и напиши мне

---

* "Лето 1925 года".

нелицеприятное суждение ее. Я очень изолирован и это не всегда приятно. Вполне кстати, у меня — ностальгия. Возможно, что зимой я поеду в Россию. Находясь сейчас в провансальской Луге, я поручений твоих выполнить не могу. Но через две недели я возвращаюсь в Париж <...> Я начал роман (еще один) "автобиографический" (или псевдо): Париж, босячество, скука и т.д. Некто гр.Терещенко (кажется ваш, ленинградский) заработает. Я вряд ли <...> Я впал в "черную бедность". Живу скандинавскими переводами и аскетической фантазией. Остальное — консьержку, счета прачек и пр. — будь поэтом — добавь сама <...> Что делает великая русская литература? " (нрзб.)" мне никак не понравился. Леонов тоже. Я хочу Гоголя и еще хороших репортеров <...> Пиши теперь в Париж на старый адрес — 64, avenue du Maine.

После 9 сентября

И.Э. повреждает глаз:

Со мной стряслась беда<...> Резвясь на пустынном острове Левант, я пронзил шипом глаз. Болел очень сильно и мучительно — каждую неделю ранку скребли, находя в ней новые сучки.

И.Э. — Е.Полонской. 5 октября 1925.

14 сентября

И.Э. диктует своей дочери Ирине письмо В.Лидину:

Дела мои весьма печальны <...> Работу пришлось из-за глаза прервать не знаю, насколько. Лежу в темной комнате и мечтаю, кто заплатит хозяйке по счету <...> Заставьте издателя выслать, наконец, авторские экземпляры "Жанны".

18 сентября

Московский журнал "Красная нива" (№38) публикует рассказ И.Э. "Кафе Олимпия".

— В "Известиях" опубликована статья Леопольда Авербаха "Живой труп":

Некоторая реставрация буржуазной идеологии совершенно неизбежна, появятся и новые буржуазные писатели. Но пока эволю-

ция Эренбурга, скатившегося в своей последней книжке "Меркюр де Рюсси" к откровенному ликвидаторству и вполне айхенвальдовским завываниям, такая эволюция единична.

20 сентября

Д.А.Лутохин пишет М.Горькому:

Сегодня всю ночь не спал. Читал "Рвача" Эренбурга, а недавно ознакомился впервые с его романом о Николае Курбове. Писатель, которого я недостаточно ценил. Он не только даровит очень, но и работает над собой. Освобождается от цинизма, манерности, склонности к парадоксам. Дает больше, чем обещал, тогда как иные снижают.

Архив Горького. T.XIV. M.: Наука., 1976. C.399.

21 сентября

И.Э. из Lavandou обращается к В.П.Полонскому, направляющемуся в Париж:

Якобсон пишет, что Вы спрашивали у него мой адрес. Сообщаю Вам таковой. Рад буду увидеться с Вами.

РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.Хр.379. Л.4.

— И.Э. диктует жене письмо В.Лидину:

Письмо Ваше получил и мой единственный глаз готов закрыться от отчаяния. Скажите: кэ фэр?* Фэр то кэ? <...> Каковы виды на "Рвача" и как относятся к этой книге соответствующие круги? <...> Глаз мой бездействует и начало романа пылится на столе.

Л.М.Козинцева-Эренбург в конце этого письма делает приписку:

<...> На днях мы переезжаем. Наш адрес 64, Av. du Maine, Paris,14.

26 сентября

М.Горький пишет Д.А.Лутохину:

С Вашей оценкой литературы Эренбурга — не согласен. Он —

---

* Что делать? (от франц. que faire).

циник, нигилист и никогда ничего серьезного не писал и никогда не напишет. Во “Рваче” материала на сорок страниц, остальное - болтовня.

Архив Горького.Т. XIV. М.: Наука., 1976. С.399.

20-е числа сентября

И.Г. и Л.М.Эренбурги возвращаются в Париж. И.Э. встречается с Т.И.Сорокиным.

27 сентября

Парижская газета “Дни” публикует статью Вл.Ходасевича “Вместо рецензии”:

Только что вышел новый роман И.Эренбурга “Рвач”. Герой, Михаил Лыков, сын “человека из ресторана”, — показан с раннего детства. На страницах 22–24 описана сцена, долженствующая изобразить те гнусные оскорбления, которым подвергался его отец. Дело происходит в отдельном кабинете ресторана. Некий полтавский сахарозаводчик кутит с приятелями, издевается над стариком-официантом, заставляет привести в ресторан ребенка и оскорбляет не только отца, а и память матери, умершей восемь лет тому назад.<...> Сцена издевательства написана с такими омерзительными подробностями, которые повторять мы не станем. Мы остановились на ней для того, чтобы сказать несколько слов об одной детали. Дело в том, что, изобразив своего сахарозаводчика, действительно — хама и действительно — подлеца, писатель И.Эренбург не постыдился дать ему фамилию Гумилев <...> Надо сказать, что у Эренбурга фамилия хама только при первом упоминании напечатана: Гумилев. Далее, на двух страницах, идет Гумилов. Но разница между “Гумилев” и “Гумилов” так ничтожна, что если здесь и “опечатка”, то, конечно, вполне намеренная и даже остроумная: ее цель — отчетливей подчеркнуть сходство (а в сущности — почти тождество) фамилий и тем вернее заслужить автору высочайшую улыбку убийц.

29 сентября

И.Э. пишет ответ на статью В.Ходасевича:

В газете “Дни” напечатана статья “Вместо рецензии”. Отвечая

обычно молчанием, я считаю необходимым теперь высказаться, так как указанная статья подписана русским поэтом Владиславом Ходасевичем. Прочитав — очевидно, весьма старательно — мой роман “Рвач”, Ходасевич нашел в нем опечатку: на странице такой-то один из третьестепенных героев романа, сахарозаводчик Гумилов набран “Гумилев”. В.Ходасевич заявляет, что эта опечатка “намеренная” и сделана она для оскорбления памяти поэта Гумилева.

Я не знаю, бывают ли намеренные опечатки, но намеренная неправда — прием достаточно распространенный. Обидно только узнать, что к нему прибегает подлинный поэт. Вздорность обвинения, разумеется, ясна и самому Ходасевичу. В берлинском журнале “Русская книга”, в котором, насколько мне помнится, сотрудничал и В.Ходасевич, была помещена моя статья, где, восставая против травли советских писателей эмигрантской прессой, я в то же время ясно и без обиняков высказывал мое отношение к трагической гибели Н.С.Гумилева. Думается, что заподозрить человека в столь глупой и трусливой подлости, какой явилось бы оскорбление памяти покойного поэта путем опечатки, может только человек, чуждый благородству и чести.

Парижский вестник. 1925, 2 октября.

Сентябрь

Вышел №9 журнала “30 дней”. В нем опубликован рассказ И.Э. “Кафе ля Бурс” и очерк А.Ветрова “Париж днем и ночью”, сопровожденный 9 фотографиями, выполненными И.Э.:

В одной из концертных зал Монпарнаса — модный бал художников. Он длится всю ночь. Всю ночь продолжаются танцы в душной, переполненной полуподвальной зале. Много знакомых фигур живущих в Париже или временно “гастролирующих” русских художников: — здесь и Ларионов, давно осевший во Франции и ныне стоящий во главе “Союза русских художников”, травимого эмигрантской прессой за “советскую ориентацию”, Марк Шагал, переехавший в Париж после своих германских триумфов, Илья Эренбург, слегка сутулый и слегка иронический, Зданевич — поэт футурист “заумного” толка, офранцузившиеся скульпторы Липшиц и Мещанинов — и еще много других.

Я каждый день шел на Монпарнас в “Ротонду” или в “Дом”; видно такова была сила привычки. Иногда я встречался со старыми друзьями: с Леже, Шанталь, Цадкиным, Сандраром, Липшицем, Пер Крогом, Федером, Фотинским. Конечно, мы говорили об искусстве, о русской революции, о Пикассо, о международной выставке, о Чаплине; но все это никак не напоминало довоенную “Ротонду”. Мы были далеко не стариками (самому старшему из нас — Леже — тогда исполнилось сорок четыре года), но прежний задор исчез. Мы напоминали солдат, уволенных в запас и донашивающих вылинявшие гимнастерки.

ЛГЖ. Т.1. С.447.

Сентябрь-октябрь

В Ленгизе вышла составленная И.Оксеновым под редакцией В.Лебедева-Полянского антология “Современная русская критика (образцы и характеристики)”. В книге — эссе И.Э. “В.В.Маяковский”, а также критические статьи об И.Э. Ю.Тынянова, М.Шагинян, А.Горнфельда и Б.Волина:

Распределение материала и выбор отрывков, в общем, удовлетворителен, хотя, например, формалистов можно было бы представить более удачно. Жаль так же, что в книгу не вошли последние статьи тов.Бухарина, напечатанные в “Красной нови”. Недостаточно характерен и отрывок из Горнфельда, для которого нужно было бы взять одну из его теоретических статей, а не фельетон об Эренбурге.

Харьков. Коммунист. 1925, 13 октября.

1 октября

И.Э. печатает на машинке письмо В.Лидину:

Весьма мелодраматически я перекочевал в Париж. Долги, разумеется, при этом возросли. Добрые люди проводят бессонные ночи. А моя полуслепота придает всему диккенсовский характер. Впрочем, на-днях приедет в Москву Тихон Иванович — он Вам все изобразит.

Глаз мой заживает туго и нехотя. Недавно вновь в микроскоп нашли остатки злополучного шипа и глаз скребли. Пока что я не

работоспособен, валяюсь дома и еле-еле стучу Вам это послание. <...> Посылаю Вам статью Ходасевича, напечатанную в газете “Дни” и мой ответ в “Парижском вестнике”. Если это мыслимо, огласите сие.

5 октября

И.Э. пишет Е.Полонской:

Сегодня первый день, как взял стило в руки — после месячного перерыва.<...> Теперь все заживает. Но вижу я еще плохо. Исхудал вовсе, ослабел и в дымчатых очках пугаю даже монпарнасцев. Вот тебе история моих каникул.

Начатый роман пришлось отложить на время. Не знаю, что страшнее — безделье или безденежье. Очень огорчительно, что “Рвач” тебе не понравился. Если эта книга и впрямь плохая, то значит я долго ничего путного написать не смогу, ибо я ее неудачи не чувствую. Мне она кажется весьма романтической, например, но романтизм этот новый, механический, то есть заводной <...> Здесь Ходасевич написал неслыханную пакость<...>

Я очень хотел бы съездить в Россию, но не знаю, удастся ли из-за денег. Я весь в долгах и без перспектив. Живу премерзко.

СФ

10 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

Положение мое беспросветное — никто в долг больше не дает <...> Что с “Рвачом”? Что с “Кафэ”? <...> Вчера я беседовал с Членовым. Если его предисловие может спасти “Рвача”, он согласен таковое написать. Но для какого издательства? Заставьте издателя “Новеллы” выслать мне экземпляры “Жанны” и “Трубок” — мне это необходимо для того, чтобы устроить переводы.

13 октября

Журнал “Жизнь искусства” (№41) пишет в “Обзоре печати”:

Влад.Ходасевич раз навсегда стал непременным черносотенцем и глашатаем самодержавия. Сей муж в одном из последних номеров газеты “Дни” беззубо злорадствует по адресу известного писа-

теля Эренбурга по поводу его новой книги “Рвач”. В чем дело? Оказывается, Эренбург одному из героев своего нового романа, сахарозаводчику, дал фамилию Гумилев. Сахарозаводчик Гумилев подлец, хам, белогвардеец, спекулянт, гнуснейшая личность — все это не по душе монархисту Ходасевичу. Ведь Гумилев тоже был белогвардейцем! Бедный Эренбург! Что будет с вами, если в одном из своих новых романов, одному из героев, такому же подлецу, контрреволюционеру и проходимцу, по типу сахарозаводчика Гумилева, дадите фамилию В.Ходасевич? Очевидно, поэт Ходасевич решил никогда не вступать на территорию СССР. Тем и лучше. В нашей стране нет места подобным шарлатанам и негодяям.

15 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

Я быстро и верно гибну. Неужели не удалось Вам до сих пор продать “Кафе”? “Рвач”?

17 октября

И.Э. пишет В.П.Полонскому:

К сожалению, не удалось с Вами повидаться — как раз когда были Вы в Париже, я был на юге Франции. Повторяю вновь Вам предложение, которое сделал весной — писать в “Печать и революцию” о французской литературе. Напишите: 1)нужно ли Вам это, 2) размер, 3) как часто могут печатать, 4) какой гонорар? Привет.

Получили ли Вы “Рвача”? — я Вам его выслал. Пожалуйста, присылайте мне “Печать и революцию”.

РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.379. Л.6.

20 октября

Журнал “Рабочий и театр” (№42) сообщает, что художественный совет Театра актера заказал пьесу “Любовь Жанны Ней” по роману И.Э.

22 октября

В редакцию газеты “Последние новости” (Париж) поступила для отзыва книга И.Э. “Рвач”. Издат. Ладыжникова, 1925.

23 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

Скверно живется нам, русским писателям, быстро нас жалуют, быстро разжалуют, ругают нас разные идеологии, а харча не дают. Причем, Вы в Москве — рядом с Вами редакции и издательства, здесь все же можно получить в отчаяньи аванс. А здесь ... Вы не отвечаете мне, есть ли надежда провести "Рвача" в строгосоветском издательстве с предисловием Членова? <...> О "Кафе". Неужели их некому издать? Ведь издают же у нас "трудную" прозу Пастернака или Мандельштама. Все-таки мое имя, думаю, обеспечивает 5 тыс. тиража <...> Что касается Ленинграда, то я пишу об этом сегодня Федину, но ведь рукопись у Вас <...> Глаз мой внешне поправился, но вижу я им слабее прежнего и работаю с трудом. Серьезно подумываю о поездке в Москву примерно к февралю на всю весну и все лето.

25 октября

И.Э. пишет Е.Полонской:

Письмо сие будет лаконичным и строго деловым, ибо я голоден, зол, преследуем кредиторами как Наполеон в молодости и Бодлер в старости <...> Мной написана, как тебе известно, маловнятная книга "Условные страдания завсегдатая кафе" (мне она внятна и даже приятна). 11 рассказов. 7 печатных листов. Часть рассказов у тебя и у Федина. Рукопись в готовом для печати виде находится в Москве у В.Г.Лидина (М.Никитская 8, кв.6) и может быть тобой востребована в любой момент. Нужен издатель <...> Книга абсолютно цензурна. Вещи все новые, этого года и за исключением 2-х рассказов, нигде не появлялась. О том же я просил Федина. Координируй — с ним. Если удастся, деньги надо телеграфом! Разузнай, нет ли возможности провести "Рвача", хотя бы с купюрами и предисловием. Дать последнее согласился защитник Членов (знание уголовщины). Он теперь здесь.

Может быть издатель хочет купить "на корню" новый роман, который я пишу "Отчаяние Ильи Эренбурга"? Цензурно невинен. 8–10 листов. Внятен всем. Закончу в начале декабря.

27 октября

О.Савич пишет В.Лидину:

Вышел №1 "Russische Rundschau". Горький, Вы ("Инга"), Эренбург, Соболь, Бабель, Леонов. Вы прекрасно переведены. Журнал чистенький, но тощий.

Копия (СФ)

— Журнал "Русише рундшау" выходит под редакцией Эриха Беме и Семена Либермана. Журнал ставит своей задачей показать жизнь СССР в отображении художественной литературы <...> Журнал выходит в издательстве Ладыжникова.

Вечерняя Москва. 1926, 29 июня.

Октябрь

Выходящий в Праге журнал "Воля России" №9–10 печатает статью "Что читает эмиграция ?":

В Праге в течение трех лет функционирует Русская Народная Библиотека — Читальня "Земгора", обслуживающая русскую учащуюся молодежь и русское беженство. Посетителей библиотеки в 1924 г. было 53615 чел., а выдано было 61263 книги <...> Эренбург — в библиотеке 28 книг, выдавались 867 раз, средний оборот отдельной книги – 31.

— В издательстве "Новелла" вышел роман И.Э. "Любовь Жанны Ней"

1 ноября

Парижская газета "Дни" сообщает о выходе в Москве антологии русской поэзии, составленной И.С.Ежовым и Е.И.Шамуриным. В антологию вошли 9 стихотворений И.Э. из его книг "Кануны", "Огонь" и "Опустошающая любовь".

4 ноября

И.Э. посылает В.Лидину почтовую открытку:

Томлюсь в неведении! От Тихона Ивановича получил письмо о том, что "Рвач" взят Госиздатом для просмотра. От Вас же давно никаких вестей. Что с "Кафе"? Дела мои, разумеется, все ухудшаются.

После 6 ноября

Вернувшись из Америки, Маяковский рассказывал, что машинам там хорошо, а человеку плохо. Я спросил его, не усомнился ли он в программе Лефа. Он ответил: “Нет. Но многое нужно пересмотреть. В частности, подход к технике”.

ЛГЖ. Т.1. С.450.

10 ноября

И.Э. пишет Е.Полонской:

В дополнение и в изменение сообщаю: 1) Гонорар от “Прибоя” получил — так что эта просьба отпадает. 2) Какой-то театр “Дом Актера” якобы ставит “Любовь Жанны Ней”. Так ли это?

— И.Э. пишет В.Лидину:

Мои дела — ни с места. Вот разве что надежда на Госиздат — Тихон Иванович пишет — м.б. там возьмут вскоре “Рвача” и “Кафэ” <...> Мне необходимы экземпляры “Жанны” (для переводов). Нельзя ли устроить чего— либо в библиотеке “Прожектора”? Здесь сейчас Зозуля с Ефимовым покупают пестрые галстуки и едят бутерброды <...>

15 ноября

В парижской газете “Дни” Вл.Ходасевич откликается на реплику журнала “Жизнь искусства”:

Недавно исполнилось шесть лет с того дня, как тот же И.Эренбург приехал в Москву с “белого” юга. Но за эти шесть лет он пробыл в России в общей сложности едва ли более шести мес. Так вот бы кому поехать, наконец, в СССР — да не на побывку, а раз навсегда. Что об этом думает “Жизнь искусства”? Ибо самое компрометарное для большевистского рая — то, что его обожатели ни за что не хотят там жить.

16 ноября

И.Э. получает письмо от Е.Замятина и отвечает ему:

У “Геликона” дела как-то все не налаживаются. Запросите его сами (Абрам Григ.) Я же веду разговоры (касательно “Мы”) с

другим французским издательством. Думаю, что в течение ближайшего времени все выяснится. Сообщите мне также, переводят ли Вас на шведский и чешский? Если нет, я надеюсь легко устроить это <...> Жаль, что не могу увидеть Ваших “Звонарей”. Очень мне обидно, что Юргис Казимирович* Вам не переслал “Рвача” (Ваш экземпляр до него дошел). Мне очень важно услышать Ваше о нем суждение. Ведь я литературно чрезвычайно одинок и, говоря откровенно, растерян. Мало кому приходится верить и в похвалах и в хулах. Сейчас я заканчиваю новый роман “Отчаянье Ильи Эренбурга”. Это вновь поворот. “Рвач” все же по преимуществу социален и психологичен. В нем, несмотря на облик героя (м.б. Жюльен из “Rouge et noir” Стендаля) “взаправда”. В новом — я сказал бы — разнузданность романтизма. (Это фантастическая автобиография) <...> Скажите, дорогой Евгений Иванович, откуда у людей столь твердое желание сделать нашу писательскую жизнь несносной <...> Здесь меня травят во всю. Тот же Ходасевич. Оказывается, “Рвач” — апология.

19 ноября

Опубликована статья В.Шершеневича “Те, кого читают, и те, кого почитают”:

Изо всех русских авторов пользовался успехом только один <...> Это был писатель, обманувший публику. Публике показалось, что он живет за границей, а потому он ближе иностранцам, а не нашим отечественным. Этот автор был Илья Эренбург <...> И зачем только Эренбург приехал в СССР? Тут он научился писать по-русски, а читатель увидел, что Эренбург — русский <...> Успех Эренбурга на лекциях явственно подтверждает мою основную мысль. Пока Эренбурга читали, о нем не говорили. Как только появились афиши “Илья Эренбург” — его перестали читать.

Харьков. Коммунист.
1925, 19 ноября.

---

* Балтрушайтис.

20 ноября

Вера Инбер посылает И.Э. книгу стихов “Цель и путь” с надписью: “Илье Григорьевичу Эренбургу, человеку с английской трубкой и русским беспокойством в душе от Веры Инбер”.

Собрание И.И.Эренбург

27 ноября

И.Э. пишет Е.Полонской:

Ионов меня ненавидит и с ним беседовать нечего. Лившицу, хоть и жулик он, я написал, получил телеграмму “согласен подробности письмом”. Прошло 3 недели. Как ты сама понимаешь, письма я не получил. Если так трудно получить письмо, что будет с червонцами?! <...> “Рвача” все не пропускают и “Кафе” ищут издателя. Недавно я закончил новый роман — “Лето 1925 года” (Ну, и залежи шедевров!). Мне он нравится. Это ультра— романтизм. Эпиграф же из Лермонтова: “летают сны-мучители над грешными людьми и ангелы-хранители беседуют с детьми”. Пройдет ли? Кроме того, закончил “программную” статью “Романтизм наших дней”. Пройдет ли?

Я тоже люблю Бабеля и я тоже боюсь Сейфуллину. Побывав в Америке, Маяковский наивно вопит: “Намордник на технику”. Но где она, эта техника? На кого он наденет намордник, на Асеева или на управляющего Моссельпромом? Я бы оставил намордники для Орешиных и для коров. У нас машин мало, а скота крупного и мелкого сколько угодно! Пройдет ли?!?

Я не читал ни “Зверинца”, ни Каверина. Сюда ничего не доходит. Пусть Шагинян не унывает, обо мне пишут: “навоз”, “дрянцо”, “подлец”, “лакей”, “Вербицкая” “больной венерическими болезнями” (сразу несколькими) и т.д.

СФ

— И.Э. пишет В.Лидину:

О “Жанне”. Мне необходимы авторские экземпляры. Из-за отсутствия их я уже прозевал одно немецкое издание, сейчас, очевидно, прозеваю другое <...> Я закончил новый роман (8 листов). Заглавие “Лето 1925 года” <...> Да, если б Вы знали, как

было нам обидно (уж не говоря о другом) увидеть в “Rotonde” вместо Вас ... Зозулю!

1 декабря

Газета “Парижский вестник” публикует статью И.Э. “Романтизм наших дней”.

Открылась выставка графики русских художников в помещении “Кларте” (международного объединения деятелей европейской культуры антивоенной направленности, созданного А.Барбюсом). На выставке экспонировались работы Л.М.Козинцевой-Эренбург наряду с вещами Анненкова, Барта, Экстер, Грановского, Фотинского, Инденбаума, Минчина, Пуни, Терешковича.

Каталог выставки.
Собрание В.Г.Козинцевой (СПб).

2 декабря

“Парижский вестник” помещает письмо в редакцию И.Э.:

Моя статья “Романтизм наших дней” изобилует рядом опечаток на радость иным критикам, которые резонно полагают, что обличать опечатки куда легче, чем опровергать мысли <...> Хорошо бы рассеянного корректора сделать “раскаянным”. Не то, сколько материала для всяческих “Власов” из далеко не романтических “Дней”.

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Посылаю тебе статью, помещенную в “Парижском вестнике”. Будет весьма приятно, ежели ты сможешь ее куда-либо запродать, выслав мне вместе с романтическими приветами соответствующее количество долларов. Я исправил опечатки — воистину гомерические: Влас вместо Пегаса, пролетаризм Андрея Белого и белый Мандельштам.

5 декабря

Московский журнал “Эхо” (№21) публикует фотографию И.Эренбурга и русских художников за столиком в кафе “Ротонда”:

В знаменитой “Ротонде”, где по традиции еще внизу художники и литераторы проводят часы в словопрении на старые темы, наверху, обливаясь обильным потом, фокстротируют парижане. Из зна-

комых нам лиц, за чашкой кофе встретишь здесь часто Илью Эренбурга, с одной из "тринадцати" трубок во рту, и художников: Ларионова и молодого талантливого Терешковича.

9 декабря

И.Э. пишет В.Лидину:

Спасибо за коробку — от табачной славы я просиял <...> Жду от Сорокина известий касательно "Рвача" — тогда выяснится, как быть с Вашим издателем <...> Я хочу приехать в марте в Москву и весной двинуться на восток — Волга, Урал, Сибирь. Как Вы думаете, найду ли я импрессарио, который оплатит стоимость такой поездки?

14 декабря

И.Э. присутствует на приеме в советском полпредстве в Париже:

В связи с приездом тов.Чичерина в полпредстве был устроен прием, на котором присутствовали Эррио, де-Монзи, Даладье, представитель министерства иностранных дел Бартело, а также представители иностранных держав и представители торгово-промышленного мира.

Ленинградская правда. 1925, 16 декабря.

15 декабря

И.Э. пишет Е.Полонской:

Получил гонорар за "Хуренито". Учитель и после смерти поддерживает своего недостойного ученика. Роман мой кончен и я теперь диктую его машинистке. Это много труднее, чем писать. Весной собираюсь к вам. Напиши, стоит ли мне ехать — Волга — Урал — Сибирь? Мыслимо ли по твоим впечатлениям там устройство вечеров или лекций, которые оплачивали бы поездку? Недавно в здешнем представительстве был прием в честь Чичерина. Я получил приглашение с пометкой "tenue du soir"* и я ... взял на прокат смокинг.

---

* Вечернее платье (франц.)м

— В журнале “Жизнь искусства” помещена статья Гайка Адонца “Ходасевич, Адамович, Иванов и Ко”:

Недавно мы указывали, что Ходасевич на страницах белой прессы выступил против известного писателя Эренбурга по поводу его новой книги “Рвач”. Теперь, в ответ на нашу заметку, Ходасевич пытается доказать, что он вовсе не черносотенец и не монархист. Бедный Ходасевич! <...> Вопрос не о том, где вы пишете <...>То, что вы пишете — ни что иное, как гнусная клевета на СССР.

18 декабря

Газета “Парижский вестник” публикует статью И.Э. “Пьер Мак Орлан”.

24 и 28 декабря

В ленинградской “Вечерней красной газете” опубликована статья И.Э. “Романтизм наших дней”.

30 декабря

И.Э. пишет Е.Полонской:

В марте я, по всей вероятности, двинусь на восток и, таким образом, мы вскоре увидимся. Напиши, изменилось ли ко мне отношение за последний год 1) В сферах, 2) Среди читателей (или “публики”)? Хочу учесть это всячески.

Здесь все то же — то есть фантомы, effrennes*, каштаны и очаровательное небытие.

— Берлинская газета “Руль” публикует “Литературные заметки” Ю.Айхенвальда:

То неприятное и неопрятное, что вообще идет от Ильи Эренбурга, сказывается уже и в самом заглавии его новейшего произведения: “Рвач”. Автор и в последнем своем романе, как всегда, жестоко задевает чувство брезгливости <...> И весь тембр книги, весь ее тон, который создает ее моральную немузыкальность, и хитрые сплетения того несомненного, но несимпатичного ума,

* Необузданность (франц.)

который запечатлел на ней свои заметные следы, и какая-то общая опустошенность души, следы которой отпечатались еще заметнее, — все это лишь потому не губит “Рвача” окончательно, что при всех его пороках и недостатках он все же написан рукой умелой и пером острым.

31 декабря

Белградская газета “Новое время” печатает статью Н.Рыбинского:

Один из столпов советской литературы Илья Эренбург выпустил новый роман под довольно таки вульгарным и пошлым названием “Рвач” <...> Илья Эренбург — безусловно талантливый еврей, начавший свою карьеру слащавым стихотворением “Молитва за Россию”, вскоре затем сменивший вехи, стал делать быструю карьеру советского писателя. В условиях мирной буржуазной жизни из Эренбурга мог бы в конце концов выработаться писатель типа Леонида Андреева, любящий трактовку “вопросов” и приводящий в телячий восторг студентов и курсисток <...>

Революция и большевизм погубили многих; не уцелел и Илья Эренбург. <...> Все творчество Эренбурга — советская дешевка: яркий плакат, из которого выпирает убожество мысли. Не писатель — а плакатчик.

В конце года

Вышел №26 журнала “Современные записки” с “Литературными заметками” Ф.Степуна:

Отрицательным может быть всякое обличительное писательство, публицистика, сатира, но искусство может жить только утверждением, признанием, любовью. Показательный пример этому творчество Эренбурга. На голом, злом отрицании он создал своего хотя и глубоко неприятного, но все же острого и талантливого сатирически-публицистического “Хулио Хуренито”, но когда он в “Николае Курбове” попытался на том же пафосе голого отрицания создать положительный тип идейного коммуниста, то вышел манекен, у которого “глаза — сталелитейный

завод", "кровь грохочет под котлами сердца", для которого "дама — машина" и который "нежно шепчет — динамо".

Этот случай с Эренбургом не случайно случившийся случай. На многих советских вещах можно было бы проследить его более или менее характерное повторение.

В течение года

И.Э. пишет статью "Ложка дегтя", опубликованную впервые только в 1928 г. в его книге "Белый уголь или слезы Вертера".

— Помимо упомянутых вышли книги И.Э.: "Тринадцать трубок" и "Трубка коммунара" (обе в Харькове, в Госиздате Украины; обложки работы художника А.Страхова).

— Композитор О.Д.Строк, занимавшийся в Риге издательской деятельностью, выпустил в серии "Избранные романы известных и излюбленных авторов" книгу И.Э. "Любовь Жанны Ней" в двух томах ("Любовь Жанны Ней" и "Андрей Лобов"), пометив издание 1925/26 гг.

— Была инсценирована и выпущена издательством "Новая Москва" пьеса Р.Бегак "Маленький коммунар" по новелле И.Э. "Трубка коммунара".

— Вышла книга Ипполита Удушьева "Современная литература" (изд. Мысль. Л.), со статьей "Взгляд и нечто":

Любите ли вы картины Б.Григорьева или Ю.Анненкова? Если да, то должны любить и романы Эренбурга. Это явления одного порядка <...>, что не мешает картинам Б.Григорьева висеть в Русском музее и не помешает историкам литературы говорить о романах Эренбурга как о знамении времени.

Франц Элленс дарит И.Э. свою книгу "Ceil-de-Dieu" с надписью: "Илье Эренбургу, создателю Хуренито, очень дружески Франц Элленс".

Собрание И.И.Эренбург.

Французский социалист, литератор Шарль Раппопорт дарит И.Э. свою книгу "Жан Жорес" с надписью по-русски: "Нашему великому писателю Илье Эренбургу от автора Х.Раппопорт".

Собрание И.И.Эренбург.

1926 год

9 января

В предпоследнем номере (9-го января 1926 г.) “Нувель Литерер” помещена статья Ильи Эренбурга о русской литературе после революции.

Парижский вестник, 1926, 17 января.

12 января

И.Э. получает письмо Е.Полонской и отвечает ей:

Спасибо за все пожелания. Врагов у меня, увы, столь много, что постройка дворцов станет не только государственным, но и всеевропейским делом. Обойдемся же простым “тьфу” и перейдем к дальнейшему. Хотя бы — я стал элегантен (после знаменитого приема), часто бреюсь и вежливо улыбаюсь. Как ты видишь, я хорошо чувствую современность.

С Есениным здесь нечто однородное — люди вчера его травившие, сегодня бьют кулаками в грудь: “национальный поэт” (Раньше не замечали). Скажи мне, что это за народ, способный только мастерски хоронить.

Спасибо за хлопоты. Деньги, как сама понимаешь, нужны. Я послал им* еще статью (о машине и современном искусстве) прямо в редакцию <...> Я послал в Москву рукопись “Лета”. Уж не постигнет ли его судьба “Рвача”. Напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь о своевременности моего приезда и о мыслимости, как моральной, так и материальной (оплачивая “вечерами”) поездки Урал — Сибирь. Я отсюда ничего определить не могу.

* В “Вечернюю Красную газету”.

— И.Э. пишет В.Лидину:

Почему Вы замолкли? — больны? заняты? или затерялось какое-либо письмо? Сорокин держит меня в курсе всех переговоров касательно "Рвача". Я написал ему, что если нет надежды на положительный и скорый ответ Госиздата, отдать его издателю "Новеллы", в случае положительном — придется удовлетворить последнего "Кафе". Государственному издательству легче провести такую вещь, нежели частному. Вот я недавно получил новое переиздание "Трубок" УкрГизом. Первая трубка, обкорнанная у Раввинова*, прошла на этот раз целиком <...> Я послал Сорокину рукопись моего нового романа "Лето 1925 года" <...> Я всячески стараюсь касательно французских переводов Ваших книг. <...> Понравилась ли Вам моя статейка о "Норде"? <...> Что нового в литературной Москве? Я собираюсь в марте на полгода в Россию. Хотел бы поехать в Сибирь.

— И.Э. пишет Е.Замятину:

Я получил из Вены рукопись "Мы". Я хочу устроить переводы в "Nouvelle Revue Francais" или у S.Kra <...> Я прочел "Мы". Замысел, на мой взгляд, великолепен. Обидно, что книга не была издана после того, как она была написана. Теперь, я думаю, Вы написали бы многое иначе, опуская злободневность иных мест (Великий Инквизитор и т.п.). История с "душой" — сильна и убедительна. Вообще тональность книги этой мне сейчас очень близка (романтизм, протест против механичности и пр.). Удивил меня только ритм. Его хаотичность и подвижность скорей от России 20-го г., нежели от стеклянного города.

Получили ли Вы наконец "Рвача"? Я все жду Вашего суда. Мой новый роман ("Лето 1925-го года") закончен и отослан. Может быть его постигнет участь "Рвача"! Я собираюсь в марте-апреле в Россию на полгода. Напишите мне.

14 января

Сегодня, 14 января 1926 г., в помещении Географического Общества (184, бульвар Сен-Жермен) в 9 ч. вечера доклад Ильи Зданевича о Есенине.

Парижский вестник, 1926, 14 января.

* В издательстве "Новые вехи" (1924).

После перерыва докладчик крикливым голосом читает стихи Есенина. <...> “Слово товарищу Эренбургу” — радостно провозглашает председатель. “Я слова не просил”, — заявляет с места Эренбург. Вместо него слово берет какой-то другой оратор <...> Публика требует Эренбурга. Какая-то совбарышня в зеленой шубке восторженно кричит: “просим товарища Эренбурга!”

Появляется у стола Эренбург. “Скажу не об Есенине, а об его смерти и о том, что вокруг его смерти происходит. В самой поэзии Есенина была обреченность. Вы все читали, как хоронили Есенина, читали, как обнесли его вокруг памятника Пушкина. В этом было не только прощание поэта с поэтом, но и сближение их судеб. Снова погиб поэт, замученный условностью, равнодушием людей и звериным климатом нашего отечества. Почему так мало заботятся у нас о живых? Мы мало культурны, но с какой непростительной щедростью страна швыряется поэтами. Весной 1921 г. А.Блок читал стихи, ему свистели — и свистевшие несколько месяцев спустя поняли: это наша гордость, наша любовь. И когда на могиле умершего сводят счеты — это характеризует нашу культуру (крики из аудитории: “например — Осоргин!”). Я считаю, заявил Эренбург, что статья Осоргина об Есенине, статья человека, поэзии Есенина далекого, высоко благородна (аудитория, по-видимому, не ожидавшая этого, замирает). Страна, которая поэтов рождает, должна уметь их беречь — вот что я хотел сказать”, — кончает Эренбург.

Аплодисменты, но не дружные. Докладчик заявляет, что к словам Эренбурга присоединяется. Толпа расходится.

Париж. Дни, 1926, 17 января.

Теплые и прочувственные слова Ильи Эренбурга нашли горячий отклик в публике.

Парижский вестник, 1926, 17 января.

15 января

В берлинской газете “Die literarische Welt” И.Г.Эренбург опубликовал посвященную гибели Есенина статью. Другой отклик на смерть Есенина он хотел напечатать на родине. Об этом свидетельствует письмо М.Руафф к Е.Полонской от 30 января 1926 г. В нем

говорится: “Многоуважаемая Елизавета Григорьевна, по просьбе Ильи Григорьевича пересылаю Вам прилагаемую статью “Смерть Есенина”. Много лет спустя Е.Г.Полонская сдала эти материалы в архив, написав на полях рукописи И.Эренбурга: “Нигде напечатано не было”.

Литературная Россия,
1990, 5 октября.

17 января

В “Вечерней красной газете”(Л.) опубликована статья И.Э. “Машина в современном искусстве”.

19 января

И.Э. получает письмо от В.Лидина и отвечает ему:

Право, насчет дензнаков совсем плохо! Грюнфельд едет в Москву и, думаю, там получит для Вас визу <...> Заставьте, пожалуйста, Раввинова выслать мне авторские экземпляры “Трубок”. Насчет “Жанны” и “Курбова” — есть ли у Вас гарантии, что это издательство будет аккуратней тех, что издали “Лик”, “Трубки” и “Повести”? Я теперь очень опасаюсь частных издательств.

— Председатель чехословацкого Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией Зденек Неедлы сообщает в ВОКС:

В последнее время были изданы в переводе на чешский язык следующие произведения: <...> Илья Эренбург “Необычайные приключения Хулио Хуренито” в переводе Франтишека Пишека и Богумила Гулы.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
М.: Наука., 1977. Т.2. С.202.

23 января

И.Э. пишет В.Лидину об оформлении французской визы и о своих финансовых делах:

Я медлю с ответом “Кораблю”, ибо предпочитаю вовсе не печататься, нежели печатаясь не получать гонорары a la “Лик”, “Повести” и пр.<...> Читал Ваш рассказ о жене смотрителя маяка, который мне очень понравился.

24 января

И.Э. пишет В.Лидину:

Вчера телеграфировал Вам. Дело в том, что Госиздат не берет “Рвача”. Это губит все мои планы. К тому же мое безденежье приняло отчаянный характер. Посему: 1) добудьте, бога ради, деньги за “Повести” и вышлите их телеграфом, 2) предложите в другие издательства “Рвача”. 18 листов. Будут купюры. Лучше, если издательство советское. Рукопись у Ионова, я телеграфировал Сорокину, чтоб он взял. Предложение сообщите мне телеграфно, 3) “Кораблю” — согласен ввиду критического положения, но с условием а) все деньги вперед, сразу “на бочку”, б) “Жанна” выйдет в измененном виде (экземпляр исправленный вышлю) — на 1/2 листа меньше, в) “Жанна” весной выйдет за границей в количестве 1 тыс. экз. (только для заграницы). О визе писал позавчера. Подайте заявление, а здесь я приму меры. Вчера выехал в Москву писатель Paul Morand — обратитесь к нему.

29 января

В “Вечерней красной газете” опубликовано эссе И.Э. “Жозеф Дельтейль”.

31 января

И.Э. пишет Е.Замятину:

Очень рад, что наконец-то Вы получили “Рвача”, и жду с нетерпением Вашего о нем суждения. В России этот роман вряд ли выйдет.

Сам я, может быть, в марте приеду в Россию.

— И.Э. пишет В.Лидину:

Я очень удивлен и огорчен Вашим молчанием <...> Посылаю Вам немецкую статью и надеюсь, что Вы рассмеетесь, прочитав ее <...> Я собираюсь в Ваши края. Напишите, что Вы об этом думаете? <...> Жду от Вас и от Сорокина известий касательно книг.

Январь

Вышел №1 журнала “Новая Россия” с рассказом И.Э. “Пивная “Красный отдых”.

9 февраля

"Парижский вестник" сообщает:

Во вторник 9-го февраля в Саль-де Сосьете-Савант, 8, рю Дантон, метро Сен-Мишель и Одеон состоится доклад Ильи Эренбурга "С Монмартрского холма и с Воробьевых гор". После доклада обмен мнений. Председательствует Ю.П.Анненков. Билеты в 10 и 5 фр. у Поволоцкого (18, рю Бонапарт), в "Москве" (9, рю Дюшонтрен) и при входе.

Зал полон. Устроен доклад Союзом русских художников в Париже и поэтому председательствует художник Ю.Анненков. Доклад свой Эренбург читает и это сильно расхолаживает, хотя свое чтение он и старается сделать незаметным. Фразы отточены и заострены — мысли изложены в характерной эренбурговской парадоксальной форме. Эта парадоксальность порой принимает такой характер, будто докладчик поставил своей задачей во что бы то ни стало "эпатировать" аудиторию.

Париж. Дни., 1926, 11 февраля.

Публика слушала докладчика с напряженным вниманием. "Монмартрский холм и Воробьевы горы" были, собственно, притянуты за волосы. Они к докладу прямого отношения не имели. Эренбург повторил те общие положения, которые он уже высказал в напечатанной в "Парижском вестнике" статье "Романтизм наших дней".

Доклад был составлен образцово по форме и временами блистал изумительными поэтическими красотами.

Парижский вестник, 1926, 12 февраля.

Игра словами, формами, понятиями, сравнениями, сопоставлениями. Потуги на гениальность. Кокетничанье, чудачество, выверты.

Париж. Дни., 1926, 11 февраля.

После доклада состоялись прения, которые не представляют большого интереса.

Парижский вестник, 1926, 12 февраля.

10 февраля

И.Э. получает письмо В.Лидина и отвечает ему:

Вчера я читал публичный доклад под названием "С Монмартр-

ского холма и с Воробьевых гор" — о новом романтизме <...> Мои дела традиционно плохи. За последние 2 г. я написал 3 книги. 50 листов. Но все они не пристроены и это обилие старых дев терзает как мое сердце, так и желудок. Я телеграфирую Тихону Ивановичу о "Рваче" — надо так или иначе решать. Если Госиздат не хочет — между Ленгизом и Вашим издателем* <...> Я собираюсь в Россию на полгода, но нет денег <...> Напишите, пожалуйста, какая сейчас "атмосфера" и очень ли низка моя котировка? Могу ли я рассчитывать на импрессарио, который повез бы меня на восток — Волга, Урал, Сибирь с лекциями о современной литературе и искусстве нашем и Франции?

До 17 февраля

И.Э. получает письмо К.Федина о том, что есть надежда напечатать "Рвача" в Ленгизе.

17 февраля

И.Э. получает письмо В.Лидина и отвечает ему:

Я готовлю книгу статей о литературе и искусстве "Романтизм наших дней". Издателя! <...> Очень прошу Вас устроить "Рвача" и "Лето" как можно скорее — денег вовсе нет и давно. Потом от денег зависит наш отъезд. Если мы едем — нужно ехать скорее, т.к. Любовь Михайловна получила известие, что ее отец опасно болен <...> Очень прошу Вас также выяснить вопрос о лекциях. Можно ли найти импрессарио? Каковы перспективы? Каково теперь отношение ко мне 1) публики, 2) верхов? Не могут ли лекции натолкнуться на препятствия? Учтите тему — романтизм <.... Читал здесь лекцию (которую приготовил для России) "С Монмартрского холма и с Воробьевых гор". Там упоминаю о "Норде" Вашем.

19 февраля

О.Э.Мандельштам из Ленинграда пишет в Ялту Н.Я.Мандельштам:

К трем часам заехал в Гиз. Зашел в комнатку к Федину и Груз-

* "Пролетарий".

деву. Они как раз заполняли бланки с предложениями книг <...> В числе других стараются протащить “Рвача” Эренбурга.

Мандельштам О. Собр. соч. Т.4. М.,1997. С.65.

21 февраля

И.Э. получает письмо Т.И.Сорокина о том, что рукописи “Рвача” и “Кафе” переданы издателю В.Лидина и что “Лето 1925 года” не удалось устроить. В связи с этим И.Э. пишет В.Лидину:

Теперь надежда одна — на Вас! <...> Рукопись “Лета” возьмите у Сорокина. Если он ее до сих пор не получил (послана мною 2 месяца тому назад), то пожалуйста возьмите ее у секретаря коллегии НКИД т.Канторовича. В романе около 3 листов. Дайте его “Пролетарию.

Февраль

Пражский журнал “Воля России” (№2) печатает статью “Русская зарубежная литература в 1925 году”:

Эренбург писатель советский, хотя и предпочитающий жить за границей. Его роман “Рвач” напечатан у нас за границей, так как его не приняли большевики <...> С большой охотой мы отказались бы от “Рвача” Эренбурга. Но что делать: слова из песни не выкинешь; у нас напечатан, мы и отчитываемся. Единственный роман — с солью и перцем — у Эренбурга это “Хулио Хуренито”, особенно первая часть его. Чем дальше, тем все преснее и преснее становятся эренбурговские романы. И не удивительно: не так уж велик багаж Эренбурга, чтобы при той быстроте, с какой он выбрасывает на рынок свои произведения, можно было каждый раз ожидать что-либо значительное, новую литературную ценность. Видимо ему не дают покоя лавры Боборыкина и Амфитеатрова с их сотнями романов.

8 марта

И.Э. получает короткое письмо В.Лидина и отвечает ему:

Спасибо за все хлопоты. Для того, чтобы уехать, мне нужна солидная сумма — minimum 120 червонцев. Следовательно, это мыслимо лишь в том случае, если Вы получите теперь деньги за “Рвача” или за “Лето”. <...> Я весь расхворался и чрезвычайно хандрю.

Середина марта

И.Э. получает телеграмму с предложением Ленгиза выпустить "Рвача" и отвечает согласием.

17 марта

В Одессе "Вечерний выпуск Известий" под заголовком "Дети коммуны" публикует новеллу И.Э. из книги "Тринадцать трубок".

22 марта

"Вечерняя Москва" публикует эссе И.Э. "Пьер Мак Орлан"

— И.Э. пишет В.Лидину:

Я получил телеграмму от Федина, что Ленгиз берет "Рвача". Это, кажется, лучший исход. Как с "Летом"? Давать его Лежневу* нельзя — денег не получить с этого человека, а деньги нужны дозарезу. Поездка в Россию зависит от этого.

Завтра возвращаюсь в Париж.

29 марта

И.Э. получает письмо Т.И.Сорокина, сообщившего, что издательство "Новелла", выпустившее исправленный вариант романа "Любовь Жанны Ней", собирается издать в Одессе "Рвача" и что "Лето 1925 года" готов издать "Круг". В связи с этим И.Э. пишет В.Лидину: "На двойное издание** никак пойти не могу: это чревато для меня большими неприятностями. Прав ни юридических, ни формальных за издателем я не вижу. Он достаточно колебался, медлил. Он получил "Кафе" по исключительно низкой цене. Я никак не могу больше иметь дело с этим издателем. Большое спасибо за устройство "Лета". Буду очень рад, если его возьмет Воронский***.

---

* И.Г.Лежнев, редактор журнала "Новая Россия".

** И.Э. подписал договор с Ленгизом на издание "Рвача"

*** А.К.Воронский возглавлял издательство "Круг".

30 марта

И.Э. пишет Е.Замятину:

Вчера я получил наконец-то английский перевод “Мы”. Передаю его издательству “Grasset”, если он не выйдет там, то “Kra”. Недели через 3 еду в Россию, прежде всего в Ленинград. Рад буду очень встретиться с Вами.

В течение марта

М.Цветаева пишет “ Мой ответ Осипу Мандельштаму” (отклик на “Шум времени”), в котором упоминает И.Э.:

Возьмем Эренбурга – кто из нас укорит его за “Хулио Хуренито” после “Молитвы о России”. Тогда любил это, теперь то. Он чист. У каждого из нас была своя трагедия со старым миром. Мандельштам просто через него переступил.

Цветаева М.
Собр.соч. Т.5. М., 1994. С.314.

Март-апрель

В Брюсселе вышел №2 русского журнала “Благонамеренный”, сообщивший, что в книжке журнала “Russiche Rundshau” (октябрь 1925, Берлин) напечатаны рассказы Горького, Лидина, Эренбурга, Соболя, Бабеля, Леонова.

— А.Лежнев сравнивает “Любовь Жанны Ней” и “Города и годы” К.Федина:

У русских беллетристов замечается в последнее время тяга к авантюрному, приключенческому, сюжетному, занимательному роману. Тенденция хорошая, да вот романы почему-то выходят все больше плохие. Примером может служить “Жанна Ней” Эренбурга.

Федин “отдал дань” общему увлечению. Его “Города и годы” сильно напоминают “Жанну Ней” — не только сложной диккенсовской сюжетностью, но и деланной, многословной наивностью своего лиризма, своей банальностью. Но есть и разница: “Жанна Ней” гораздо занимательней, построена ладнее и легче <...> Если на стороне Эренбурга преимущество большой технической умелости, то зато Федин оригинальнее, выдумка его свежее.<...>

Влияние Эренбурга на Федина, вообще, довольно сильно.

Печать и революция. №2, 1926, 11 апреля.

— Газета "Гудок" сообщает:

В ленинградском издательстве "Прибой" вышла книга И.Эренбурга "Три рассказа о трубках".

13 апреля

И.Э. пишет письма Т.И.Сорокину и В.Г.Лидину о своих финансовых делах и о возможности выехать в Москву в конце апреля, до начала "мертвого сезона".

14 апреля

Московская "Наша газета" сообщает, что режиссер И.Перестиани намерен поставить в Госкинопроме Грузии фильм "Любовь Жанны Ней" по роману И.Э.

22 апреля

И.Э. получает письмо от Т.И.Сорокина по финансовым вопросам; отвечает ему и пишет В.Лидину.

23 апреля

С.Я.Эфрон пишет из Парижа в Москву своей сестре Е.Я.Эфрон:

Скоро к вам выезжает Илья Григорьевич. Он расскажет тебе о нашей жизни. Я поручил ему зайти к тебе — он это сделает сейчас же по приезде.

Цветаева М. Неизданное. Семья: история в письмах. М.,1999. С.323.

30 апреля

Журнал "Прожектор" (№8) публикует отрывок из романа И.Э. под названием "Лето 1925 г. в Париже (Из дневника)".

1 мая

Ленинградская "Красная газета" сообщает:

Илья Эренбург написал новыsй роман, озаглавленный им "Рвач".

В романе нашел отражение наблюдающийся в наши дни процесс распада среды, органически с революцией не связанной и примкнувшей к ней случайно. Из этих "случайных попутчиков" и формируются кадры "рвачей", столь часто фигурирующих в многочисленных судебных процессах. Роман Эренбурга печатается Госиздатом.

2 мая

И.Э. пишет В.Лидину о своих планах:

Я еду в Ленинград, где пробуду несколько дней, а оттуда в Москву.

Начало мая

Одесское издательство "Новая жизнь" выпускает книгу И.Э. "Условные страдания завсегдатая кафе".

6 мая

Парижская газета "Возрождение" сообщает:

Петроградский отдел Госиздата издает новый роман Эренбурга "Рвач".

12 мая

В Одессе "Вечерний выпуск Известий" публикует рецензию на книгу И.Э. "Условные страдания завсегдатая кафе".

13 мая

"Вечерняя Москва" сообщает:

Вскоре выходит №3 журнала "На литературном посту" со <...> статьей Л.Авербаха "Эренбург на ущербе". *

Середина мая

М.И.Цветаева отдает И.Э. для передачи в Москве Б.Л.Пастернаку оттиски своих поэм и статей, а также фотографии.

* Опубликована не была.

— Проходя мимо “Ротонды”, я увидел на террасе знакомое лицо: это был поэт Перец Маркиш, которого я знал по Киеву <...> За его столиком сидели еврейский писатель из Польши Варшавский и художник, фамилию которого я забыл. Варшавского я знал по роману “Контрабандисты”, переведенному на различные языки; он был застенчивый, мало разговаривал <...> Не то Варшавский, не то художник рассказали историю о дудочке <...> Легенду я запомнил и включил потом в мою книгу “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”.

ЛГЖ. Т.1., 20 мая.С. 455–456.

— В “Вечерней Москве” напечатана рецензия И.Полтавского на роман И.Э. “Лето 1925 года”.

— “Вечерняя Москва” сообщает:

В только что вышедшей, 5-ой книжке журнала “Красная новь” напечатаны отрывки из “дневника” И.Эренбурга “Лето 1925 г. в Париже”.

21 мая

Вышел №19 журнала “Книгоноша” с рецензией на книгу И.Э. “Условные страдания завсегдатая кафе”:

Книжка получилась невразумительная и для тех, кто успел оценить Эренбурга как острого изобличителя послевоенной Европы, она ничего, кроме огорчения, не принесет. Книжку рекомендовать никому не следует.

22 мая

М.Цветаева пишет Б.Пастернаку о его стихах:

Всю жизнь хотел я быть как все,
Но мир, в своей красе,
Не слушал моего нытья
И быть хотел — как я.*

---

* Из поэмы “Высокая болезнь”(1923); неточно:

Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нытья
И хочет быть, как я.

Этот стих я так запомнила со слов Л.М.Эренбург еще в 1925 г. И так он мне ближе. Век ведь — поправка на мир.

Да! Доехал ли Эренбург? Довез ли? Посылаю тебе еще тетрадку для стихов.

Переписка Бориса Пастернака. М.: Художественная литература, 1990. С.342.

23 мая

Б.Пастернак пишет М.Цветаевой, что ожидает её статью, которую должен привезти ему Эренбург.

Там же. С.345.

20-е числа мая

И.Г. и Л.М.Эренбурги выезжают из Парижа поездом в Москву. От первоначального плана ехать морем через Ленинград И.Э. отказался (возможно, одна из причин — сообщение Е.Г.Полонской о том, что ее в это время не будет в Ленинграде). В Берлине на перроне вокзала Эренбургов встречает О.Г.Савич.

Приехав в Москву весной 1926 г., я поселился в гостинице на Балчуге; за номер брали много, а с деньгами у меня было туго. Меня приютили Катя и Тихон Иванович; жили они в Проточном переулке — между Смоленским рынком и Москвой рекой, в старом, полуразвалившемся доме. (В начале войны в этот дом попала немецкая “зажигалка”, и он сгорел).

Не знаю почему, Проточный переулок тогда был облюбован ворами, мелкими спекулянтами, рыночными торговцами. В ночлежке “Ивановка” собиралось жулье. В домишках, розовых, абрикосовых, шоколадных, с вывесками частников, с выдранными звонками, с фикусами и поножовщиной, шла душная, звериная жизнь последних лет нэпа. Торговали все и всем, ругались, молились, хлестали водку и мертвецки пьяные, валялись как трупы в подворотнях. В подвалах ютились беспризорные. Милиционеры и агенты угрозыска заглядывали в переулок с опаской.

ЛГЖ. Т.1. С.459–460.

28 мая

О.Савич пишет из Берлина В.Лидину:

Илья Григорьевич передаст Вам привет от меня — виделись мы полчаса на вокзале, мрачнейшем из берлинских вокзалов. Хотел я очень послать Вам кое-что, да И.Г. и свой-то костюм предназначал к уничтожению на границе <...> Передал Эренбургу Ваш рассказ.

Копия (СФ).

29 мая

“Вечерняя Москва” сообщает:

В Москву приехал из Парижа Илья Эренбург. В последнее время писатель работает над книгой исторических биографий ученых, художников, революционеров, мыслителей, которые опережают свою эпоху. В издательстве ЛенГиза печатается новая книга Эренбурга “Рвач”, а в издательстве “Круг” — книга под названием “Лето 1925 года”.

В настоящее время Эренбург прочтет две лекции в кино-кабинете ГАХН*. Для иллюстрации этих лекций о кино писатель привез ряд отрывков из неопубликованных еще работ лучших французских мастеров: “Наполеон” Ганса, “Нана” Ренуара, “Ниточная мануфактура” и проч.

— Вадим Шершеневич дарит И.Э. свою книгу “Итак итог” с надписью:

“Автору книг, в которые я влюблялся. Видите, как нехорошо приезжать в СССР — уже неприятности — читать чужие стихи. С горячим приветом — Вад.Шершеневич. 29/5 Б.Никитская 33, кв.21”.

Собрание И.И.Эренбург.

30 мая

Парижская газета “Дни” помещает обзор “По советским журналам”:

Парижские читатели, привыкшие денно и нощно видеть г.Эренбурга на веселых террасах Ротонды, с веселым изумлением могли бы прочесть в майской книжке “Красной нови”, в отделе воспоми-

* Государственная академия художественных наук

наний, отрывок из его дневника. Г.Эренбург уверяет наивных обитателей СССР, будто летом 1925 г. он в Париже вел жизнь истинного пролетария, “перегоняя баранов со скотного двора Виллей на соседние бойни”.

2 июня

Художник К.Редько записывает в московском дневнике:

Вечер провел у Саши Тышлера — он виделся с приехавшими из Парижа Любой Козинцевой и И.Эренбургом. Передают, что большинство наших художников живет на о.Корсика. Пишут плохие картины, но продают.

Редько К. Дневники. Воспоминания. Письма.
М.: Сов.художник., 1974. С.75.

5 июня

Б.Пастернак пишет М.Цветаевой в Париж:

Горячо благодарю тебя за все /.../ Эренбург пришел ко мне, пробыв тут вне досягаемости неделю. Он еще не все мне передал. Из оттисков только “Гору” и “Крысолова” в одном экземпляре. На квартире, где он остановился, его никогда не застать.

Переписка Б.Пастернака.
М.: Худ.лит., 1990. С.355–356.

Начало июня

И.Э. отправляет записку Н.И.Бухарину:

Очень хочу повидаться с Вами. Я знаю, что Вы очень заняты, но все же прошу уделить мне 30 мин. Я думаю пробыть в Москве недели две. Мой адрес: Проточный пер.16, кв.30. Назначьте любое время дня или ночи и напишите…

Вопросы литературы, 1999. №1. С.303.

6 июня

Новосибирская газета “Советская Сибирь” сообщает:

В Ленинградском отделении Государственного издательства печатается новый роман Ильи Эренбурга “Рвач” <...> Роман рассчи-

тан на широкие круги элементарно подготовленного читателя и снабжен предисловием П.С.Когана.

7 июня

И.Э. участвует в вечере сотрудников газеты “Известия”.

9 июня

“Известия” помещают письмо своего месткома:

Разрешите выразить от имени месткома и культкомиссии “Известий ЦИК СССР и ВЦИК” благодарность следующим литераторам и артистам, принявшим участие в закрытом вечере рабочих, служащих и сотрудников “Известий ЦИК”, состоявшемся 7 июня с.г.: <...> М.Левидову, В.Лидину, И.Эренбургу, а также народной артистке республики Е.Гельцер <...> Местком и культкомиссия “Известий ЦИК и ВЦИК”.

Известия, 1926, 9 июня.

— И.Э. участвует в похоронах писателя Андрея Соболя:

Я прожил много времени с Андреем Соболем. Это был Вечный Жид, с сердцем беспорядочного добряка. Он бежал из Сибири. Он заблудился не в тайге, но в прозрачном кольце московских бульваров. Он застрелился на скамейке, недалеко от памятника Тимирязеву. Он лежал в гробу с крохотным лицом. Катафалк тащили клячи, прикрытые красными попонами.

Эренбург И. Черновая редакция “Книги для взрослых”.
РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.5. Л.167–168.

Вчера тело писателя Андрея Соболя было перевезено из Института им.Склифосовского в Дом Герцена. У гроба был организован почетный караул из членов Всероссийского союза писателей, других литературных объединений и общества политкаторжан. С лица покойного снята маска.

Сегодня к 11 ч. утра зал постепенно наполняется публикой. В начале двенадцатого часа начинается гражданская панихида. Играет трио Московской консерватории.

В час дня состоялся вынос тела. Из Дома Герцена печальная процессия тронулась к памятнику Пушкина, затем к Камерному театру, которым была организована траурная встреча тела.

Затем процессия направилась на кладбище Ново-Девичьего монастыря.

Вечерняя Москва, 1926, 9 июня.

Сегодня в кино-театре “М.Дмитровка” ГАХН устраивает лекцию вернувшегося недавно из Франции писателя Ильи Эренбурга на тему “Новое французское кино”. Лекция будет иллюстрирована частями новых французских кинокартин работы режиссеров-новаторов группы “Авангард” (сюда входят Абель Ганс, Жак Эпштейн, Клер, Ренуар и др.)

Известия, 1926, 9 июня.

— Лекция иллюстрируется частями новейших французских картин: “Наполеон”, “Верное сердце”, “Малькольмский лев”, “Призрак Мулен-Руж”, “Грибиш”, “Детские лица”, “Дочь воды”, “Мениль-Монтан”, “Покойный Матиас Паскаль”, “Нана”.

Начало лекции в 8 ч. Повторение лекции в 10.30.

Вечерняя Москва, 1926, 9 июня.

В среду, 9 июня, в помещении кино “Малая Дмитровка” недавно приехавший из Парижа Илья Эренбург дважды (в 9 ч. и в 11) прочел лекцию о кинематографии.

В афишах лекция именовалась: “Новое французское кино”.

Докладчик оговаривается с первого слова: “объявленный заголовок не имеет, собственно, никакого отношения к моей лекции. Я намерен говорить не о французской кинематографии, а о кино — вообще”.

И начал говорить. И говорил час с лишним. И не сказал ничего ценного, заслуживающего внимания. Больше всего было в докладе общих мест.

Неудачная лекция. Оправданием вечера явилась демонстрация отрывков из картин левых мастеров французской кинематографии.

Вечерняя Москва, 1926, 11 июня.

Несмотря на приближение кино к “бальзаковскому возрасту”(30 лет),— говорит Эренбург, — есть еще очень многие, кто решает отрицательно вопрос: искусство ли кино? Это — решительное недоразумение, так как кино за последние 15 лет стало не только искусством, но и искусством народным. В русском кино — много от

немецкого. Но великим художественным событием Эренбург считает картину “Броненосец Потемкин”.

Переходя к французской кинематографии, Эренбург отметил молодость нового французского кино. Его летоисчисление надо вести с начала 1923 г., когда появились фильмы “Колесо” Абель Ганса и “Верное сердце” Ж.Эпштейна.

Известия, 1926, 12 июня.

10 июня

С.Я.Эфрон пишет из Парижа в Москву Е.Я.Эфрон:

Зачал в Париже боевой литературный (очень левый) журнал, о котором тебе расскажет Эренбург. Не верь его углу зрения. Он во многом не прав.

Цветаева М.
Неизданное. Семья: история в письмах. М., 1999. С.325.

14 июня

В понедельник, 14 июня, в Доме Герцена (Тверской бульв. 25) доклад Ильи Эренбурга “С Монмартрского холма” (романтизм наших дней). Начало в 9 ч.

Вечерняя Москва, 1926, 14 июня.

С высоты монмартрских кабачков обозревает Илья Эренбург то, что видится ему на площадях и в домах современного Парижа.

От элеваторов к человеку. Любопытно это слушать из уст автора “Хулио Хуренито”, редактора журнала “Вещь” и апологета вещизма. Итак, недавний “вещист” Эренбург провозглашает: “В искусстве зарождается человечность”.

Вечерняя Москва, 1926, 15 июня.

15 июня

В московской газете “Кино” статья С.Гехта “Кино-молодежь Франции”, навеянная просмотром фильмов, привезенных И.Э.

17 июня

В “Правде” статья Хрисанфа Херсонского “Новое французское кино”, написанная в связи с лекцией И.Э.

18 июня

Б.Л.Пастернак надписывает И.Э. свою книгу “Рассказы”:

“Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу от любящего сердца”.

Собрание И.И.Эренбург.

— Московская “Наша газета” сообщает:

И.Эренбург по возвращению в Париж прочтет доклад о новом советском кино с иллюстрациями отрывков последних постановок Кулешова, Эйзенштейна, Вертова, Козинцева и Трауберга.

Июнь

И.Э. знакомится в Москве с И.Э.Бабелем:

Лето в Москве стояло жаркое; многие из моих друзей жили на дачах или были в отъезде. Я слонялся по раскаленному городу. Один из очень душных, предгрозовых дней принес мне нечаянную радость: я познакомился с человеком, который стал моим самым близким и верным другом, с писателем, на которого я смотрел как подмастерье на мастера, — с Исааком Эммануиловичем Бабелем. Он пришел ко мне неожиданно, и я запомнил его первые слова: “Вот вы какой...” А я его разглядывал с еще большим любопытством <...> Бабель сразу повел меня в пивную. Войдя в темную, набитую людьми комнату, я обомлел. Здесь собирались мелкие спекулянты, воры-рецидивисты, извозчики, подмосковные огородники, опустившиеся представители старой интеллигенции <.… К нашему столику подсел старичок, чрезвычайно вежливый; он рассказывал Бабелю, как его зять хотел вчера прирезать жену <...> Я не выдержал: “Пойдем?” Бабель удивился: “Но ведь здесь интересно”.

ЛГЖ. Т.1. С.463.

— И.Э. встречается в Москве с Я.И.Соммер:

Мы встречались часто, каждый день. Бродили по московским улицам. <...> ИГ все время щелкал лейкой <...> Впоследствии он присылал мне из-за границы целые пачки мелких фотографий и штук 10–15 увеличенных. Писал, что любит сидеть у ванночки с проявителем и наблюдать, как постепенно возникает на дне черты моего лица <...> Как-то, бродя по Москве с ИГ и Т.И.Сорокиным, мы встретили М.П.Кудашеву и сфотографировались <...>

Я прочла “Рвача” — единственный экземпляр, который удалось провести ИГ из-за границы, и “Лето 1925 года”.

Минувшее.
№ 17. СПб., 1994. С.153, 154.

21 июня

Иосиф Уткин дарит И.Э. “Повесть о рыжем Мотэле” :

Я любовно гляжу на тоненькую книжицу. Забавный большой рисунок К.Ротова и скромная надпись:

“Тов.Эренбургу — представителю старшего поколения от молодого литератора — с уважением Иосиф Уткин. 21.06.26 “.

“Представителю старшего поколения” было тогда тридцать семь лет.

Эренбург И.
“И.П.Уткин”.В кн.: В ногу с тревожным веком.
М.: Сов. писатель., 1971.С.59.

22 июня

Вышел журнал “Жизнь искусства” (№25) со статьей Г.Горбачева “Есть ли правая опасность в литературе”:

Именно выполняя задание буржуазного реставраторства, Эренбург, предсказавший в “Тресте Д.Е.” капитализацию Москвы, а в “Николае Курбове” гибель коммунистов под разлагающим влиянием НЭПа, пишет “Рвач”, самый откровенно контрреволюционный из своих романов, на днях , по сообщению ленинградских газет, издаваемый нашим смекалистым Гизом, хотя и с предисловием Когана. <...> Тот же Эренбург в “Новой России” Лежнева хихикает над попытками рационализации несуразного русского быта /.../ Обнагление буржуазной сменовеховской реакции проявляется в писаниях Булгакова, Замятина, Эренбурга.

23 июня

Опубликована рецензия М.Блеймана на книгу И.Э. “Условные страдания завсегдатая кафе”:

Мир рассматривается Эренбургом через скверно вымытый трактирный стакан. Недаром все происходит в кафе. Это стержень книги. Эренбургу не о чем писать. Поэтому язык его претенциозен и без-

вкусен, темы штампованы. “Условные страдания” — услужливая и легковесная макулатура, всецело рассчитанная на мещанина.

Ленинградская правда, 1926, 23 июня.

24 июня

Сегодня в АРКе (Академия революционного кино) состоится производственное совещание на тему “Кино во Франции”. Вступительное слово скажет Илья Эренбург.

Вечерняя Москва, 1926, 24 июня.

А.Е.Крученых дарит И.Э. свою книгу “Новый Есенин” с надписью: “Илье Эренбургу на шпильку! А.Крученых”.

Собрание И.И.Эренбург.

25 июня

Н.Н.Асеев надписывает И.Э. свою книгу “Громы о мрамор”: “Илье Григорьевичу Эренбургу с искренним интересом к нему и его эпохе. Совместный с ним Ник.Асеев”.

Собрание И.И.Эренбург.

26 июня

Б.Пастернак пишет из Москвы уехавшей в Берлин жене:

Сегодня веду к нему (Н.Н.Асееву) Эренбурга знакомиться.

Пастернак Б.
Переписка с Евгенией Пастернак. М., 1998. С.140.

27 июня

Варшавская газета “За Свободу” помещает статью Е.Шевченко “Кофейный Вольтер”:

Вышла новая книга Ильи Эренбурга под откровенным названием — “Условные страдания завсегдатая кафе”. Заглавие это, а затем и содержание книги подтверждает уверение Эренбурга, что свои романы он пишет в кафе. <...> Новая книга Эренбурга не стоит, конечно, особого внимания, но если по слову Эдмонда Жалю Эренбург это — “Вольтер наших дней”, то книга завсегдатая кафе может служить лишь доказательством того, что либо наши дни, действительно, так бесконечно похабны, что не заслуживают другого

“Вольтера”, либо Эренбург так похабен, что по силе этого своего качества может быть назван своеобразным Вольтером или даже Ньютоном. Несомненно бойкие заметки, составившие книгу, годятся для бульварной газетки, но собранные в книгу они характеризуют Эренбурга только как “кофейного Вольтера”.

27 и 28 июня

В Харькове в Держдраме проходит гастрольное турне при участии заслуженных артистов Н.Н.Рыбникова и П.В.Самойлова — спектакль “Любовь Жанны Ней” в 6 действиях, 15 картинах. В ролях: Жанна Ней — Ленская, Раймонд Ней — П.В.Самойлов, Халыбьев— Н.Н.Рыбников, Захаркевич — Де-Венгре, Марго — Клейменова, Следователь — Субботин, госпожа Лонке — Чарторыжская.

Этот спектакль был обречен на неудачу раньше, чем его сыграли. Можно быть разного мнения о романе Эренбурга, но одно несомненно — переделке он не поддается по своей литературной природе. Вот и получили изрядную дозу (16 сцен!) какого-то мелкотравчатого мелодраматического кинематографа, художественно и идеологически дешевого и для актеров невыигрышного. Нудный, ненужный спектакль.

Харьковский пролетарий,
1926, 30 июня.

28 июня

Л.Н.Сейфуллина дарит И.Э. третий том собрания своих сочинений с повестью “Виринея”: “Уважаемому товарищу Эренбургу с дружеским приветом от автора”.

Собрание И.И.Эренбург.

Июнь

Под заголовком “В Лонде” журнал “30 дней” (№6) публикует отрывок из романа И.Э. “Лето 1925 года”.

— Журнал “Советское кино” (№4–5) печатает заметки И.Э. “Новое французское кино”.

1 июля

И.Э. выезжает из Москвы в Киев.

— М.Цветаева пишет Б.Пастернаку:

Довез ли Эренбург мою прозу: Поэт о критике и Герой труда?

Переписка Б.Пастернака. С.380.

2 июля

И.Э. пишет Е.Полонской в поезде Москва-Киев:

В вагоне возле Конотопа (место, где умер Хуренито). Мне очень грустно, что я не попал в Питер <...> М.б. мы где-нибудь увидимся, мой маршрут (примерно) Киев — Одесса — Харьков — Ростов — Минеральные воды — Тифлис — Батум. Напиши, когда и куда ты едешь. Адрес до 12-го Мариинско-Благовещенская, 22, кв.Козинцовой. Киев. Потом до 20-го А.М.Кричевскому. Чернышевская 34, Харьков.

— Б.Пастернак пишет М.Цветаевой:

Я пошел к Эренбургу, собиравшемуся на вокзал. Попал на какое-то подобье прощального обеда. Были Майя*, Сорокин и еще какой-то человек, которого я не знаю. Много пили, мне незаметно подливали. На вокзал от него было рукой подать, он уезжал в Киев с Брянского, а квартира его первой жены, где он остановился,— над самым Дорогомиловским мостом. Шли берегом, в этих местах сохранившим хаотичность 18–19-го. Дело было под сумерки, с обоих берегов купались. Панорама здесь, если помнишь, широкая. Вся она была заслонена от солнца не то пылью, не то подобьем какой-то сухой, остолбеневшей и тихой пасмурности, той серой воздушной прострацией, которая бывает в городе вечерами. Только в далекие гимназические годы мне бывало так, т.е. с такой обширностью, грустно.

Картина дышала какой-то печальностью, только что всплывшей из забвения и готовой вот-вот нырнуть назад. “Скажите Марине” начал было я и не стал продолжать, несмотря на его усердное выспрашиванье, вперемежку с усмешкой, точно он годами старше меня.

---

* М.П.Кудашева.

Вряд ли он что-нибудь сможет рассказать тебе. Мы виделись несколько раз. Что он видел? Семью, может быть, но очень поверхностно. Меня среди других. Меня (в первые дни своего пребывания здесь) — в надеждах, в твердой уверенности, что все, приведшее его тут в отчаяние, — пустяки и пена, существо же цело и сохранно. Наконец, меня же в последние дни, в совершенно другом настроеньи, что вероятно ускользнуло бы от него, если бы я сам ему не сказал о перемене. Это прекрасный человек, удачливый и движущийся, биографически переливчатый, легко думающий, легко живущий и пишущий: — легкомысленный. Я никогда не замыкаюсь перед ним, но и не помню случая, чтобы когда-нибудь успешно высказался перед ним или открылся. Я не знаю, как он может любить меня и за что. Он не настолько прост, чтобы быть для меня обывателем, т.е. куском бытовой непринужденности (обычнейшим моим собеседником). И он не настолько художник, чтобы я становился в беседе игрушкою часа, положенья или принесенного из дома настроенья. Так как, несмотря на все его удачи, я его считаю несчастливцем, то внутренне, про себя, никогда впрочем этого ему не показывая, желаю ему добра, желаю с аффектацией и упорством. И мне бы очень хотелось, чтобы ты не согласилась со мной и меня осадила: он вовсе не художник. Я желал бы, чтобы ты была другого мненья. Найди в нем то, чего я в нем напрасно ищу, и я стану глядеть твоими глазами. Я очень боялся его приезда, после своего письма о "Рваче". Мне думалось, что нам не избежать тяжелых разговоров. Но не было случая. Все обошлось благополучно.

Переписка Бориса Пастернака.
М., 1990. С.372–373.

3 июля

И.Э. приезжает в Киев и останавливается у своей двоюродной сестры Анны Григорьевны Козинцевой.

Г.Д.Гинзбургом организованы вечера вернувшегося из Парижа писателя Ильи Эренбурга. Вечера состоятся в Киеве, Ростове, Харькове и Одессе.

Киев. Театр-музыка-кино,
1926. №33. С.6.

— Газета “Харьковский пролетарий” в связи с постановкой в Харькове спектакля “Любовь Жанны Ней” печатает фельетон Дм.Земного “О перерезанном горле Раймонда Ней, о Чарли Чаплине и о прочей беззастенчивой рекламе”:

Вспомните афишу, приглашавшую посмотреть пьесу “Любовь Жанны Ней” по роману Эренбурга:

“Убийство Альфреда Ней”

“Перерезанное горло Раймонда Ней”

“Казнь Андрея”

“Палач-джентльмен”

“В вертепе Парижа”

и т.д .

Ну, чем не знакомый, истошный крик:

“Есть убийство! Есть самоубийство!”

Но, ведь там мальчишки, сбывающие свой товар, а здесь — серьезное, художественное предприятие.

Вообще вся афиша была составлена в “повышенном” тоне:

“Нашумевший роман”

“18 млн. человек прочли книгу Эренбурга”.

Какое ЦСУ учло эту невесомую величину — число читателей книги?

4 июля

Газета “Киевский пролетарий” сообщает:

На днях в Киеве в Домком просе (б. Пролет. Дом Искусств) состоится единственный вечер прибывшего из Парижа писателя Ильи Эренбурга. В программе отрывки из нового неизданного романа “Лето 1925 года”: “Все намечается”, “Чего стыдятся люди”, “Как в фильме”, “Она плавала в маленькой банке”, “О человеческих радостях и человеческом горе” и т.д. Прочтет автор.

6 июля

Журнал “Советский экран” (№27) публикует статью И.Э. “Захват искусства”.

6, 7 и 8 июля

Полесская правда (Гомель) помещает рекламу:

Театр им. Калинина. Четверг, 8 июля. Только один день. Лекция писателя Ильи Эренбурга. Новые произведения. "Лето 1925 г.". Подробности в афишах.

8 июля

Приезд писателя Ильи Эренбурга в Гомель.

В четверг, 8-го июля, в театре им. Калинина состоится единственный вечер приехавшего из Парижа писателя Ильи Эренбурга (автора "Хулио Хуренито", "13 трубок", "Трест Д.Е.", "Любовь Жанны Ней" и др.). В программе новые неизданные произведения: "Лето 1925 года", "Все намечается", "Чего стыдятся люди", "Как в фильме", "Она плавала в маленькой банке", "О человеческой радости и человеческом горе"* и т.д.

Гомель. Полесская правда, 1926, 7 июля.

— В Гомеле, в вокзальном буфете, висело изречение: "Кто не трудится, тот пусть и не ест". За столиками обедали пассажиры спального вагона. Здесь же бродили беспризорные в надежде на подачку. Один пассажир протянул девочке тарелку с остатками мяса в соусе: "Жри!" Подбежал официант (или, как тогда говорили, гражданин услужающий) и, вырвав из рук девочки тарелку, вытряхнул кусок мяса, картошку на лохмотья, заменявшие девочке платье. Я возмутился: никто меня не поддержал. Девочка плакала и поспешно ела.

Я видел в Гомеле спичечную фабрику: директор, бывший рабочий, раненый в боях против Деникина, больной, работал с утра до ночи: не было клея для намазки коробок; он повторял: "Стране нужны спички". Гомельские юноши говорили о боях в Гамбурге, о стихах Маяковского, о будущем. А перед моими глазами стояли тупые, равнодушные физиономии в вокзальном буфете и затравленный ребенок.

ЛГЖ, т.1, с.434

---

* Главы книги "Лето 1925 года".

10 июля

Сегодня единственный вечер прибывшего из Парижа писателя Ильи Эренбурга. Начало в 9 ч. Оставшиеся билеты в кассе Домкомпроса с 12 — 3 и до 5 ч.в. Уполн. Г.Д.Гинзбург.

Киевский пролетарий, 1926, 10 июля.

Среди великолепных признаний, которыми с такой щедростью одарила нас в этот вечер “трагическая щель эренбурговского рта” (не шарахайтесь в сторону — это просто образчик стиля нашего писателя) было одно воистину ошеломляющее признание: все мы, — заявил Эренбург, — должны быть благодарны писателю за то, что он читает нам свои произведения.

Я грустно скомкал билет, где моя благодарность сухо и формально была выражена многозначительной цифрой, и в припадке отчаяния стал обвинять себя в том, что забрал у писателя несколько часов драгоценного времени, распоряжаться которым, по-видимому, имеет право только все человечество в целом.

Но мое преступление было неисправимо. Оставалось только одно — от своего имени и от имени тех, кого так неловко обварил в этот вечер кипятком своего вдохновения Эренбург — здесь же, в этом зале, где еще звучали вдохновенные строки его прозы, поклясться, что времени больше у писателя (как любит себя называть Эренбург) мы отнимать не будем.

Розенцвейг Б. “Человек за бортом (о вечере Эренбурга)”.
Киевский пролетарий, 1926, 14 июля.

10 июля

М.Цветаева пишет Б.Пастернаку:

Получил ли ты “Поэт о критике” и “Герой труда” .(Дано было Эренбургу)

Переписка Б. Пастернака.
М, 1990, с.384

10 и 11 июля

В одесском “Вечернем выпуске Известий” под названием “В Ланде” напечатаны отрывки из “Лета 1925 года”.

11 июля

И.Э. пишет из Киева в Москву В.Лидину:

Где Вы? Когда и куда едете? Вот мой маршрут: — до 18-го Харьков (адрес: Чернышевская 34, кв. Кричевского), 19–20 — Ростов, 21–23 — Кисловодск. Потом Тифлис (адрес: "Заря Востока") и Закавказье — до 5-го или до 20-го августа. Напишите мне в Харьков о Ваших планах. Я ездил в Гомель. Там нет канализации. Я читал там "Лето". Этим сказано все. Утешался путем — по Сожу и Днепру. Вода, сосны, безлюдье, несделанные спички, лапти на палубе и звезды. Это для души. Меланхолия моя, однако, возросла.

— Журнал "Огонек" (№28) публикует рассказ И.Э. "Свидание друзей".

— Георг Гросс посылает из Берлина И.Э. альбом своих рисунков, изданный в 1925 г. в Дрездене.

Собрание И.И.Эренбург

12 июля

И.Э. пишет Е.Зозуле:

За час до отъезда я получил записку из "Огонька". Если что-либо нужно, пишите. Мой адрес до 19 июля — Харьков <...> 2-го августа — Тифлис <...> Я путешествую по рекам и торжищам. Много занятного.

РГАЛИ. Ф.216. Оп.1. Ед.хр.351. Л.3

— И.Г. и Л.М.Эренбурги выезжают из Киева в Харьков; в Харькове они останавливаются у двоюродного племянника И.Э. Александра Моисеевича Кричевского.

14 июля

Харьковская газета "Пролетарий" сообщает:

В субботу 17 июля в Держдраме состоится единственный вечер прибывшего из Парижа писателя Ильи Эренбурга. В программе новые неизданные произведения: "Лето 1925 года" (новый роман), "Чего стыдятся люди", "Как в фильме", "Она плавала в маленькой банке" и другие.

Сегодня открывается предварительная продажа билетов в центральной кассе и театре Держдрама.

17 июля

И.Э. выступает в Держдраме:

Вечер, устроенный 17 июля в Держдраме, несмотря на "не сезон", привлек значительное количество слушателей. Среди последних оказалось много таких, которые, как метко подметил автор, "пришли не столько послушать новую вещь, сколько посмотреть на того, кто пишет". Этим обстоятельством, пожалуй, и нужно объяснить, почему после перерыва в зале осталось не более 40% слушателей.

Харьковский пролетарий, 1926, 20 июля

— На этом вечере к И.Э. подошла его знакомая по Парижу 1909 года М.Н.Левина-Киреева ("Наташа"), которая написала о встрече с И.Э. своей подруге Е.Г.Полонской:

Вы спрашиваете об Илье? Сначала мне показалось, что он очень молодой, и стало завидно; а потом у него были такие старые глаза и усталые морщины. То, что он пишет, — особенно "Лето 1925 года", утомляет и разочаровывает.

И.Э. сообщил об этой встрече Е.Полонской позже:

В Харькове ко мне подошла Наташа ("Тихое семейство", кстати, становится снова и тихим и семейством).

Вопросы литературы, 1982. №9. С.145.

19 июля

И.Э. уезжает из Харькова.

После 19 июля

И.Э., возможно, был в Ростове и дал там литературный вечер.

— По дороге в Тифлис И.Э. останавливается на станции Минеральные воды:

Станция "Минеральные воды" пахнет духами и потом. Здесь искры Нарзана украшают груди, полные заслуженной одышки (так смываются ноли делопроизводства и оттенки платформ). Здесь любят габардин и "Кирпичики". Мечта о ремонте запыхавшегося

человека здесь патетична и наивна, как миф об Аркадии, а беспризорные здесь сугубо злы, — это стаи волчат среди живых, но бездушных джунглей.

Эренбург И. Белый уголь или слезы Вертера., 1928. С.112.

— И.Э. делает остановку во Владикавказе:

Когда выходишь на балкон владикавказской гостиницы и видишь вновь белые шапки бодрствующих пограничников, темнеют глаза, приоткрывается рот: чернь и блеск зрачков над Арагвой повторены мною в такой-то раз, а знаменитый духанщик, "Захар Захарыч", может готовить кварту кахетинского. Я легко приму ее наравне с этим небом и со свободой.

Там же

— Из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге Эренбурги отправляются в Грузию.

22 июля

В "Харьковском пролетарии" опубликовано "Письмо в редакцию" И.Э.:

Буколического беспризорного, стянувшего с лотка яблоко, тащу т в район. Однако, писателей обкрадывать можно. Это делается среди бела дня и заканчивается не протоколом, а рецензиями. Пример — "переделка" романа Эренбурга "Любовь Жанны Ней", которая шла в Харькове. <...>

На улицах Харькова предприимчивые граждане распространяли листовку с "телеграммой". В телеграмме писатель Эренбург поздравлял воров, удачно его обокравших. Телеграмма была подписана "Илья Эренбург". Когда же Илья Эренбург, узнав обо всем этом, направился к гр.Бойму, ответственному администратору описанного предприятия, гражданин Бойм ответил:

Что делать, — нравы у нас такие.

26 июля

В Тифлис приехал из Москвы известный писатель Илья Эренбург, автор "Хулио Хуренито", "Жизни Николая Курбова" и др.

Тифлис. Рабочая правда, 1926, 27 июля.

— Из Тифлиса И.Э. пишет Е.Замятину. (Письмо не сохранилось).

29 июля

Газета “Рабочая правда”(Тифлис) сообщает:

Находящийся в настоящее время в Тифлисе известный писатель, автор “Хулио Хуренито”, “Треста Д.Е.”, “Жизни Николая Курбова”, “Любовь Жанны Ней” и др. — Илья Эренбург в мае вернулся в СССР из Франции.

Во Франции Эренбург близко ознакомился с вопросами кинематографии и по прибытии в СССР сдал в Академию Художественных Наук интересный и характерный в бытовом отношении подбор отрывков из французских фильм.

Между прочим, как у нас уже сообщалось, Госкинпром Грузии предполагает инсценировать его роман “Любовь Жанны Ней” и Илья Эренбург, по всей вероятности, лично примет участие в постановке этой картины.

Что касается изданий новых литературных произведений писателя, то в недалеком будущем в Москве выходит из печати роман “Лето 1925 года”. Осенью же предполагается к выпуску роман “Рвач”. В Тифлисе Эренбург пробудет еще несколько дней, после чего выедет через Батум во Францию.

30 июля

Б.Пастернак пишет М.Цветаевой:

Ты спрашивала о статьях: Поэт о критике и Герой труда. Эренбург их не привез. Не будет ли еще оказия?

Переписка Б.Пастернака. С.391.

— И.Э. в Тифлисе встречается с поэтом Тицианом Табидзе.

Тициан Табидзе дарит И.Э. и Л.М.Козинцевой-Эренбург вышедший в Тифлисе сборник статей о Нико Пиросманишвили с дарственной надписью: “Любовь Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам Тициан Табидзе. 30–7–26 г. Тифлис”.

Собрание И.И.Эренбург.

— И.Э. посещает грузинскую кинофабрику Госкинпрома:

Писатель И.Эренбург ознакомился с отделами фабрики, присут-

ствовал при съемках сцен фильма “Два охотника”. И.Эренбургу были показаны отдельные части еще не выпущенных в прокат новых фильм Госкинпрома: “Преступление княжны Ширванской” (Азербайджан 1), “Наказание” (Азербайджан 2) и “Иллен-Дилки”, а также отдельные куски “Наездника из Уайльд-Веста” и “Изгнанника”. Эренбургом отмечены наиболее интересные по режиссерскому замыслу, техническому выполнению и колориту работы из просмотренных им картин. Куски этих картин он намерен повезти в Париж для демонстрирования в экспериментальном кино “Голубятня”.

Тифлис. Заря Востока.,
1926, 31 июля.

31 июля

“Рабочая правда” (Тифлис) помещает заметку из зала суда:

Тамаре Головковой понравился роман Ильи Эренбурга “Любовь Жанны Ней” — и она решила не возвращать книгу своей подруге Айрапетовой, у которой взяла ее. А вместе с этой книгой забрала еще целую кипу, в общей сложности, на 85 рублей. Айрапетова большая любительница книг; потерю части своей библиотеки она не смогла снести. И подала в суд, требуя возвращения книг.

1 августа

В тифлисской газете “Заря Востока” под названием “Чего стыдятся люди” опубликован отрывок из романа И.Э. “Лето 1925 года”.

После 1 августа

Из Тифлиса Эренбурги выезжают в Аджарию:

Дорога в Худо, однако, — безлюдье, малярийные комары, тропинки для контрабандистов и чалмы мулл. Единственное достояние культуры, знакомое местным крестьянам, — это зонтики. Хоть климат здесь и влажный, любовь к указанным предметам носит явно патологический характер. Я спросил одного пастуха, подымавшегося в гору с раскрытым зонтиком при полном отсутствии дождя, — почему он так утруждает себя? Ответ удовлетворил бы даже швейцара турецкого консульства: “Аллах один знает, когда может пойти дождь” <...>

В деревне Кеды — крохотная мечеть, пестрая как чайный цибик. Она полнится шлепаньем дряхлых ступеней. Здесь еще помнят о небесных родниках, которые слаще меда, и о жестоковыйном пороке. Через речку перекинут новый мост, имени какого-то наркома Аджарии (Меняются наркомы — меняются и дощечки “имени такого-то”).

Эренбург И. Белый уголь или слезы Вертера. Л., 1928. С.196–197.

— Эренбурги прибывают в Батуми:

В Батуми жарко, как в оранжерее. Поэтому в Батуми нет ни “Лиги времени”, ни лефовцев <...> Обедал я с поэтом Яшвили в грязном духане. Поражает количество мух, — от них громко и темно. Яшвили — человек новой культуры. Разговор шел где-то между Пастернаком и сюрреалистами. Ели же патриархально — часов пять подряд, с тостами и пахучими травами. Время от времени мы обменивались тостами с соседними столиками, за которыми сидели наркомы, поэты и носильщики. <...> В передней турецкого консульства оживленно: что ни день, наши пограничники ловят турка с контрабандой. Консулу приходится вступаться за своих сограждан. Как видите, это — не синекура. Но швейцар консульства читает Платона (по-арабски) и философски смотрит на жизнь.

Эренбург И. Белый уголь или слезы Вертера. Л.: Прибой.,1928. С.195–196.

6 августа

Эренбурги отправляются из Батума в Марсель морем. Пишут открытку в Тифлис Тициану Табидзе:

Сердечный привет. Пишем уже с отошедшего парохода. Ваш И.Эренбург. Самый лучший привет Вам и Вашим. Л.Эренбург.

Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964.С.238.

6–7 августа

Эренбурги делают остановку в Трапезунде (Трабзон):

Верный традициям, я попал с парохода на бал, ну, если не на бал, то на пикник “Красного Полумесяца”. Вокруг стола, в саду заго-

родной дачи сидели должностные лица города, политические деятели, местная интеллигенция, а также дипломатический корпус, то есть сотрудники нашего консульства. Они пили пиво и сосредоточенно глядели в большой рупор граммофона. Что касается советского консула, то он дипломатически улыбался.

Эренбург И. Белый уголь..., С.198.

После 8 августа

Эренбурги останавливаются в портовом городке Инеболи:

Инеболи лежит в глубокой долине. Сюда не доходят ни ветры, ни реформы <...> Кофейня — это кабинет, спальня, столовая и даже ванная любого турка <...> Сидя здесь, на высоком диване грязной кофейне, я, кажется, изменяю Западу. Напротив меня пишут прошение о пособии. Если б я знал, кому его адресовать, я написал бы здесь, в глухом Инеболи, прошение о мудрости и о сне.

Там же. С.203, 206, 207.

10 августа

Газета “Заря Востока”(Тифлис) сообщает:

Госкинпром Грузии приобрел у И.Эренбурга сценарий романа “Любовь Жанны Ней”. Сценарий значительно изменен в сравнении с романом, особенно в части, касающейся обрисовки героя романа Андрея. К съемке предполагается приступить осенью. Часть сцен будет заснята в Париже и Берлине.

— В Стамбуле И.Э. знакомится с секретарем Советского торгпредства в Турции П.А.Павленко:

Познакомился я с ним еще в 1926 г. — я был проездом в Стамбуле, и он мне показывал святую Софию.

ЛГЖ. Т.2. С.339.

12 августа

Эренбурги делают остановку в Афинах:

Запахом Афины чрезвычайно напоминают Гомель. Столицу Греции сближают с нашим, чуждым античному миру, городом отсутствие канализации и специфичность кухонных запахов <...> Без гру-

сти я покидаю новые Афины. Без грусти покидаю я и Акрополь. Лучше жить вдали от этих камней.

Эренбург И. Белый уголь. С.219, 223.

15 августа

Парижская газета "Дни" печатает "Лето в Париже" — отрывок из романа И.Э. "Лето 1925 года" с редакционным предисловием:

Этот отрывок мы заимствуем из московского журнала "Прожектор" №8 не ради художественных достоинств, которых в нем нет. Мы лишь хотим показать трудящимся русским людям Парижа, в каком виде их жизнь и труд изображаются на родине. Мимо клеветнических писаний г.Эренбурга можно бы пройти с тем презрением, которого они заслуживают. Но не следует упускать из виду, что большевистская печать умеет обрабатывать общественное мнение, — и, быть может, в России найдется немало людей, которые этим гнусностям поверят.

17 августа

В берлинской газете "Руль" рецензируется роман И.Э. "Любовь Жанны Ней":

Роман международный. Два образца перед нами: роман франко-русский "Жанна Ней" Эренбурга и роман русско-прусский "Города и годы" Константина Федина. Вышло у обоих пребойко, особенно у Эренбурга — бойко казашка пишет, — бойкое перо. Но если всю правду сказать, то роман Эренбурга стоит уже совсем за пределами литературы.

18 августа

И.Э. проплывая между Сицилией и Сардинией пишет Е.Полонской:

Плыву. Харч хороший. Подают 10 блюд, безбрежное море и почтовую бумагу. Твори, пиши! /.../ Материалу на 10 томов. А как писать? Ке фер? Фер то ке? Впрочем, в Париже будет видно. Там я сяду в кафе, нет, в "кафенионе" — вот никогда не знал до посещения Афин, что заседаю в учреждении, которое рифмуется

хотя бы с “Парфеноном” — и высижу <...> В России меня больше всего поразили кошки московских переулков когда светает, патетичность рек и емкость грузинских желудков. Я напишу еще одну “Жанну”, ты возмутишься и все Тыняновы мира поставят надо мной крест. Мне очень нравится “Дело Артамоновых”. Но я не знаю, как писать.

СФ

— И.Э. пишет Н.Тихонову:

Тирренское море. Я пишу Вам на пароходе. Мы плывем уже 14-й день и нет ничего более крепкого, — для уничтожения и воли и логики, нежели это синее изобилие, льющееся в иллюминаторы и в глаза. А когда под утро я шел московскими переулками с Тверской на Смоленский рынок, кричали коты, было призрачно светло, били беспризорных и стояла русская условность — любовь. <...> 10 лет я пытался (внутренне) преодолеть это, стать писателем европейским, чтобы в итоге понять — от этого не уйти <...>

Я побывал на Кавказе и (хоть ненадолго) в Турции. Были часы, когда с Вами я мог бы без натяжки разделить страсть к Востоку.

19 августа

Проплывая возле берегов Сардинии по пути в Марсель, И.Э. пишет в Москву В.Лидину:

Завтра я буду уже в Марселе и оттуда незамедлительно вышлю Вам “Эку”*. Пришлю Вам также вскоре фотографии (помните, я Вас снимал возле Вашего дома <...> Дорога Батум-Марсель достойна всяческих похвал. Особенно интересны порты Анатолии, где сохранился докемальский быт. Константинополь чудесен и отвратителен (помимо, разумеется, Акрополя). Я не получил итальянской транзитной визы и Сицилию рассматривал в бинокль. Плывем мы уже 15 дней, однако я жалею о том, что дорога кончается: еще бы месяц и удалось бы, пожалуй, отдохнуть. А теперь впереди каторжная работа — как Вы знаете, я набрал тьму авансов. К московским обя-

* Марка фотоаппарата.

зательствам прибавились: 1) книга статей для "Пролетария" 2) сценарий для "Уфа" 3) сценарий для грузинского кино 4) Заря Востока. Тяжко! Когда будете в "Зиф'е" намекните им, что новый мой роман они получат не в октябре, а в декабре, т.к. мол, путешествие Эренбурга затянулось.

25 августа

"Ленинградская правда" помещает "Книжные новости":

Новый роман И.Эренбурга "Белый уголь" или "Слезы Вертера Льюса"* издает "Прометей".

Конец августа

Прибыв морем в Марсель, Эренбурги совершают путешествие по югу Франции, посещает Андорру и там через границу не имея визы, проникает в Испанию, добираясь до городка Сео-де-Уржель:

В Испанию я попал случайно, как во двор с раскрытой калиткой. Радивость писателя и нерадивость пограничника заменили визу <...> Вспомните, что жизнь коротка, а консулы бессердечны, и вы легко поймете все соблазны контрабандного туризма. Агент секретной полиции, показав прикрытый пелериной значок, посоветовал мне укротить не соответствующее международным отношениям любопытство. Я увидел только два города, несколько деревень, множество офицеров в различных мундирах, мулов, небо и воздух.

Эренбург И. Белый уголь. С.223–224.

29 августа

И.Г. и Л.М.Эренбурги из Сео-де-Уржеля посылают в Москву на адрес Еврейского Камерного театра открытку с приветствиями Н.И.Альтману:

Сердечный привет. Ваш И.Эренбург.

Здесь не киевский пляж. Хороший харч, но матросы в почете.

---

* Воспринятое на слух название сборника "Белый уголь или слезы Вертера льются" издательства "Прибой".

Испанское вино погубило меня, а И.Г. решил, что я должна написать Вам /.../ Л.Козинцева.

ОР РНБ.Ф.1126. Ед.хр.378.

Август

Вышел четвертый номер “Звезды” со статьей Н.Терещенко “Конструктивный нигилист под маской американизированного романтизма (о “Рваче” Эренбурга)”:

“Рвач” окончательно определяет роль Эренбурга в современной литературе. Его романы по своей форме — проекция драм экрана на литературную плоскость <...> В целом “Рвач” это — местами довольно остроумное литературно-изломанное выражение иногда трюковой, иногда сентиментально—подсахаренной мещанской фильмы, разбавленной идеологически-эмоциональным, достаточно опошленным экстрактом из Достоевского и модернистов плюс иногда растянутая, как старческое брюзжание, иногда хлесткая, как ругань парижского апаша, сатирическая публицистика талантливого, но безыдейного фельетониста. Безыдейность и страсть к щекочущим нервы контрастам на почве коренного психологического свойства — рефлексии доводят Эренбурга до того, что он нередко сам себя кроет, подрывая серьезность своей контрреволюционности на одной странице неожиданным взрывом революционности на другой. Но объективно в наших условиях “Рвач” есть характернейший пример литературно-художественного оформления идеологии новой буржуазии типичным “попутчиком сменовеховского типа”.

2 сентября

Парижская газета “Возрождение” под заголовком “Блудливый козел” публикует открытое письмо П.Я.Рысса И.Э.:

“Дни” перепечатали из московского “Прожектора” статью вашу “Лето в Париже”. И знаете, Илья Григорьевич, я испытываю подлинные угрызения совести, что заставил вас так страдать в этом проклятом Париже. <...> Итак, вы оказались, в конце концов в Париже, без которого, уверяли, не можете жить, вне которого не в состоянии творить. И вы творили и творите, пишите без отдыха, обо всем и ни о чем /.../Вы хотите дать тип русского за границей <...> Гляди, мол,

Россия, как и чем живет эмигрантщина. <...> Вы изображаете растленный, гнилой Запад, обреченный на гибель, разлагающийся заживо. <...> А если вдруг все это попросту ... вранье? <...> Господь дал нам слово, оно священно, особенно, когда запечатлено на бумаге. И слово лжи, слово фальши, слово змеиное — страшное преступление перед Богом, перед своей совестью, перед людьми.

Лучше молчать, чем лгать, фальшивить и соблазнять неправдой. <...> Господь дал вам небольшой талант, остроту глаза, способность к приспособлению, несомненный, хотя и очень земной ум.

Этот ваш небольшой талант вы обязаны хранить, как Божий дар, не растрачивать, а, напротив того — совершенствовать и утверждать в правде. Что делаете вы с данным вам талантом? Имеете ли вы право перед своей совестью, как гибка бы она ни была, опускаться до последней ступени скверной выдумки, до соблазнения противоестественной мерзостью? Даю вам слово, Илья Григорьевич, я читал вашу статью с ужасной болью за вас, с тоской человека, на глазах которого духовно сам себя убивает другой человек.

— Парижская газета “Возрождение” сообщает:

В московском издательстве “Круг” вышла книга И.Эренбурга “Лето 1925 года”.

5 сентября

Утром из города Фуа сюр Арьеж (возле Андорры) перед тем, как отправиться поездом в Париж, И.Э. пишет письма:

Н.Тихонову:

Я успел за это время побывать в Испании, хоть недолго, зато вполне авантюрно, т.е. без визы, благодаря доброте пограничника и своему легкомыслию. Будь я один, я добрался бы до Барселоны. Жаль было поворачивать назад во Францию.

В.Лидину:

Я побывал — вполне контрабандно — в Испании <...> Меня остановили лишь в Seo, т.е. в 60 км. от границы. Я успел поглядеть два города. Презанятная страна! <...> Пора в “кафейон” — за работу.

— Вечером Эренбурги приезжают в Париж; И.Э. отвечает на письмо С.Буданцева:

Я только что приехал в Париж <...> Сразу обрушиваюсь с просьбами: 1) Мак-Орлан вопреки договору и обещаниям до сих пор не получил гонорара <...> 2) Вышли ли в "Укргизе" мои "трубки" <...> 3) Вышел ли "Хуренито"?

Очень прошу уж ответить мне. В ближайшие дни предприму все для издания "Мятежа".*

ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №10. Л.1.

Начало сентября

И.Э. начинает работать над путевыми очерками о поездке из Батума в Париж "Глазами проезжего".

10 сентября

Б.Пастернак пишет жене в Берлин:

Вероятно, те же книжки в Париже может достать Илья Григорьевич. В согласьи с этим – просьба. Напиши обязательно Борису Ильичу <Збарскому> (я его адреса не знаю). Попроси его в этом письме снестись с Ильей Григорьевичем Эренбургом, 64 Avenue du Maine, Paris 14, с тем, чтобы он у Ильи Григорьевича взял книжки, приготовленные для меня.

Пастернак Б. Переписка с Евгенией Пастернак. М.,1998.С.217–218.

11 сентября

И.Э. пишет Е.Зозуле:

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: вышлите мне 3 экз. того "Огонька" (за июль), в котором был напечатан мой рассказ "Свидание друзей". Я не привез ни одного, а здесь у меня срочно требуют для перевода /.../ Когда выйдет моя книжица в "Огоньке"?

РГАЛИ, Ф.216, оп.1, ед.хр.351, л.1

Не позднее 13 сентября

И.Э. пишет Б.Л.Пастернаку:

Дорогой Борис Леонидович, пишу Вам второпях несколько слов.

---

* Роман С.Буданцева.

Я посылаю Вам часть фотографий. Другая часть послана Евгении Владимировне* в Берлин, как Вы просили. Я послал Вам "Commers" с переводами Ваших стихов. Русские книги пришлю с оказией. Жду от Вас писем и новых частей "Пятого года". Обнимаю.

Архив семьи Б.Л.Пастернака (Москва)

14 сентября

Е.В.Пастернак пишет из Берлина в Москву Б.Л.Пастернаку:

Вчера получила письмецо от Любовь Михайловны и карточки. Ты с Женичкой на некоторых хорош, но я – Боже мой, какая гадость, если я действительно там на себя похожа...

Комментарии Е.Б.Пастернака: Исполняя папину просьбу, мама написала Эренбургу в Париж. Его жена Любовь Михайловна прислала нам фотографии, которые Илья Григорьевич сделал у нас во дворе на Волхонке. Это очень удачная серия: папа получился в естественных и живых позах – в фас, в профиль, со мной на руках, и все мы втроем с мамочкой.

Пастернак Б. Переписка с Евгений Пастернак. М.,1998. С.224–225.

Середина сентября

И.Э. пишет заметки о кино "Материализация фантастики" и начинает работать над романом "В Проточном переулке".

25 сентября

В ленинградской "Красной газете" рецензия В.Друзина на роман И.Э. "Лето 1925 года".

28 сентября

Московская газета "Кино" сообщает:

Парижский кинотеатр "Vieux Colombier" открывает сезон лекцией И.Эренбурга о советском кино с иллюстрацией отрывков последних работ Эйзенштейна, Пудовкина, Кулешова, Роома, Фэксов и др.

— И.Э. пишет в Москву С.М.Эйзенштейну:

---

* Е.В.Лурье, первая жена Б.Пастернака

Дорогой Эйзенштейн, прошу Вас присмотреть, чтобы Госкино направило "Совкино" отрывки из "Стачки" и "Потемкина". "Vieux-Colombier", который устраивает лекцию-демонстрацию, берется добиться разрешения на демонстрацию отрывков, а это может послужить и для пропуска всего фильма.

РГАЛИ. Ф.1712. Оп.1, Ед.хр.561. Л.1.

30 сентября

В тифлисской газете "Заря Востока" опубликован очерк И.Э. "Грузия".

Сентябрь

Журнал "Новый мир" (№8–9) помещает статью И.Евдокимова "Илья Эренбург":

Советская Россия, вполне понятно, не переносима для Эренбурга, он должен задыхаться здесь в новых складывающихся бытовых условиях: человеку, не верящему в массы, не замечающему их, тягостно слышать гул многомиллионных шагов. На Запад! На Запад! Там еще держится знакомый и родной уклад, там еще действуют на свободе индивидуалистические герои, охранительная палка в надежных руках, в кафе, на народе не страшно. Там выливается накопленный яд презрения, ненависти, пресыщения в главы, в повести, в романы — и ввозится в Россию. Эренбург служит своему классу по-настоящему.

Молодая послереволюционная литература еще недостроенное здание: подвозится строительный материал, бьют бут, закладывают фундамент — Эренбург в этом строительстве не участвует, он чужой, инородный этой литературе. На ноге у него грузная колодка. Вся духовная организация Эренбурга явственной, ощутимой пуповиной прикреплена ко вчерашнему дню.

Другие писатели взрывают новизну русской литературы, взрывают всерьез и надолго. Эренбург будет обслуживать только злорадствующего читателя. Эренбург сидит на табуретке о трех ножках. Это ему кажется оригинальным, но устойчивость такой табуретки по его же признанию более чем относительна. Трудно предсказывать, но наличие в прозе Эренбурга, правда, небольши-

ми прослойками, подлинной художественности, а порой и какого-то правильного "видения России" еще внушают некоторую надежду.

2 октября

Журнал "Красная панорама" (№40) публикует под рубрикой "Литераторы о себе" автобиографию И.Э.

Здесь же помещена и автобиография М.М.Шкапской:

Лицом, связавшим меня с литературной жизнью, был Илья Эренбург, руку которого я всегда ощущала и в своем творчестве.

3 октября

М.Пришвин пишет М.Горькому:

Сейчас торжествует "международный писатель" (Эренбург, Пильняк и другие), все они талантливые, быстрые, умные люди, но они принципиально борются с виталином.

Горький и советские писатели. Литнаследство. Т.70. М.: Наука., 1963. С.333.

7 октября

И.Э. пишет из Парижа в Одессу Л.А.Ротман:

"Лето" не дневник, а "роман" <...> Думаю, что теперь Вы уже получили его в Одессе и читали. Сейчас я засел за новый роман — московский. Он будет называться "Жестокая идиллия" или "В Проточном переулке". У нас бабье лето и цветут каштаны. Но мне скучно в Париже. Я не хочу никого "заговаривать" и если б не работа, я, чего доброго, бы повесился.

СФ

9 октября

Ленинградская "Вечерняя красная газета" очерком "Батум" начинает публикацию путевых записок И.Э. "Глазами проезжего".

14 октября

Московская "Наша газета" помещает рецензию на роман И.Э. "Лето 1925 года".

15 октября

В “Вечерней красной газете” — очерк И.Э “Трапезунд”.

19 октября

И.Э. пишет Е.Зозуле:

Я послал Вам больше месяца тому назад письмецо с надоедливыми просьбами. Решаюсь повторить их, хотя знаю как Вы заняты всей редакционной канителью и как я должен Вам стать противен.

Вот в чем дело: 1) мне нужен № “Огонька” (кажется, в июле), где был напечатан мой рассказ “Свидание Друзей”. <...> 2) вышла ли моя книжица? Если вышла, пусть пришлют мне и ее.

РГАЛИ. Ф.216. Оп.1. Ед.хр.351. Л.5.

— В “Вечерней красной газете” очередной путевой очерк И.Э. — “Инеболи”.

20 октября

И.Э. пишет С.Буданцеву:

Спасибо за письмо. Книга Мак-Орлана была издана в очень малом количестве экз. по подписке, что рассматривается здесь как — “на правах рукописи”. <...>

Я передал один экз. “Мятежа” чешскому издательству “Aventinum”.

ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №10. Л.2.

23 октября

“Вечерняя красная газета”, продолжая публикацию путевых очерков И.Э., печатает “Стамбул”.

25 октября

И.Э. получает письмо от Е.Полонской и отвечает ей:

Я пишу новый роман “В Проточном переулке”. Он старомоден и ... сентиментален (хоть боюсь, что оптимизм этот вовсе не ко двору — скажут “мещанский уют”, “проповедь малых дел”). Я накануне реабилитировал Тургенева. Читал новые русские книги. Плохо. Кроме Бабеля и ... Горького, ничего. Прочла ли ты “Лето”?

Что думаешь о нем? Что говорят о нем и пишут? Да и говорят ли или вовсе я стал никому ненужным? (Вот мой оптимизм!)

— На литдиспуте в Москве Л.Н.Сейфуллина обвинила “служилое сословие издательских критиков” в том, что оно читает не то, что написано, а то, что подразумевается за словами <...> Их лозунг — “держать и не пущать”. Сейфуллина привела много таких примеров, среди них и запрещенного “Рвача”.

Жизнь искусства, 1926. №44. С.12.

26 октября

“Известия” публикуют рецензию на роман И.Э. “Лето 1925 года”:

Это наиболее провальная вещь талантливого автора “Хуренито”. “Лето” — никому не нужная, нудная жвачка о самом себе и парижских подонках. В целом книга носит характер безыдейной халтуры, не оправданной своим появлением в свет.

27 октября

И.Э. пишет В.Лидину:

Мне приходится исступленно работать, покрывая полученные (и, увы, потраченные уже) авансы. Написал статьи для “Красной газеты” о путешествии, книгу о кино и половину нового романа, который будет называться “В Проточном переулке”, роман психологически-бытовой, мещанский, по старинке. Боюсь, что не напечатают.

Что нового в Москве? Как “напостовцы”, Горбачев и пр.? <...> Писали ли что-либо о “Лете”? Говорили ли о нем? Или (что скорей всего) оказался он совсем не ко двору и не по времени? Есть ли надежды, что, наконец-то, выйдет “Рвач”? <...> Я очень скучаю по России на сей раз и, думаю, долго здесь не высижу. Пока и подумать нет времени — все пишу, пишу. В конце октября

— И.Э. переезжает на новую квартиру — улица Лас-Каз, д.19:

Я живу теперь в почтенном доме на улице Лас-Каз. Это — в самом сердце квартала Сен-Жермен, квартале министерств, посольств и антикваров. Если б домам давали отличия, я убежден, что этот дом щеголял бы розеткой “почетного легиона”. Ему никак не менее ста лет, и скоро, надо надеяться, он будет

приобретен, вместе с его обитателями, каким— нибудь любителем древностей из штата Огайо. Винтовая лестница, таинственные коридоры с чуланами, в которых наверное запирали малолетних героев Бальзака, шкапы ампир, падающие при первом к ним прикосновении, столы Луи-Филиппа, годные только для спиритических сеансов, а среди всего этого — великолепная старая моя знакомая, дымящая вовсю "буржуйка", присутствие которой здесь не оправдано пресловутыми "интервенцией и блокадой".

Таких домов в Париже множество. Центральное отопление — это модное нововведение, чуть ли не снобизм, а ванная комната — признак роскоши. Даже электричество еще не вытеснило керосиновых чадилок. Что касается парижских уборных, то они все просятся в музей (Директория? Или тридцатые годы?) Снаружи дома покрыты приятной копотью времени: они ведь дышали и факелами императорских парадов, и порохом добрых четырех революций. На них горделивые надписи: "Вода во всех этажах" или "Запрещено наклеивать афиши. Закон 1888 года".

Эренбург И. Белый уголь или слезы Вертера.
Л., 1928. С.58.

Rue Las Cases, наверное, самый респектабельный из парижских адресов Ильи Эренбурга. Он снял здесь квартиру, вернувшись в 1926 году из Москвы — удачные московские и тифлисские контракты вселяли надежду на предстоящее длительное благополучие. Длилось оно, увы, совсем недолго, и Эренбург не прожил на Лас-Каз и трех месяцев. Туристу нетрудно найти эту небольшую тихую улицу — она параллельна бульвару Saint Germain и перпендикулярна rue de Bellechasse, ведущей к знаменитому музею D'Orsay на берегу Сены. Еще десять лет назад дом 19 на улице Лас-Каз был покрыт стародавней копотью, которую упоминает Эренбург в эссе "Новая архитектура", но сегодня он сверкает белизной, как новенький — очистка домов исторического центра Парижа, начатая Андре Мальро, продолжается. Дом четырехэтажный, шириной всего в три окна; пятый этаж — мансарда. Этажи — высокие (соседний, обычный парижский дом, при той же высоте имеет пять этажей). Внизу прежде было кафе, теперь — магазин. Через два дома №19 возвышается

эффектное здание собора Св.Клотильды — построенное в XIX в. и стилизованное под готику XIV-го.

Фрезинский Б. Парижские адреса Ильи Эренбурга.
(Рукопись, СФ.)

30 октября

В “Вечерней красной газете” очерк И.Э. “Галата”.

31 октября

И.Э. пишет Е.Замятину:

Я очень много работаю (набрал авансов и пр.) Сейчас пишу роман “В Проточном переулке” психологически-бытовой. Читали ли Вы “Лето 1925 года”? Мне очень хочется знать Ваше мнение о нем, если будет свободная минута — напишите.

Вышли ли Ваши пьесы в виде книги? Ежели вышли, пришлите мне — и почитать хочу и пристроить их можно. На Западе показалось мне как-то скучновато. Угрюмо, может быть, “оптический обман”.

— В “Вечерней красной газете” очерк И.Э. “Афины”.

Октябрь

В пражском журнале “Воля России” (№10) Н.Мельникова-Папоушек в связи с выходом “Лета 1925 года” пишет:

Позволю себе сделать одно последнее, чисто местного, пражского, характера замечание: на 9-ой странице как одна из причин бедствий, постигших автора, выставляется тот факт, что “чехи отказались платить за переводы, ссылаясь на отсутствие конвенции”. Эренбурга в Чехии переводят много, но случай с неплатежом был, по собранным мною сведениям, один — платить отказалось Чешское Коммунистическое издательство, выпускавшее Эренбурга в дешевых книжечках.

— Московский журнал “Комсомолия” публикует рецензию на “Лето 1925 года”:

Сейчас уже мало кто будет оспаривать, что Эренбург хотя и талантливый писатель, но, как художник, большой значимости не имеет. Эренбург — талантливый журналист, фельетонист, памфлетист

и только. Его последняя книга “Лето 1925 года” есть ничто иное, как собрание фельетонов.

4 ноября

И.Э. получает письмо В.Лидина и отвечает ему:

Пожалуйста, обругайте “Зиф”: не шлет денег. Придется, как будто, разрывать договор. Получили ли Вы рецензии, которые я послал Вам? <...> Я написал уже 2/3 “Проточного переулка”. Роман будет маленький, листов на 8. Правда ли, что в Москве все ругают “Лето”? <...> Хотя я предаюсь воспоминаниями об Абрамцеве, о Рублеве, читаю Гоголя, ахаю вроде Тихона Ивановича и пр, и пр. ничто здесь не веселит меня. Круг “западничества” моего, видимо, окончен.

5 ноября

В “Вечерней красной газете” очерк И.Э. “Сео-де-Уржель”.

6 ноября

Очерком “Марсель” “Вечерняя красная газета” завершает публикацию путевых заметок И.Э. “Глазами проезжего”.

11 ноября

И.Э. получает подробное письмо В.Лидина и отвечает ему:

Здесь Зозуля. Грустно это, то есть не думается мне, чтоб он мог вывезти что-либо из Парижа, кроме новой тройки <...> Пильняк на октябрьском приеме в полпредстве “представлял” в единственном числе (нет, еще Аросев!) совлитературу. Вышел роман Пильняка на французском (“Голый год”). Успеха нет. Это слегка расхолодило издателей. Заметку в “Известиях” видел. Если можно, пришлите статью из “Звезды” и из “Книгоноши”. <...> Роман мой близится к концу <...> Статья о Вас была не Иванова, а Адамовича, впрочем, это все равно.

12 ноября

С.Розенталь пишет для ГИЗа внутреннюю рецензию на роман И.Э. “Рвач”:

Задача редактора "обезвредить" (но не советизировать — это бесполезно) Эренбурга. Задача предисловия — объяснить эренбурговское творчество и нужность его — несмотря на неправильность подхода — для советской интеллигенции <...> Итак, три задачи стоят перед редактором:

1. Обезвреживание острых страниц, отнюдь не переделывая и не прибавляя от себя ни единого слова, ни единой строчки.

2. Ликвидация "натуралистических" мест.

3. Сокращение до минимума "публицистики" Эренбурга, которая по качеству стоит ниже продукции заурядного фельетониста провинциальной газеты.

РГАЛИ. Ф.1204. Оп.1. Ед.хр.114. Л.1 и 1 об.

13 ноября

Состоялся просмотр советской фильмы "Броненосец Потемкин", организованный парижским торгпредством совместно с французским Синема-клубом. Публичная демонстрация этой фильмы до сих пор во Франции не разрешена. Кроме фильмы, были показаны еще Ленин и шелковистые черви. Публика допускалась только по особым приглашениям. Тем не менее во время демонстрации фильмы разыгрался скандал. Вмешалась полиция, которая одних успокоила, а других вывела из зала.

Париж. Последние новости., 1926, 16 ноября.

Я помню, как "Потемкина" показывали тайком в маленьких залах Парижа, Берлина, Лондона. Сильные мира сего боялись катушек с пленкой, как страшного взрывчатого вещества.

Эренбург И. Речь памяти Эйзенштейна (1948).
Искусство кино,1968. №1. С.115.

20 ноября

М.Горький пишет А.Воронскому:

А "25-й год" Эренбурга! Какое бесстыдное вранье! Он сидел в "Ротонде", как всегда, конечно не работал на бойне баранов и т.д. Зачем все это пишется? И какой глупенький нигилизм!

Архив Горькогою.
М.: Наука., 1965. Т.Х. С.44.

23 ноября

И.Э. пишет В.Лидину:

Только что закончил чтение Вашего романа* Вы написали очень хорошую книгу. "Корабли", полагаю же, лучшая из Ваших книг. Вы каким-то краем вернулись к тому, с чего начали (Вспомнилось наше первое знакомство у Кара-Мурзы. Вы читали рассказ, кажется "Звездная буря"). Но теперь в этом же Вы мудрее и мужественнее <...> Я кончил мой роман (маленький, 7–8 листов). Заранее предвижу все нападки: 1) апология мещанства 2) введение романтически гротескных фигур в быт и пр. Думаю вскоре сесть за исторический роман — русские в Париже в 40-е г. прошлого века**. Статей Евдокимова и в "Звезде" о "Рваче" не читал. Если можете, пришлите — любопытно <...> Что слышно в Москве нового? Был (да и есть) Зозуля, но от него мало что добьешся /.../ Мои дела весьма плачевны, т.к. валюта пала, а цены нет, и жизнь здесь теперь дорога, как в Германии.

— И.Э. получает письмо директора издательства "Земля и фабрика" поэта В.И.Нарбута с сообщением об отказе Зиф'а печатать "Рвача"; сообщив об этом в дополнительном письме В.Лидину, И.Э. пишет:

Нельзя ли дать "Рвача" теперь нашему одесскому мучителю*** /.../ Боюсь за "Проточный" /.../ "Рвач" роскошно издали чехи.

28 ноября

В "Правде" — рецензия А.Лежнева на роман Пьера Мак-Орлана "Желтый смех":

Русскому читателю роман Мак-Орлана напоминает Эренбурга. Та же несколько фельетонная острота сюжета, та же плакатная упрощенность в обрисовке действующих лиц, тот же пессимизм, безверие и упадочность. <...> Мак-Орлан сильнее и тоньше Эренбурга. Ему удаются такие, полные мрачной силы сцены, которые ле-

* Роман "Идут корабли" .
** Этот замысел осуществлен не был
*** некто Дозорец, владелец одесского издательства "Светоч".

жат вне возможностей Эренбурга (лагерь больных “желтым смехом”, нападение толпы на клоунов). Он лучший наблюдатель и стилист <...> Но некоторые главы романа (конец) поразительно напоминают “Трест Д.Е”.

Ноябрь

Опубликована рецензия К.Локса на “Лето 1925 года”:

Было бы слишком несправедливо считать эту новую книгу Эренбурга серьезной, правдивой и т.п. Если бы мы судили так, нам оставалось бы только пожалеть о нем и написать небольшой некролог. Но этого делать не следует. Перед нами очередная выдумка и неудачная попытка написать книгу в каком-то пикантном и занимательном стиле. Этот стиль Эренбургу не удался.

Красная новь, 1926. №11. С.246.

1 декабря

И.Э. пишет Е.Полонской:

Посылаю тебе экземпляр “Лета”. Прочти на досуге и отпиши, как тебе оно понравилось.

Получил я несколько статеек, в которых “Лето” это ругают прямо немилосердно. Не знаешь ли ты, в чем дело? Погода что ли такая? Просьба к тебе: загляни в “Вечерку” и разругай их всячески, пренебрегая девичьим стыдом. Эти скоты, во-первых, посмели произвести наглейшие купюры в моих “турецких” статьях, во-вторых, не шлют денег <...>

Я разжигаю “буржуйку”, живу в аристократическом квартале Сен-Жермен (квартирный кризис!) и страдаю от того, что даже уборная здесь в стиле директории. Кончил роман. Теперь работаю над книгой “Белый уголь или слезы Вертера льются” — статьи.

— Подготовлен к печати №8 журнала “Печать и революция” с рецензией Л.Войтоловского на книгу И.Э. “Условные страдания завсегдатая кафе”:

Пересказ, надо сказать правду, получился у И.Эренбурга вымученный и скучный. Вряд ли у кого другого, кроме лиц профессионально обязанных, хватит терпения дочитать до конца это бессильное пустословие с такими развязно-бессильными потугами на иро-

ническое глубокомыслие и парадоксальную хлесткость. Эту, выражаясь стилем самого Эренбурга, “нескромную отрыжку” чересчур запоздалого футуризма.

4 декабря

И.Э. получает письмо С.Буданцева и отвечает ему:

Мак-Орлан денег до сих пор также не получил. Выслали ли? Он очень Вас просит также присмотреть, чтобы высланы были ему переводы “Красавицы” и “Зверя” <...> Элленсу пишу. Я думаю, что оплату, хотя бы маленькую, можно провести в виде специального предисловия к русскому изданию: странички три. Если это Вам кажется подходящим, а книга стоящей, то напишите ему об этом, причем можете писать ему по-русски, так как у него русская жена (он с ней перевел и издал по-французски стихи Есенина).

Не сердитесь, что я Вас утруждаю дипломатическими делами, но думается, этим Вы оказываете услугу и всей нашей русской литературе, ибо “долг платежом красен”, а у французов все основания не жаловать нас.

ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №10. Л.3.

7 декабря

И.Э. получает письмо одесского издателя Дозорца с сообщением о его намерении выпустить “Рвача” в сокращенном и обработанном виде в счет погашения долга писателя. И.Э. отвечает ему предложением подписать новый договор и запрещает какие-либо изменения в тексте за исключением купюр гублита. Письмо Дозорца И.Э. отправляет Т.И.Сорокину. Одновременно он пишет В.Лидину:

Очень прошу Вас в это дело срочно вмешаться /.../ Я требую от него, чтобы все купюры были бы оправданы помарками в рукописи лита.

11 декабря

— “Ленинградская правда” публикует рецензию на “Лето 1925 года”:

Читатель, размышляющий о судьбах современной литературы, скажет:

— Куда же дальше идти писателю Эренбургу? Ведь за последней чертой упадничества и интеллигентской гнили не остается ничего, кроме перепевов своей же потускневшей идеологии и дальнейшего штампования давно уже заштампованных приемов бульварного романа.

Середина декабря

Редакция журнала “Огонек” объявила о создании “первого в СССР коллективного романа, в котором примут участие 25 известных русских писателей: 1) А.Аросев, 2) И.Бабель, 3) Ф.Березовский, 4) С.Буданцев, 5)Артем Веселый, 6) А.Грин, 7) Ефим Зозуля, 8) А.Зорич, 9) Мих.Зощенко, 10) Вера Инбер, 11) Ив.Касаткин, 12) Михаил Кольцов, 13) Бор.Лавренев, 14) Л.Леонов, 15) Ю.Лебединский, 16) Вл.Лидин, 17) Г.Никифоров, 18) Л.Никулин, 19) А.Новиков-Прибой, 20) А.Свирский, 21) М.Слонимский, 22) Алексей Толстой, 23) К.Федин, 24) Илья Эренбург, 25) А.Яковлев.

Каждым из участников романа будет написана одна глава, причем замысел, фабула и герои романа являются едиными.

Таким образом “Огонек” создаст единственный в своем роде художественный документ, в котором будут сосредоточены особенности стиля и характер творчества всех ныне существующих литературных групп в лице их виднейших представителей.

Огонек, 1926. №51.

— И.Э. встречается с приехавшей в Париж В.М.Инбер.

— И.Э. посылает Т.И.Сорокину письмо одесского издателя Дозорца, прося подписать договор лишь после ознакомления с подготовленным для печати текстом книги.

— И.Э. пишет В.Лидину:

Я делаю все, что могу, касательно французских переводов. Но это очень трудно. Здесь мало разбираются кто и что. Лучший поэтический журнал печатает стихи некоего Гатова, как образец русской поэзии. “Эроп” взял из всех имен одно — Зозулю. Инбер читает доклады о конструктивизме и т.д. <...> Якобсон пишет,

что он с трудом вырвал для Вас 500 крон. Мне сообщают, что Крупская в альманахе "Удар" пишет, что Ленину нравились мои книги*. Не можете ли раздобыть мне эту книгу, также "Новый мир" со статьей Евдокимова и "Звезду" со статьей Горбачева.

Декабрь

И.Э. ведет переговоры с издательством ЗиФ о выпуске собрания своих сочинений, предлагая включить в него и только что написанный роман "В Проточном переулке".

Было решено, что собрание сочинений выйдет в 11 томах:

т.1. Хулио Хуренито, т.2. Трест Д.Е., т.3. Любовь Жанны Ней, т.4 . Тринадцать трубок, т.5. Четыре повести о легких концах, т.6. Жизнь и гибель Николая Курбова, т.7. В Проточном переулке, т.8. Лик войны, т.9. Бубновый валет, т.10. Условные страдания завсегдатая кафе, т.11. Лето 1925 г.

Владиславлев И. Литература великого десятилетия.
М.–Л. ГИЗ, 1928. С.287.

— Одновременно было достигнуто соглашение о публикации романа "В Проточном переулке" в журнале "30 дней", издававшемся ЗиФ'ом.

— Журнал "Книга и профсоюзы" (№12) рецензирует роман И.Э. "Лето 1925 года":

Широкому кругу читателей книга чужда и непонятна. Рабочий читатель ничего не найдет в ней для себя.

— Пьер Мак-Орлан дарит И.Э. книгу "Брест" с надписью:

"Илье Эренбургу его поклонник и друг от всего сердца на память о Сен-Сире. П.Мак-Орлан, декабрь 1926".

Собрание И.И.Эренбург.

В течение года

— Кино-издательство РСФСР "Кинопечать" рекламирует подготовленную к печати книгу:

---

* "Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: "Это, знаешь, Илья Лохматый (кличка Эренбурга), — торжествующе рассказывал он. — Хорошо у него вышло".

И.Эренбург. 1) Материализация формы, 2) Чарли Чаплин — современный романтик, 3) Новое французское кино (Абель Ганс — Жак Эпштейн — Рене Клер — М.Д'Эрбье — Жан Ренуар — Жак Фейдер).

— М.С.Наппельбаум делает серию фотопортретов И.Э.

— Художник С.Залшупин создает в Берлине графический портрет И.Э.

Франц Элленс дарит И.Э. книгу "Наивный" с надписью: "Илье Эренбургу его друг Франц Элленс".

Собрание И.И.Эренбург.

— Панаит Истрати дарит И.Э. книгу "Доминица из Снаглова" с надписью: "Моему другу Илье Эренбургу с дружеской привязанностью Панаит Истрати 1926".

Собрание И.И.Эренбург.

1927 год

1 января

Вышел первый номер журнала “На литературном посту” со статьей В.Сольского “Затерявшийся персонаж” о романе И.Э. “Лето 1925 года”:

Это, несомненно, глубоко упадочная книга.

Цинизм Эренбурга неутомимо тащит его в гнилое болото. Так погибает писатель, оторвавшийся от жизни в самом буквальном смысле этого слова. Так неминуемо должны погибнуть все те писатели, которые идут за Эренбургом.

4 января

И.Э. получает письмо одесского издателя Дозорца с требованием погашения долга и угрозой выпустить в счет долга адаптированного “Рвача”. И.Э. пишет В.Лидину, прося его распутать это, поскольку половина долга порождена издательскими делами Лидина.

5 января

И.Э. получает письмо Нино Франка, парижского корреспондента выходившего в Риме по-французски журнала “900” с предложением сотрудничать и отвечает ему:

Благодарю Вас за Ваше письмо. Я охотно дам несколько страниц для первого номера “900”. Но как исправить перевод? (с русского на французский). Переводчику можно заказать, но это должен сделать журнал. Не правда ли? Я был бы рад Вас повидать как-нибудь у себя. Я почти всегда дома от 6 до 8 вечера. (перевод с французского И.И.Эренбург.)

Экспонировалось на выставке “Москва-Париж”. Москва, 1981.

6 января

Напечатана статья Г.Горбачева “Хулио Хуренито, танцующий фокстрот (О последних произведениях И.Эренбурга)”:

Уже давно указывалось, что Эренбург — не художник и не серьезный мыслитель, а поверхностный фельетонист, хорошо знающий внешнюю кабацко-потребительскую сторону европейской культуры; что скептицизм его — продукт перепуга буржуазного интеллигента-упадочника перед империализмом и пролетарской революцией; что по своим объективным тенденциям его творчество служит идеологическим запросам новой буржуазии. В последних произведениях Эренбурга: “Условные страдания завсегдатая кафе”, “Рвач” и “Лето 1925 года” эти положения получили доказательство совершенно очевидное.

Тбилиси. Заря Востока., 1927, 6 января.

7 января

И.Э. пишет предисловие к книге “Белый уголь или слезы Вертера”:

Статьи, вошедшие в эту книгу, написаны в разные годы и на разные темы. Объединяет их одно, вдоволь навязчивое чувство: привязанность ко времени. Среди многих маниакальных привычек мне особенно дорога одна — что ни минута глядеть на часовой циферблат <...> Конечно, ход часов и биение сердца похожи друг на друга, но все же, может быть, лучше слушать сердце?..

9 января

В “Известиях” опубликована статья И.Э. “Новая архитектура”.

15 января

Вышел журнал “На литературном посту” (№2) со статьей “Что читали из русской беллетристики до 1927 г.”:

Кажется, единственный автор из наших “соотечественников”, читавшийся целиком — Илья Эренбург. Его “Хулио Хуренито”, “Николай Курбов”, “Гибель Европы (Трест Д.Е.)”, а впоследствии и “Любовь Жанны Ней” — брались с боя. Можно с уверенностью ска-

зать, что Эренбург в смысле читаемости побил всех новейших беллетристов.

Середина января

И.Э. переезжает на бульвар Сен-Марсель, д.47:

Мы сняли мастерскую на бульваре Сен-Марсель; это была надстройка над старым домом, разумеется сизо-пепельным. Домовладелец, желая дороже сдать мастерскую, провел в дом электричество. Съемщикам квартир предложили бесплатно установить электрическое освещение, почти все отказались: не хотели, чтобы в двери стучался контролер, проверяющий счетчик.

ЛГЖ. Т.1. С.480.

Бульвар Сен-Марсель — сравнительно небольшой участок того кольца, звеньями которого являются бульвары Монпарнас и Пор-Рояль, где Эренбург живал прежде. Это восточная часть левобережного Парижа. Зеленый бульвар (листва каштанов создает затейливую игру света и тени) застроен зданиями конца XIX века. Дом №47 построен в 1887 г. архитектором Э.Андрийе. Его фасад украшен красными кирпичами, вмонтированными в бетон, и зрительно напоминает питерские и московские постройки рубежа веков, отделанные красной и белой кафельной плиткой. Пять этажей дома были достроены еще двумя. Постройки здесь сравнительно широкие, и дом 47 имеет ширину в 6 окон с большими проемами. По краям здания — застекленные эркеры на 3, 4 и 5 этажах. На шестом этаже было ателье Л.М.Эренбург (в те годы она много и успешно работала как художник, ее живопись и графика регулярно экспонировались в парижских салонах). А собственно квартира Эренбургов была этажом выше ателье. На тротуаре перед подъездом — типично парижская двухрядная скамейка со спинкой посредине. Неподалеку от дома 47 — изящный памятник Жанне д'Арк со знаменем и щитом. От этих мест рукой подать до Ботанического сада, с которым связаны многие лирические воспоминания Эренбурга времен его парижской юности.

Фрезинский Б.
Парижские адреса Ильи Эренбурга.
Рукопись (СФ).

22 января

И.Э. пишет Е.Зозуле:

Говорят, что роман, о котором Вы мне говорили, уже начал печататься в "Огоньке". Сдается, что не мешало бы мне выслать хоть по сему случаю журнал! Иначе, если даже и решу принять участие, не смогу. Пленка с моим изображением на фоне парижского писсуара уже отбыла в Москву. Живем здесь по-старому тихо и кротко. Как нашли Вы Москву и как вспоминаете Париж? Надумали ли касательно переводов Вильона? Нужна монета!

РГАЛИ. Ф.216. Оп.1. Ед.хр.351. Л.4.

25 января

Ф.Гладков пишет М.Горькому:

Когда я слышу таких писателей, которые чванятся своей "культурностью", как Булгаков, Клычков или бывший большевик Эренбург, мне горько, мне невыносимо от их, извините за выражение, блевотины, которую они изрыгают на наше "бытие", на людей, которые, жертвуя собой, строят новую жизнь на основах высокой культуры и справедливости.

Горький и советские писатели. Литературное наследство.
АН СССР, 1963. Т.70. С.88.

Январь

Государственное издательство выпустило в серии "Универсальная библиотека" №184 под заголовком "Черная переправа" рассказы И.Э. из книги "Тринадцать трубок".

— Журнал "30 дней" (№1) начал публикацию романа И.Э. "В Проточном переулке".

Начало февраля

И.Э. пишет С.Буданцеву:

В книжном магазине здесь случайно увидел мою книжицу, почему-то окрещенную "Черной Переправой". Ну, черт с ним, с именем. Не в этом счастье. Но денег я до сих пор не получил. Очень прошу Вас принять меры, чтобы мне выслали следуемое. Ведь я отсюда бессилен. Мак-Орлан тоже ни черта не получил, а между

тем я наморочил ему голову, то есть вручил договор с ГИЗом и пр. Он твердо ждет своих ста рублей. Охраняя наше “национальное достоинство”, пожалуйста, расследуйте сие! Как дела? Что нового в Москве? Пишите ли Вы и что? Я еду на две недели в Берлин и в Прагу и там, думаю, смогу пристроить среди других книг и “Мятеж”.

ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №10. Л.5.

— И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают в Берлин.

— И.Э. знакомится с писателем Эрнстом Толлером:

Толлер был красив, походил на итальянца, веселого и печального, неизменно неудачливого героя неореалистического фильма. Может быть, его основной чертой была необычайная мягкость, а прожил он жизнь очень жестокую <...> Он был очень сложным человеком; не будь у него редкого обаяния, наверно, он восстановил бы против себя всех...

ЛГЖ. Т.1. С.533, 534.

5 февраля

Эрнст Толлер дарит И.Э. французский перевод своей трагедии “Хинкенман” с надписью: “Илье Эренбургу дружески Эрнст Толлер, Берлин 5.2.27”.

Собрание И.И.Эренбург.

Февраль

И.Э. посещает кинофабрику “УФА” и присутствует на съемках Г.Пабстом фильма “Любовь Жанны Ней”:

Сначала я увидел дом “Уфы” в Берлине. Он походил на министерство. Сновали беспрерывными лентами лифты, стучали машинки, за длинными столами сидели важные старцы — может быть тайные советники, а может быть и швейцары. В одной из двухсот или трехсот комнат обсуждали пригодность романа русского автора. Здесь учитывалось все: слезы девушек и затраты на бутафорию, англо-советский разрыв и любовь аргентинцев к судебным ошибкам. “Жанну” взвесили, вымеряли и взяли в обработку. Ее отдали опытному спецу в очках, который знает законы объектива и вкусы публики во всех частях света. Ее стригли, мочили, сушили, крошили. Из нее сделали сценарий <...> Наконец, началась настоящая рабо-

та. Когда я попал на фабрику “Уфы” в Бабельсберге, я увидел аркады Феодосии, заседание совета солдатских депутатов, парижские притоны, русскую гостиницу, холмы, татарские деревни; монмартрские бары. Сотни людей ежедневно вырабатывали там конфекционные сны для шведских спортсменок и для мадридских сутенеров, как вырабатывают губную помаду или молочный шоколад.

Встреча автора со своими персонажами. Прожектор., 1927. №17. С.12–13.

— На съемках фильма И.Э. знакомится с актером Фрицем Распом:

Из актеров мне понравился Фриц Расп. Он выглядел доподлинным злодеем, и, когда он укусил руку девки, а потом положил на укушенное место вместо пластыря доллар, я забыл, что передо мной актер.

Вскоре Расп приехал в Париж: Пабст снимал уличные сцены. Зарядили дожди, съемки откладывались, и Расп бродил со мной по Парижу, катался на ярмарочных каруселях, танцевал до упаду с веселыми модистками, мечтал на набережных Сены. Он играл негодяев, но сердце у него было нежное, даже сентиментальное.

ЛГЖ. Т.1. С.477–478.

— В Берлине И.Э. выступает с докладом в советском торгпредстве:

Г.Эренбург <...> втоптавший в грязь достоинство русской женщины и русский труд за границей, на своем докладе, озаглавленном несколько неожиданно: “О новейшем романтизме”, выразил недоумение, смутившись унылым видом аудитории — почему русская публика не посетила его доклада, причем, разумел он публику именно эмигрантскую. Странное у г.Эренбурга мнение о достоинстве публики, странного свойства и достоинства его самого.

Но и большевистскую аудиторию докладчик не собрал; один советский критик уже определил последние писания г.Эренбурга, как “творчество для акушерок”, — очевидно, таких нашлось в берлинском торгпредстве очень немного; правда, их заменили несколько торгпредских снобов, несколько молодых людей, годами не выходивших из возраста “литературных мальчиков” при местной “Красной звез-

де". Но и этого оказалось очень мало; и обведя меланхолическим взглядом пустынный зал, Эренбург начал о романтизме.

Когда-то Эренбург был очень интересным докладчиком — теперь об этом приходится только вспоминать: исчезла даже фельетонная едкость — отличительное свойство Эренбурга. Доклад был вялым; передать его содержание затруднительно: в самом начале докладчик заявил, что предпочитает связности — бессвязность. Орудуя "парадоксами' вроде — "народная мудрость? всякая народная мудрость лжет" — Эренбург ограничился голословным утверждением о возрождении романтики — конечно, под новым соусом и, должно быть, для иллюстрации таковой прочел отрывок нового своего романа "В Проточном переулке". Более пошлого — и по содержанию, и по языку — сочинения давно не приходилось слышать.

Аплодисментов усовершенствованное ползание на животе не сорвало; в этот вечер в неопрятном зале, было отнюдь не романтично, а попросту гадко.

Берлин. Руль., 1927, 2 марта.

— И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают во Франкфурт. И.Э. знакомится с австрийским писателем Йозефом Ротом:

Я томился в роскошном кабинете редактора "Франкфуртер цейтунг", который хотел напечатать в своей газете мои очерки о Германии. Редактор был круглым и благодушным. Рядом с ним сидел худой, нервный человек с добрыми, но насмешливыми глазами; неожиданно он сказал мне на дурном русском языке: "Скажите ему — запрещено резать, и запросите больше — у них много денег". Так я познакомился с австрийским писателем Йозефом Ротом.

ЛГЖ. Т.1. С.513.

Из Германии И.Э. приезжает в Прагу:

Я здесь встретил только продавцов галстуков и снобов, обожающих Аполлинера, которые просили у меня автографы <...> Я пробовал просто посидеть в кафе. Куда тут! Лакей тотчас же подметил мое бездействие, он стал заваливать стол газетами. Каждые пять минут он убирал старые и приносил новые.

Белый уголь или слезы Вертера.
Л., 1928. С.234–240.

В Праге И.Э. встречается со своими друзьями, поэтами и художниками, побывал на спектакле по пьесе Аполлинера “Сосцы Тересия” в постановке режиссера Индржика Гонала и дал интервью Иржи Восковецу, в котором высказал удивление, что члены литературной группы “Деветсил” “с таким рвением повторяют азы французской авангардистской драматургии.

Инов М. Судьба и музы Витезвала Незвала. М., 1990. С.42.

Из советских писателей мы больше всего дружили с Ильей Эренбургом — тот приезжал к нам как к себе домой. Он хорошо нас знал, и думается — умел видеть несколько вперед, угадывая, что из кого выйдет.

Незвал В. Из моей жизни. Сочинения. Т.2. М., 1988. С.329.

— И.Э. выступает в Праге с лекцией:

Писатель д-р Мирослав Рутте в заметке в газете “Народни листы” о единственном выступлении Эренбурга в Праге корил писателя, что тот явился не в надлежащем костюме и даже в плохо выглаженной рубашке.

Тауфер И. Судьбы и свершения. М.: Прогресс., 1987. С.288.

— По возвращении из Праги в Париж И.Э. пишет очерк “Тоска середины”.

27 февраля

И.Э. пишет Е.Зозуле:

О романе пишу Кольцову. Очерки, может быть, удастся впоследствии дать. Я очень доволен поездкой в Германию и Прагу. Повидал много занимательных людей и вещей. С “Зифом” у меня трагедия: они напечатали мой роман “В Проточном переулке” в обезображенном виде. В первой книжке “30 дней” 53 купюры. Это явное надругательство. Неужели я не могу больше печататься в СССР? Послал им телеграмму с требованием печатание романа прекратить.

РГАЛИ. Ф.216. Оп.1. Ед.хр.351. Л.9.

28 февраля

И.Э. пишет С.Буданцеву:

Спасибо за письмо и за заступничество. Деньги наконец я

получил. <...> В Германию и в Чехословакию ездил "людей посмотреть и себя показать" <...> "Мятеж" у переводчицы Halperin (она же переводит Лидина, перевела "Цемент"). Надеюсь, дело выйдет.

"Зиф" поступил со мной свински. Начало "Проточного" в "30 днях" напечатали с 53 произвольными купюрами! Видимо, приходится отказаться от мысли печататься ... по-русски.

ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №10. Л.4.

— И.Э. сообщает В.Лидину , что вернувшись из Берлина застал его письмо и книгу:

Поездкой я остался очень доволен — познакомился с братьями-писателями и видел много забавного. Когда Вы собираетесь за границу и куда? Думается, визу французскую легко будет устроить. Я и Савича уговаривал съездить сюда, но у него это вопрос денег — весьма туго ему. "Зиф" меня истребляет.

— Вышел №1 журнала "Печать и революция"; в его "Хронике" сообщается:

Книга И.Эренбурга "13 трубок" переведена на немецкий язык и вышла в издательстве "Rhein Verlag".

Тот же журнал на 229 стр. пишет:

Литературно-художественный отдел Государственного издательства подготовляет издание серии "О писателях", русских и иностранных, в виде небольших в 2–3 печатных листа монографий. Готовятся к изданию монографии <...> о русских писателях: М.Пришвине, Дм.Фурманове, Ф.Гладкове, Вс.Иванове, Л.Сейфуллиной, И.Бабеле, И.Эренбурге и др.

— Вышел №2 пражского журнала "Во́ля России" с рецензией Б.С. (Б.Сосинский) на вышедшие в библиотеке "Огонька" под названием "Рассказы" две "повести о легких концах" И.Э.

— "Новый мир" (№2) печатает статью А.Безыменского "Начистоту":

Нападать на ЛЕФ — задача, мне лично неприятная, даже обидная. В то время, как идет отчетливо новая консолидация правого крыла литературы, в то время, как растет ново-буржуазная литература, а довольно близкая к нам в творчестве Л.Сейфуллина оголело нападает на критику, защищая таких кристаллических буржуаз-

ных писателей, как Эренбург и Булгаков, — в это время нападать на друзей и соратников — не хочется.

Начало марта

И.Э. работает над очерками о поездке в Германию и Прагу:

9 марта

Берлинская газета “Руль” под рубрикой “Литературный ларек” публикует замеченные языковые небрежности И.Э. в книге “Лето 1925 года” и замечает: “Ах, тяжело, живя за границей, писать по-русски”.

10 марта

Газета “Последние новости” (Париж) сообщает о поступивших в редакцию книгах для отзыва:

От справочно-библиографического отдела книжного магазина “Я.Поволоцкий и Ко” в Париже поступили в редакцию следующие книги: <...> И.Эренбург. Лето 1925 г. Москва, 1926.

18 марта

Одесский вечерний выпуск “Известий” в статье “Говорящие цифры” приводит данные о спросе в библиотеках на книги современных авторов:

Интересно проследить симпатию рабочего читателя к отдельным писателям всех группировок. Картина получается следующая:

Пролетарские писатели: Неверов (505 выдач), Гладков (432), Новиков-Прибой (404), Серафимович (388), Лебединский (218), Свирский (182), Бибик (126).

Попутчики: Горький (770), Эренбург (478), Сейфуллина (434), Вересаев (300), Вяч.Шишков (262), Толстой А. (215), Лавренев (206), Пант.Романов (153), В.Иванов (113), Бабель (110).

Кто бы мог подумать! Эренбурга рабочие читают больше, чем Гладкова! Оказывается, что этим неожиданным успехом писатель обязан роману “Любовь Жанны Ней”, которым сильно зачитывались работницы.

Середина марта

И.Э. получает письмо из Ленинграда от литературоведа Б.В.Казанского с просьбой написать статью о себе для сборника “Илья Эренбург”, который готовит издательство “Academia” в серии “Мастера современной литературы” под редакцией В.А.Каверина.

В этой серии планировалось издать не менее 12 книг: о М.Зощенко, И.Бабеле, Б.Пильняке, В.Шкловском, М.Кольцове, В.Маяковском, Вс.Иванове, Б.Пастернаке, И.Эренбурге, Н.Асееве, М.Горьком, Л.Леонове. В этом порядке книги должны были выходить. Замысел серии осуществился лишь частично; книга об И.Э. издана не была.

— В №10 журнала “Бузотер” под заголовком “Писатели о феврале” напечатаны пародии С.Карташова на прозу М.Зощенко, А.Зорича, И.Бабеля, Вс.Иванова, Б.Пильняка, И.Эренбурга.

18 марта

В Госиздате вышло второе издание романа “Хулио Хуренито”.

Книжная летопись, 1927. №4163.

20 марта

И.Э. получает письмо от Е.Полонской, сообщавшей о своем намерении приехать в Париж, и отвечает ей:

Советую тебе подать прошение во французское консульство в Москве, обратившись там от моего имени к служащей советской гражданке и французской поэтессе Марии Павловне Кудашевой (она же “Майя”), которая тебе облегчит всякие формальности.

Итак, мы скоро свидимся, причем в буколистической обстановке Парижа! Я живу, как ты видишь, вблизи Жарден де Плант* <...> Я недавно был в Берлине и всячески флиртовал с немцами. Регулярно старею. Завел лохматую и меланхоличную собаку. Написал еще один роман и т.д. Кстати, о литературе и родственниках. Некто Казанский хочет, чтобы я написал статью для книги обо мне же Каверина. Каверина статью мне прислали. Это гимназическая работа,

* Ботанический сад (франц.).

без блеска Шкловского или Тынянова. С непонятным видом доказываются различные дважды два. Скучно! А мне что писать?

22 марта

И.Э., сообщив В.Лидину, что вчера написал Р.Якобсону, прося его посодействовать переводам прозы Лидина на чешский язык, пишет:

Я очень зол на “Зиф” за “Проточный”, но они клянутся, что роман выйдет в апреле отдельной книжкой без купюр. Тогда прочтете его и напишете, что думаете. Между прочим, в начале там вид из Вашего окна. Думаю написать исторический роман. Тихон Иванович пишет мне, что подписал новое соглашение о “Рваче”.

— “Вечерняя красная газета”(Ленинград) в “Литературной хронике” сообщает:

В Госиздате вышла вторым изданием, с предисловием Н.Бухарина, книга Ильи Эренбурга “Необычайные похождения Хулио Хуренито”.

29 марта

Ленинградская газета “Кино” сообщает:

Вернер Краусс приглашен “Уфой” для участия в фильме “Любовь Жанны Ней” по роману Ильи Эренбурга. Режиссер — Пабст. Главная мужская роль в фильме поручена шведскому актеру Уно Геннингу.

Март

Я прочитал сборник хасидских легенд, которые мне понравились своей поэтичностью. Я решил написать сатирический роман.

ЛГЖ. Т.3. С.100.

— Журнал “30 дней” (№3) завершил публикацию романа И.Э. “В Проточном переулке”.

8 апреля

Ленинградская “Вечерняя красная газета” публикует статью И.Э. “Демоны и взбитые сливки”.

12 апреля

И.Э. пишет Е.Зозуле:

Примерно месяц тому назад я послал Вам статью "Встреча автора с персонажами его романа" с фотографиями. Очень прошу Вас ответить мне, подошла ли она для "Огонька" или для "Прожектора", и в противном случае, вернуть мне статью и фотографии.

РГАЛИ. Ф.216. Оп.1. Ед.хр.351. Л.7.

16 апреля

И.Э. пишет Е.Полонской:

Я вновь кисну. Мой "Проточный" выходит в обезображенном виде, от "Рвача" останутся только рожки-ножки да морда Тёмы*, а "Белый уголь", наверное, останется "ценным манускриптом". Говоря откровенно, это начинает мне надоедать. Что у вас хорошего пишут? Я в последнее время почти не вижу русских книг. Пиши и приезжай.

Апрель

И.Э. приступает к работе над романом "Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца".

— В одесском издательстве "Светоч" вышел тиражом 7тыс. экз. роман И.Э. "Рвач".

Апрель — начало мая

И.Э. сообщает Е.И.Замятину о том, что в пражском журнале "Воля России" появились отрывки из романа "Мы" на русском языке (в переводе с чешского). От имени Е.Замятина И.Э. направил издателям "Воли России" письмо с требованием приостановить печатание отрывков из "Мы". Издатели "Воли России" отказались выполнить это требование.

Литературная газета,
1929, 7 октября.

---

* Герой романа "Рвач".

— И.Э. встречается с приехавшими в Париж О.Форш и М.Слонимским.

3 мая

И.Э. пишет В.Лидину:

Приехали сюда Форш и Сейфуллина, но ни та, ни другая ничего не могли сказать толком о Ваших дорожных планах <...> Я надеюсь уехать отсюда в половине июня в Скандинавию примерно до начала августа <...> В прошлом году я продал "Пролетарию" книгу статей и путевых очерков "Белый уголь или слезы Вертера". Недавно я получил от них ответ, что они книги печатать не будут. Очевидно "подход" не тот. Не знаете ли Вы для нее приличного издателя? Рукопись можно вытребовать для срочности из Харькова — в том экземпляре не достает только одного листа — мои последние статьи о поездке в Германию и в Прагу <...> Сегодня мне пришлось телеграфировать ЗиФу, что я отказываюсь от выпуска "В Проточном" отдельным изданием ввиду совершенно неприемлемых купюр.

4 мая

Опубликована статья Н.Берковского "Советская литература в Германии":

Передо мной мартовский номер "Die literarische Welt" (№10), посвященный литературе и искусству Советской России, с портретами Эренбурга, Бабеля, Сейфуллиной на первой странице <...> Не без оттенка оппозиции чрезвычайно чествуется Эренбург, тот самый, которого в СССР считают "наполовину агентом Чемберлена, на три четверти угнетателем китайского народа" и о котором польская пресса отзывается в то же время, как о "кровавом коммунисте". Эренбург, беспартийный адогматик — сделан центром русского народа.

Хвалебный отзыв дан только что появившейся в немецком переводе "Жанне Ней". Эренбурга называют несравненным романистом, поэтом, исполненным глубочайших переживаний, поэтом для немногих, недоступным читательской толпе (Сдержаннее отозвалась о "Жанне Ней" "Фоссише Цейтунг", номер от 27 марта).

Все же у немцев есть понимание не одного лишь Эренбурга. Высоко оценен Бабель.

Вечерняя красная газета. Л., 1927, 4 мая.

5 мая

О.Савич пишет из Берлина в Москву В.Лидину:

Из письма Эренбурга я понял, что Вы собираетесь совершить круговое путешествие <...> Все мои попытки связаться с “Уфой” пока были неудачными. Эренбург, очевидно, сюда не приедет. Он увидит режиссера Пабста в Париже. Напишете ему?

Копия (СФ).

7 мая

И.Э. присутствует на вечере В.Маяковского:

Помню вечер Маяковского в парижском кафе “Вольтер”. На нем присутствовала Л.Н.Сейфуллина. Было это весной 1927 г. Кто-то в зале крикнул: “Почитайте теперь ваши старые стихи!” Маяковский, как всегда, отшутился. Когда вечер кончился, мы пошли в ночное кафе возле бульвара Сен-Мишель: Маяковский, Л.Н.Сейфуллина, Э.Ю.Триоле, другие. Играла музыка, кто-то танцевал. Владимир Владимирович то шутил, изображая поэта Георгия Иванова, присутствовавшего на вечере, то надолго замолкал, мрачно оглядываясь по сторонам, как лев в клетке. Мы с ним условились, что на следующее утро, чем раньше, тем лучше, я к нему зайду. В крохотном номере гостиницы “Истрия”, где он всегда останавливался, постель была не раскрыта — он не ложился. Встретил он меня мрачный и сразу, не поздоровавшись, спросил: “Вы тоже думаете, что я раньше писал лучше?”

ЛГЖ. Т.1. С.261.

8 мая

В одесских “Вечерних известиях” — рецензия на роман И.Э. “Рвач” в связи с выходом его в Одессе.

11 мая

И.Э. пишет Е.Замятину:

Сегодня уезжаю на неделю в Берлин глядеть, как “крутят” немцы мою “Жанну”, поэтому пишу Вам второпях, только о Ваших делах. Испанцы издали рассказы — “Фонарь”. Не знаю, удастся ли получить с них деньги. Попробую. Книги, во всяком случае, раздобуду. В Прагу, хоть мне это было и неприятно, написал. Надеюсь, подействует. С Форш беседовали и даже пьянствовали в итальянском кабачке.<...>Что Вы делаете? Мой роман “В Проточном” совершенно загублен. Постараюсь переслать местный экземпляр, когда выйдет. Пишу сатирический роман “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”, нечто талмудическое.

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Форш ничего определенного о тебе не смогла рассказать. Пишу наспех — сегодня уезжаю на неделю в Берлин глядеть, как немцы снимают мою “Жанну”. Начал роман “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” — современность с талмудической точки зрения. Кажется, весело <...> Сюда приезжали Маяковский и Сейфуллина. Первый соблюдал все посты и молитвы. Вторая типичный литшабесгой. Форш — чудо!

Середина мая

И.Э. возвращается из Берлина в Париж.

— В Париж, по настоятельному приглашению И.Э. приезжают из Берлина О.Г. и А.Я.Савичи.

— О.Савич пишет из Парижа В.Лидину:

Как видите, я уже в Париже (с женой). Вышло это неожиданно и быстро, и я не успел Вас предупредить <...> Я всего 3 дня здесь, и я зачарован настолько, что потерял голову и забыл обо всем <...> Париж чудесен <...> Жена и Эренбурги Вас приветствуют.

Копия (СФ).

В 1927 г., когда мы с О.Г. впервые приехали в Париж, И.Г. волшебно показывал нам волшебный город. На какое-то время Эренбурги позвали нас пожить у них на бульваре St.Marcel в ателье Л.М.. Район бульвара St.Marcel — район средних, небогатых парижан. Дома и квартиры здесь были скромные — вода только на лестнице, уборная на этаже, одна на несколько квартир. Район шумный — три

раза в неделю здесь устраивались рыночные дни — привозили тенты и столы, и рынки занимали весь широкий бульвар. Квартира Эренбургов не слишком удобная. На шестом этаже — ателье Л.М., а выше — надо подняться по внутренней лесенке — их двухкомнатная квартирка. Внизу стояла газовая ванна — в Париже это была редкость. Ирина жила с ними. Хозяйство вела пожилая femme de memage* , которая очень хорошо готовила. Утром она торжественно появлялась с метровой длины батоном (baton по-французски — палка), опираясь на него, словно на посох. Лестница была довольно грязная, но зрелище казалось забавным и замечаний ей, конечно, никто не делал. К завтраку все появлялись к столу и не было случая, чтобы Ирина, правда, в тоне просьбы, весьма милой, но и достаточно настойчиво ни требовала свои права: “Илья, ну Илья, налей же еще вина, ну Илья, ну Илья!” “Ребенок” требовал свою законную порцию (во Франции к завтраку школьники получали воду, разбавленную вином). И.Г. не всегда сдавался, но иногда подливал Ирине вина. По воскресеньям мы приглашали хозяев в ресторан. В этих случаях волшебный гид по волшебному Парижу знал, как всегда, куда идти.

Савич А. Минувшее проходит предо мною. (Рукопись; СФ.)

19 мая

В галерее на улице Шерш-Миди,5 открылась выставка русских художников, где представлены работы Л.М.Козинцевой-Эренбург (наряду с Фотинским, Глущенко, Анненковым, Инденбаумом, Гончаровой, Ларионовым).

Каталог выставки; собрание В.Г.Козинцевой (СПб.).

21 мая

М.Горький пишет Б.М.Зубакину:

Иисус Сирахов – эпикуреец и, значит, не еврей, потому что все великие евреи Илья Эренбург, Виктор Шкловский, М.О.Гершнзон, Лев Шестов и прочие многие – не эпикурейцы.

Минувшее. №20. СПб., 1996. С.276.

---

* Приходящая домработница (франц.).

26 мая

И.Э. получает письмо от В.Лидина с сообщением о предстоящем приезде в Париж и отвечает ему:

Постарайтесь приехать сюда как можно скорее. Париж в августе — мертвый город, нечто вроде Брюгге. Даже уличное движение замирает. Оживает он только в начале сентября. Я вывез из Берлина Савичей, что было, как понимаете, не легко <...> Я сижу без денег и, если не получу, буду бедствовать лето здесь. С “Зифом” я ссорюсь. Они хотят, даже переиздавая старые книги, производить самые произвольные купюры. Это возмутительно.

— И.Э. получает телеграмму от ленинградского издательства “Прибой”:

РУКОПИСЬ БЕЛЫЙ УГОЛЬ ПРИНЯТА 180 ЛИСТ ТИРАЖ 10тыс.

ЦГАЛИ СПб. Ф.33. Оп.1. Ед.хр.256. Л.90.

30 мая

И.Э. пишет письмо В.Лидину, в котором, ссылаясь на сообщение О.Г.Савича о том, что Лидин остается в Москве до 10 июня просит Лидина помочь ему в разрешении спора с издательством “Зиф” по поводу купюр в издании томов его собрания сочинений (“В Проточном переулке”, “Любовь Жанны Ней” и “13 трубок”).

Май

Журнал “Печать и революция” (№3) в “Хронике” сообщает:

Роман И.Эренбурга “Любовь Жанны Ней” переведен на немецкий язык и вышел в 2-х томах в издательстве Rhein-Verlag (Базель) под названием “Die Liebe der Jeanne Ney”. Переводчик Waldemar Jollos.

Издательство “Земля и Фабрика” выпускает первую книгу собрания сочинений И.Э. — т.7 с романом “В Проточном переулке”.

Печать и революция.,
1927. №3. С.227.

Все тома собрания сочинений И.Э., выпускавшиеся издательством Зиф, были оформлены художником Н.Альтманом.

Собранию сочинений была предпослана вступительная статья Леопольда Авербаха, но поскольку тома сочинений выходили не по порядку, статья была разрезана на куски и публиковалась как предисловие к соответствующим томам. В предисловии к т.7 Авербах писал:

Эренбург принимает всех. Он описывает бесстрастно — никого не проклиная и не презирая. Он легко и умело разворачивает сюжет, не без некоторого влияния бульварного романа. Отсюда и формальные достоинства, и идейный провал Эренбурга. Автор взял современную тему, но далеко ушел от понимания современности. В "Злых заметках" Н.И.Бухарин писал: "Нам нужна литература бодрых людей, в гуще жизни идущих, храбрых строителей, знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству, кабацким слезам, разгильдяйству и юродству". Роман Эренбурга не принадлежит к этой литературе.

Середина июня

И.Э. встречает приехавших в Париж из Берлина Савичей и В.Лидина

20 июня

Союз русских художников в Париже. В понедельник 20 июня, в 8 .30 вечера в помещении Salle de Geographie*, 184, Boulevard Saint-Germain состоится вечер 6 писателей: Вл.Лидин, М.Слонимский, О.Савич, Эльза Триоле, Ольга Форш, Илья Эренбург прочтут свои произведения. Билеты в 10 и в 5 фр. продаются в книжных магазинах "Москва", 9, rue Dupuytren, Поволоцкого, 13, rue Bonoparte, в кофейной "Дом", Boulevard Montparnasse, а также при входе.

Афиша. (Копия, СФ.)

Очень трудно говорить об этом вечере. Сказать, что в нем не было ничего специфически советского и что смахивал он на среднего качества обыкновенный эмигрантский вечер, — значит навлечь на головы бедной шестерки молнии сов. начальства;

* Зал Географического общества.

сказать же, что вечер был “вечером советчины” и пропагандой нового быта перед парижской аудиторией, — было бы неправдой. Приходится сказать просто: шестеро средних русских писателей, печатающихся по советской орфографии в сов. России, — один похуже, другие получше, — читали отрывки из своих произведений ... которые с равным успехом могли быть написаны и в сов. России, и в эмиграции <...> Один из бывших “Серапионовых братьев” М.Слонимский читал главу из романа “Лавровы” — эпоха русско-германской войны. Ольга Форш прочла два рассказа “Сухаревка” и “Виктория Регия”, написанные в привившимся с некоторого времени в советской печати духе добродушного издевательства над “советским бытом”. Вл.Лидин выступал с рассказом “Саланга”, Эльза Триоле — с главами из единственной написанной ею вещи (три года назад) “Земляничка”, Илья Эренбург — с отрывком из нового (которого по счету?) романа “Бурная жизнь Айзика Ройтшванеца”, молодой и неизвестный О.Савич — с рассказом “Никитин день”.

Рассказы как рассказы, отрывки как отрывки. У Ольги Форш и Вл.Лидина получше, у Слонимского и Эренбурга — похуже. Но и в тех и в других эмигранта-слушателя поражало почти полное отсутствие ... советских мотивов! <...> Зал был полон.

Париж. Последние новости.,
1927, 22 июня.

Недавно был на вечере 6 русских писателей – Слонимского, Лидина, Триолэ, Эренбурга, Форш и еще кого-то. Впечатление очень печальное. Пожалуй литературно сильнее других был Эренбург, но вещь гнилая, как гнил и сам автор. Форш читала пустячки a la Зощенко, Лидин преподнес пошлятину в духе Л.Андреева, а Слонимский какую-то тенденциозную манную кашу.

Из письма С.Я.Эфрона в Москву Е.Я.Эфрон 30 июня 1927.
(М.Цветаева. Неизданное. Семья: история в письмах. М., 1999. С.331.)

22 июня

И.Э. встречается с приехавшим в Париж художественным критиком Б.Н.Терновцом. Б.Н.Терновец пишет из Парижа в Москву своей жене Н.В.Яворской:

Я пошел затем ниже к Ротонде. По-прежнему шумная толпа, но знакомых не вижу. Я перешел на сторону "Du Dome". Там меня сразу окликнули: сидит неизбежный Эренбург с женой. Как всегда они меня ласково встретили. Я был рад этой встрече, так как они должны были мне указать все наиболее интересное здесь в Париже. Действительно, Любовь Михайловна сразу написала мне в записную книжку ряд адресов.

В четверг, 23 в 4 .30 встречаемся в "Доме" с женой Эренбурга и едем на Монмартр к Маркусси, где остаюсь до 8 ч.

Терновец Б.Н.
Письма, дневники, статьи.
М.: Сов. художник., 1977. С.227.

— М.Слонимский пишет в Ленинград К.Федину:

В Париже я прижился.<...> Видел тут, конечно, Эренбургов. <...> Эренбург милый, но мы с ним так не сошлись во вкусах, как нельзя больше. Лидин приехал.

ЦГАЛИ СПб. Ф.414. Оп.1. Д.29. Л.16.

24 июня

В Госиздате вышло третье издание романа "Хулио Хуренито".

Книжная летопись,
1927. №9857.

28 июня

И.Э. получает письмо издательства "Прибой":

В виду изменившихся обстоятельств мы выяснили, что рукопись Ваша "Белый уголь или слезы Вертера" у нас в издательстве, к сожалению, напечатана быть не может, о чем и ставим Вас в известность.

ЦГАЛИ СПб. Ф.33 (2903).
Оп.1. Ед.хр.377. Л.123.

Не позже июня

В издательстве "Геликон" в Париже тиражем 1 тысяча экземпляров вышел роман И.Э. "В Проточном переулке" в оформлении чешских художников К.Тейге и О.Мрквички.

Июнь

Журнал “Октябрь” (№6) помещает статью Ж.Эльсберга “В поисках романтизма и пафоса”, одна из главок которой посвящена И.Э.:

Попытки А.Лежнева сблизить “Жанну Ней” и “Города и годы” явно ошибочны. Тут дело не только в разном восприятии обоими авторами эротики, как то в общем совершенно правильно указал Н.Терещенко (“Философия эротизма и диалектика живого опыта”) “Жанна Ней” — бульварный роман, прежде всего потому, что все остроумие автора, его иронические сентенции и наблюдения безнадежно подчинены пустейшей авантюрной фабуле. Федин же использовал фабулу такого же невысокого качества, отвел ей совсем не доминирующую, а служебно- вспомогательную роль.

— Пражский журнал “Воля России” (№5–6) помещает информацию “Россика в польских журналах”:

Журнал “Skamandr”: в №11 помещена большая рецензия о “Рваче” с портретом Эренбурга; в №13 помещена рецензия на польский перевод романа Эренбурга “Жизнь и смерть Н.Курбова” и карикатура на Эренбурга, сделанная Гоффмейстером.

Начало июля

Эренбурги и Савичи отправляются отдыхать на север Франции в Бретань. Путешествуя по Бретани, они останавливаются в городах Пемполе, Ванне, Кемпере, Кемперле, Конкарно, на мысе Пенмарк:

Живя во Франции мы проводили летние каникулы с Эренбургами — это было удовольствие. И.Г. умел организовывать поездки — интересные, живые, разнообразные. У него были привычки профессионального путешественника. Самая первая поездка — в июле 1927 г. — на север Франции, в Бретань. Несколько недель блужданий по побережью. Мы были и на северном берегу, в портовом городке Пемполе, откуда рыбаки выходят к берегам Исландии для лова сардины, и в столице края Кемпере <...> Эренбургу купили костюм из грубого холста красной парусины (прямая кофта с открытым воротом и брюки), а Савичу — такой же синий. В приморском город-

ке рыбаков Конкарно несколько дней с нами провел Владимир Германович Лидин — легкий остроумец, он нескончаемо нас смешил <...> Однажды В.Г. рассказал анекдот про человека, которого звали Рюрик Абрамович Солитер (по-французски солитер — одинокий), мы рассмеялись, и т.к. сам В.Г. тщательно скрывал свое еврейство, Эренбург прозвал его Рюриком Абрамовичем. Это имя прижилось.

Савич А. Минувшее проходит предо мною. (Рукопись; СФ.)

9 июля

Издательство "Прибой" информирует И.Э.:

В ответ на Ваше письмо с просьбой уплатить неустойку за непринятую рукопись, издательство "Прибой" сообщает, что: 1. Не может рассматривать телеграмму, как договор, 2. Даже при заключении договора имело бы право не принять рукопись по редакционным соображениям на основании п.6 нашего типового договора.

ЦГАЛИ СПб. Ф.33(2903). Оп.1. Ед.хр.181.

12 июля

Ленинградское приложение газеты "Кино" сообщает:

Режиссер Пабст заканчивает съемки картины "Любовь Жанны Ней" по Эренбургу, с участием Бригитты Хельм, Вернера Краусс, Фрица Распа и Зигфрида Арно.

21 июля

Михаил Осоргин рецензирует роман И.Э. "В Проточном переулке", изданный "Геликоном":

Об Эренбурге так много написано (главным образом — недоброжелательного), что вряд ли представит интерес изложение нового его романа "В Проточном переулке", вышедшего в Париже. Почему в Париже, почему за рубежом, где книга его не может рассчитывать на большое распространение? Почему не в России? Очевидно потому, что в России Илья Эренбург не в фаворе у казенных издательств; кажется Госиздат наложил даже на него запрет и не издает рукописей, ранее у него приобретенных. Непризнанный здесь и отвергнутый там, Эренбург имеет все права считать себя гонимым писателем. На его счастье есть у него в прошлом "Хулио

Хуренито" и "Трест Д.Е." — две книги, которые усердно читаются и переводятся. <...> Но если автор "Хулио Хуренито" и "Треста" стоит в литературе почти особняком, то автор "Жизни Николая Курбова" и "Любовь Жанны Ней", как и последнего романа "В Проточном переулке", марширует в толпе ему подобных <...> Но вот что ново: Илья Эренбург стал писать простым языком, даже больше: с замоскворецкой закваской. И еще: Илья Эренбург, автор ядовито-слюнных "13 трубок", пытается полюбить маленького человека, или хотя бы оправдать его (полюбить Юзика, оправдать крохотного и грешного журналиста Прахова).

Обе новые черты эренбурговского писанья — положительны и благородны. Но есть ли эта проснувшаяся кротость и сентиментальность — возврат к ошибкам молодости? Или — результат европейского кофейного покоя, вдали от бытовых треволнений Проточного переулка? Или просто — укатали Сивку крутые горки?

Париж. Последние новости., 1927, 21 июля.

22 июля

Эренбурги и Савичи переезжают на остров Белль Иль в Бискайском заливе:

В конце поездки мы обосновались на острове Бель Иль. Добирались туда пароходиком (эту старую калошу страшно качало). Остров живописен фантастически — в отлив океан уходит очень далеко и на суше остаются скалы как высокие солидные кладбищенские памятники. В прилив, а тем более в непогоду, волна идет стеной, а пена летит по воздуху. Портовый отельчик у самого причала. Местные жители занимались ловом сардин <...> Мы купались, ходили под парусами. И.Г. много фотографировал, любил по-репортерски поймать характерный момент...

Савич А. Минувшее проходит предо мною. (Рукопись;СФ.)

23 июля

Эренбурги и Савичи посылают открытку вернувшемуся в Париж В.Лидину:

Мы все еще странствуем. Земля оказалась для нас мала — переехали на Belle Ille./.../ Харч средний. Омары и прочее.

— Норвежская газета “Norges Kommunistblad” печатает отрывки из “13 трубок” И.Э. с вступительной статьей Х.Кристиансена.

25 июля

Эренбурги и Савичи пишут в Париж В.Лидину:

Наш адрес — Hotel de Bretaque, Le Palais, Morbihan. Живем на острове Belle Ille en Mer. Кажется, все хорошо, как в порядке скульптуры, так и в прочих отношениях. Место очень хорошее, отель недурной, кормят прилично, вид на порт и проч. <...> Но без Вас исстрадались. Где Вы, Рюрик?

— И.Э. пишет Е.Полонской:

В Бретани я впервые и она мне по душе. Это совсем не Франция, но Север при мягкой температуре. Я вот даже хожу в оранжевом рыбацком костюме и отпускаю голландскую бороду. Издали я похож на красу здешних мест, т.е. на Омара, вблизи на дурака. Я изъездил и обошел западный берег — этот долгодлинный Finistere (Англия — остров и не в счет) и почувствовал географический пафос конца Европы, а следовательно вновь и вновь европейский патриотизм.

В Париже я начал сатирический роман “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” и довел его до половины. Здесь надеюсь кончить. Он, вероятно, тебе понравится. Для чего окружал себя хасидами, талмудистами и пр. Это — современность глазами местечкового еврея. Метод осмеяния — чрезмерная логичность.

Я хотел тебе послать необкорнанное издание “В Проточном”, но до сих пор не было оказии. Ты, верно, прочтешь эту книгу в московском издании (с купюрами). Напиши, что ты думаешь о ней. Моего “Рвача” изъяли. “Белый уголь” никто не берет. “Лазик” заранее обречен на заграничную жизнь. Мой плацдарм все сужается. Поддержи меня добрым словом и дружеским советом!

СФ

27 июля

Эренбурги и Савичи посылают открытку В.Лидину, направляющемуся в Рим.

29 июля

Газета “Возрождение” (Париж) публикует очерк И.Сургучева “Ротонда”:

В Парижской республике много “Ротонд”, но на Монпарнасе находится подлинная “Ротонда”, указанная в путеводителях всех цветов и прославленная во всех литературах, кроме русской: пытался писать о ней Эренбург, но нельзя же в самом деле называть русской литературой папье-маше Эренбурга?

Нельзя писать на языке той страны, которую ненавидишь: в этом трагедия многих советских литераторов.

31 июля

Берлинская газета “Руль” печатает статью “Русское в кино”:

Из писателей современных кино использовало Эренбурга — его “Любовь Жанны Ней” изготовляется одним из самых крупных немецких кино-обществ. Как известно, роман Эренбурга — добровольческая эпопея, переданная в красках, свойственных этому автору, специализирующемуся на угодничестве большевикам; характерен эпизод, разыгравшийся на съемках этой картины, когда русские беженцы отказались выполнять требуемое режиссером и покинули ателье, предпочитая лучше лишиться столь необходимого заработка, чем воплощать пасквиль.

1 августа

В парижской галерее современного искусства (улица Остенде,45) — выставка работ 10 женщин-художниц, на которой представлены две гуаши Л.М.Козинцевой-Эренбург.

Каталог выставки; собрание В.Г.Козинцевой (СПб.).

20 августа

Опубликован очерк Осипа Дымова “На кино-фабрике “Уфа”:

Покидаем каменнообразный Париж и переходим, не спеша ... в Крым. Да, это подлинный Крым, с кривыми, идущими вверх и вниз, улицами, с узкими проходами и бывшим губернаторским домом.

— Это для чего?

— А мы скоро “закрутим” фильм Ильи Эренбурга “Любовь Жанны Ней”. Ставит этот фильм Пабст. Я видел в особом помещении заготовленный реквизит: мундиры белых и красных, ружья, сабли, сапоги, солдатские фуражки — до и после Октябрьские. К фильму Эренбурга готовятся заранее, как, впрочем, это в обычае УФА.

Одесса. Вечерние известия., 1927, 20 августа.

22 августа

А.Я.Савич пишет с острова Бель Иль в Москву своей сестре:

Теперь более или менее прояснилось наше решение. Мы пробудем на острове верно до четверга (сегодня понедельник), а потом останемся еще немного в Бретани и перед возвращением в Париж поедем по Луаре осматривать тамошние замки, которые очень красивы, как говорят <...> Завтра должен приехать сюда Якобсон с женой и дальнейший путь наш он проделает с нами.

СФ.

Когда мы выбрались на побережье, Роман Якобсон и его жена Соня, врач, живая и остроумная, к нам присоединились. Роман и И.Г. вели долгие беседы, прогуливаясь по берегу моря. Помимо бесконечных литературных разговоров был у них еще один серьезный и глубокий интерес — политика. <...> У Якобсона, как и у Сартра, глаза смотрят в разные стороны, но он все видел и замечал. В Бретани нас веселили его безумно комические номера.

НЛО. №12., 1995. С.103.

24 августа

Е.Полонская пишет М.Шагинян:

Эренбург путешествует по Европе и пишет еврейский роман.

Архив семьи М.С.Шагинян.

25 августа

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Я только что получил телеграмму от “Прибоя”: “ввиду изменив-

шихся условий рукопись* принята быть не может одновременно высылается заказной бандеролью Егоров" Что делать?

ЦГАЛИ СПб. Ф.414. Оп.1. Ед.хр.65.

Август

Журнал "Печать и революция" (№5) сообщает в "Хронике":

В "Die Litererische Welt" (№10, Берлин) В.Марку передает свою беседу с И.Эренбургом "Gesprach mit Ilia Ehrenburg".** Р.Гомес де ла Серна напечатал в №2 "Gaceta literaria" небольшой очерк об Илье Эренбурге.

28 августа

В "Правде" опубликованы литературные заметки В.Фриче "Люди проточных переулков".

1 сентября

В связи со статьей В.Фриче парижская газета "Возрождение" печатает статью под заголовком: "И Эренбург не угодил":

В номере 787 "Возрождения" был отмечен обширный донос на Пильняка, в произведениях которого один советский публицист обнаружил "мелко-буржуазную и реакционную романтику" и выражал крайнее недовольство направлением его творчества. Теперь дошла очередь и до Эренбурга. В номере 195 "Правды" напечатана резкая статья о его новом романе "В Проточном переулке". Автор статьи (В.Фриче) находит, что мир Ильи Эренбурга: жестокие мещане, кулаки и паразиты, ребячливые и мечтательные интеллигенты — бедняки, нищие, наконец, беспризорные.<...> Советский критик уверяет, что Эренбург совсем не знает настоящей современной России. А выдает за Россию "свой ограниченный и никчемный социальный мирок".

— Опубликованы "Литературные беседы" Г.Адамовича:

* "Белый уголь или Слезы Вертера".

** Беседа с Ильей Эренбургом (нем.).

Прочел я новый эренбурговский роман “В Проточном переулке”<...> Стиль безличен и текуч, как вода. Фантазия “трепещет крылышками, как слабенький птенец”. С натурализмом покончено, но еще ничего другого не найдено. Это какой-то Боборыкин, начитавшийся Жироду.

Париж. Звено., 1927. №3. С.127–128.

3 сентября

На заседании Ревизионно-Контрольной Комиссии писателей Ленинграда обсуждалось заявление И.Э. об отказе издательства “Прибой” издать принятую рукопись книги “Белый уголь или слезы Вертера”. Подписан протокол:

Слушали: Тов.Выгодский от издательства “Прибой” объясняет отказ издательства недоразумением и заявляет, что издательство намерено издать названную книгу на условиях, выраженных в телеграмме издательства Эренбургу от 26/V–27 г.

Постановили: Стороны пришли к соглашению: обязать издательство в недельный срок выслать автору аванс в размере 250 руб. В дальнейшем предложить издательству немедленно заключить с автором договор.

ЦГАЛИ СПб. Ф.33(2903)/ Оп.1. Ед.хр.241.

10 сентября

Парижская газета “Россия” помещает за подписью Обозреватель “Литературные наброски”:

Эренбургу жестоко достается за его роман “В Проточном переулке”. Разносит его Фриче, можно сказать, присяжный коммунистический критик. Достается ему более всего за одну, показавшуюся коммунистическому начальству криминальной, фразу. Вот эта фраза, навлекшая неприятности на бедного Эренбурга.

“И сдается мне, идет эта наша Россия такая же ребячливая и беспризорная, мечтательная и ожесточенная, без угла, без ласки, без попечения — страна-”дите”, уже все испытавшее — идет (от станции до станции) все дальше и дальше по горячей пустой дороге, среди чужих колосьев, чужого богатства. И сил нет спросить — и дойдет ли, дойдет ли она!”

Не может советский писатель называть страну СССР “ребячливой, беспризорной, мечтательной и ожесточенной”!

“Этот образ совершенно не вяжется, — по мнению г.Фриче, — ни с рабочей, ни с крестьянской, ни с интеллигентско-спецовской, ни, тем более, с коммунистической Россией”.

Но не только за это достается бедному Эренбургу. Этот чудак выдумал назвать одного из своих героев — торговца — Панкратовым, а Панкратов слово греческое и на русском языке означает “Всевластный”. Как же смеет Эренбург так именовать “кулаков-торговцев” и “не переоценивает ли автор социальную значимость и мощь этого слоя?”

13 сентября

И.Э. возвращается из Бретани в Париж и в тот же день отвечает на все письма, пришедшие на его имя за время поездки.

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Только что вернулся в Париж (из Бретани), застал Вашу телеграмму, письмо и книгу. Ваша заботливость и внимание глубоко меня тронули. Примите это не как слова, а как настоящую признательность неизбалованного дружеским участием писателя. Я очень рад, что все в “Прибое” кончилось хорошо <...> Я жду теперь от “Прибоя” аванса и текста договора. Я пишу Груздеву, чтобы он передал рукопись в “Прибой”. Я хотел бы пополнить книгу некоторыми новыми статьями.

Вопросы литературы,
1997. №2. С.247.

15 сентября

В журнале “Прожектор” (№17) опубликован очерк И.Э. “Встреча автора со своими персонажами”.

18 сентября

Вс.Мейерхольд выступает перед клубными работниками Ленинграда в актовом зале Дворца Труда. Отвечая на записки, Мейерхольд сказал:

"Д.Е." — весьма посредственная пьеса. Пусть радуется моему заявлению Илья Эренбург, с которым мы поссорились, ибо он сам претендовал на переделку своего романа в пьесу, а я отказался от его услуг.

Вечерняя красная газета.
Л., 1927, 11 и 20 сентября.
Неделя., 1974. №7. С.15.

21 сентября

И.Э. пишет в Ленинград Е.Замятину:

Я был в Бретани и бездельничал. Теперь буду кончать моего "Ройтшванеца", который выйдет, вероятно... в переводах. Не изменяю прозе с театром. Я прочел "Неистовые истории" и снова взроптал: почему Замятин не пишет романов?

— И.Э. пишет на машинке в Москву В.Лидину:

Незабвенный Рюрик Абрамович, (как прекрасно это имя — печатным!), посылаю Вам несколько карточек, других пока не увеличил <...> Мы уже неделю в Париже. Сава с Дравой* через несколько дней уезжают в Берлин. Надо приниматься за работу. Лень. Здесь сейчас Бабель и Эфрос /.../ Все мы, совершившие вместе с Вами памятный путь из Пор-Мане в Пон-Авен, умиленно Вас вспоминаем и приветствуем.

22 сентября

И.Э. посылает в Москву В.Г.Лидину новые фотографии, сделанные в Бретани.

24 сентября

И.Э. пишет Е.Полонской:

Я вернулся в Париж и думаю кончить "Ройтшванеца". Почему он Лазик? "Я сказал себе "лезь Лазик" и я лезу". Тебе понравился "Швейк"? По-моему, это замечательная книга. Меня она совершенно потрясла. Помимо сего перечитывал в энный раз

* Так, по имени рек, И.Э. прозвал О.Г. и А.Я.Савичей.

"Rouge et Noire"*, ходил, плавал,пьянствовал, хворал печенкой и в итоге вернулся на 7-ой этаж St. Marcel'я. Ты помнишь квартал? Напротив Jardin des Plantes построили мечеть, в мечети ресторан для снобов, там кормят бараниной и чем-то вроде "Сазандари".

— И.Э. получил книгу Н.Тихонова "Поиски героя" с надписью: "Старому путешественнику — дорогому другу Илье Григорьевичу Эренбургу с искренней любовью. Ей богу — мы умеем смеяться.

Когда же за нами в лесу густом
Пускают собак в погоню,
Мы тоже кусаться умеем — притом
Кусаться с оттенком иронии.

Ник.Тихонов, 1927.

Оз. Хэко-Ярви." Собрание И.И.Эренбург.

И.Э. пишет Н.Тихонову:

Еще раз спасибо за прекрасную книгу. Я прочел ее вчера снова <...> Мы вернулись в Париж и я возвратился к моему "Лазику Ройтшванецу". Очень обидно, что не могу переслать Вам здешнего издания "В Проточном переулке" (Московское обкорнано).

29 сентября

Парижская газета "Возрождение" под рубрикой "Литературная хроника" пишет:

Роман И.Эренбурга "В Проточном переулке" вышел в Париже месяца два тому назад. "Последние новости" писали по этому поводу: "Почему не в России? Очевидно потому, что в России Илья Эренбург не в фаворе у казенных издательств. Непризнанный здесь и отвергнутый там, Эренбург ..." и т.д. Мы тогда же разъяснили, что все это не столь трогательно, что роман напечатан здесь в количестве 1тыс. экземпляров ради закрепления за Эренбургом авторского права за границей, т.е. вовсе не потому, что большевики "отвергли" г.Эренбурга. Тут же мы высказали уверенность, что "вслед за тем, в количестве нескольких тысяч, книга будет издана в СССР". Вышло, разумеется, по-нашему. В

* Роман Стендаля "Красное и черное".

качестве 7-го т. собрания сочинений И.Эренбурга роман уже появился в продаже в казенном издательстве “Земля и Фабрика”. На книжке значится: отпечатана в типографии “Печатный двор” в количестве десяти тысяч экземпляров”.

30 сентября

Б.Л.Пастернак надписывает свою книгу “1905 год” И.Э. и Л.М.Козинцевой-Эренбург: “Дорогим друзьям Любови Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам на добрую память. Б.П”.

Собрание И.И.Эренбург.

Сентябрь

В Париж приезжает Анастасия Цветаева:

С двумя людьми я в Париже в те дни увиделась: это были Илья Эренбург и муж моей гимназической подруги Поль Элюар. К Эренбургу я поехала с Сережей*. Илья Григорьевич жил в небольшой квартире, скромно. Книги, книги. Помню его сходящим по узенькой лесенке (внутри комнаты, как бывает в художественных мастерских, и как было в Коктебеле у М.А.Волошина, где я впервые, давно видела Эренбурга. Только теперь за окнами было не Черное море, а сизый и радужный в солнце, осенний Париж). Илья Григорьевич был худой и почти такой же, каким я его помнила: тот же пристальный, умный взгляд карих глаз, та же речь, зоркие, бросаемые как бы нехотя, замечания. Думается, курил трубку. Помню темные прекрасные глаза его жены, грациозной и молчаливой, ее бледное, худое лицо, пробор темных волос.

Цветаева А. Воспоминания. М.: Сов. писатель., 1984. С.694–695.

— В Праге опубликована рецензия Н.Мельниковой-Папоушек на роман И.Э. “В Проточном переулке”, изданный “Геликоном”:

Когда около полугода тому назад один из друзей И.Эренбурга прочел мне несколько отрывков из “Проточного переулка” с явной целью убедить меня, что новая вещь должна примирить меня с творчеством Эренбурга, то несмотря на приятное впечатление,

* С.Я. Эфрон.

признаюсь, я не уверовала. Ведь из Эренбурга легче, чем из кого бы то ни было, вырвать отдельные места, ибо свои вещи он составляет из одного большого сюжета, в который, как при мозаичной работе, вкрапливает массу мелких наблюдений, мыслей, остроумных замечаний и даже парадоксов <...> Поэтому, когда вышло книжное издание “Проточного переулка”, я обратилась к нему с особо живым интересом и даже простым любопытством, стремясь поскорее узнать, кто из нас двоих был в действительности прав. Как это всегда бывает в жизни — правда была посередине. Можно смело сказать, что “В Проточном переулке” является для творчества И.Эренбурга огромным шагом в сторону от таких вещей, как “Лето 1925” или “Воображаемые страдания завсегдатая кафе”, что в нем, хотя и в совершенно ином жанре, он примыкает к своим ранним произведениям, как-то: “Хулио Хуренито” и “13 трубок”. Прежде всего поражает то, что И.Эренбург, наконец, хотя бы один раз вступил на традиционный путь русской художественной литературы. До сих пор не было автора пишущего на русском языке и в то же время столь чуждого всем особенностям этой литературы <...> В ногу с последним устремлением последнего литературного течения должен идти И.Эренбург, таков уж его характер. В данном случае я думаю, не малое значение сыграла его поездка в Россию, где он набрался свежего духа, увидел, что делается в литературных кругах и что требует читатель, уставший от обыденщины <...> Будем надеяться, что “Проточный переулок” будет поворотным пунктом творчества И.Эренбурга, что он начнет смотреть больше в себя, чем на все стороны.

Прага. Воля России.,
s1927. №8–9. С.214–217.

1 октября

И.Э. встречается с А.М.Эфросом, который дарит ему свою книгу “Господин Бержере у Старицына” с надписью: “Илье Григорьевичу Эренбургу дружески в память парижских встреч”.

Собрание И.И.Эренбург.

6 октября

И.Э. получает письмо М.Слонимского и отвечает ему. Посылает Слонимскому рукописи двух статей для сборника “Белый уголь или слезы Вертера”:

В Париже все по старому. Недавно приехала Форш, но я ее еще не видел /.../ Я много работаю — заканчиваю “Ройтшванеца”. Что Вы пишите? Я уже, кажется, писал Вам, что “Лавровы” на мой взгляд книга крепкая, спокойная и нужная.

ЦГАЛИ СПб. Ф.414. Оп.1. Ед.хр.65.

10 октября

И.Э. пишет в Москву В.Лидину:

Дорогой Рюрик Абрамович (кстати, в “Ройтшванеце” действует Рюрик Абрамович Солитер), не сердитесь, что отвечаю с опозданием — хворал <...> Здесь цветет Эфрос. Я все боюсь умереть, пока он здесь — вот будут похороны! <...> Сава в Берлине поминает омаров. Приехал Фотя*, привез марс и вонючий сыр в подарок. Бабель был у нас. Вино пил с осторожностью. Я много работаю — кончаю “Ройтшванеца”.

26 октября

И.Э. получает от В.Лидина его статью о Франции и отвечает ему на русской машинке:

Мон шер Рюрик Абрамовитш,

Си же гарде мон сафруа ан лизан де Поль Валери э де Пикассо, же плере он ме сувенан де ту ле з aперетив бю ансамбль. Дир ке же буа ле Анжу, э ву дю квас авек дю крен дан сет буат де “кружок”. О се тушан э малере! Же фини мон роман. Се повр Ройтшванец э мор э антере. Иль а пассе юн ви времан оражев. А Пари пар экземпль иль эте пайнтр э гастроном. А Моску иль эте критик дюн групаман ки сапель “Бди”, се та тир контроль. Иль эте “бдист”, танди ке Солитер эте юн эдитер дан ля жанр де нотр пе регрете Дозорец./.../ Се суар же маншере ше Шимон юн фазан э же бювере ле вье мар а ля вотр сантэ, мон иннублиабль компаньон э ами, тре шер Солитер!

---

* Художник С.Фотинский.

Же вуз амбрасс вотр Илиа Эранбур. (Мой дорогой Рюрик Абрамович, Если я довольно равнодушно отношусь к Полю Валери и Пикассо, то я плачу, вспоминая все аперитивы, которые мы выпили вместе. Подумать только, что я пью анжу, а Вы — квас с хреном в заведении, которое называется "Кружок". Как это трогательно и печально! Я кончил свой роман. Несчастный Ройтшванец умер и лежит в могиле. У него была действительно бурная жизнь. Например, в Париже он был художником и гастрономом. В Москве — критиком и товарищем "Бди", т.е. — контролируй. Он был "бдистом", а Солитер — издателем вроде нашего несчастного Дозорца / .../ Сегодня вечером я буду у Симона есть фазана и пить старый мар за Ваше здоровье, незабвенный мой компаньон и друг, за очень дорогого Солитера.

Ваш Илья Эренбург. — перевод И.И.Эренбург)

— Под названием "Советская Россия без коммунистов" опубликована рецензия А.Агафонова на роман И.Э. "В Проточном переулке":

В нашей двухмиллионной столице, в центре мировой революции, в резиденции Исполкома Коминтерна, ЦК ВКП(б), правительства СССР и РСФСР, в Мекке не только пролетариата всего мира, но даже и просто всех мало-мальски прогрессивных и чутких к истории своих дней людей, в этом бьющим живым ключом, кипучем городе, Эренбург ухитрился выбрать именно Проточный переулок. Проточный переулок, это — свалка человеческого мусора близ Смоленского рынка <...> Беда и вина Эренбурга не в том, конечно, что он ярко и сочно изобразил смрад человеческой клоаки, а в том, что он не сумел, да и не захотел, изображая уголок современной нашей красно-белокаменной столицы, видеть и показывать что-либо, кроме этой клоаки <...> Увиденная и показанная сквозь жижицу Проточного переулка Советская Россия, — это не реальная наша страна, а заповедный идеал П.Н.Милюкова, это — Советская Россия без коммунистов.

Вечерняя красная газета. Л., 1927, 26 октября.

31 октября

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Куда переходит моя книга*? Получили ли Вы досланные Вам статьи? Я кончил "Ройтшванеца". Сейчас его переписывают. Думаю послать в Ленгиз — Груздеву.

ЦГАЛИ СПб. Ф.414. Оп.1. Ед.хр.65.

3 ноября

И.Э. посещает советское посольство в Париже.

Из досье парижской полиции. (Lilly Marcou "Ilya Ehrenbourg". Paris.: Plon., 1992. P.95–96.)

4 ноября

Парижская газета "Дни" пишет по поводу выступления "Вечерней красной газеты":

"Красная газета" очень недовольна новым произведением И.Эренбурга "В Проточном переулке". Недовольна газета по той причине, что Эренбург давая как в капле воды, отражение современной советской жизни в миниатюре Проточного переулка, не увидел "светлого пятна" коммунизма.

Октябрь

В журнале "Красная новь" (№10) опубликован очерк И.Э. "Бретань".

Начало ноября

И.Э. начинает работу над циклом рассказов.

9 ноября

И.Э. пишет Е.Замятину:

Я кончил сатирический роман "Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца". Боюсь, что в России не выйдет. Сейчас пишу рассказы. Получили ли Вы "В Проточном переулке"?

* "Белый уголь или Слезы Вертера"

13 ноября

В литературном приложении к “Frankfurter Zeitung” помещена рецензия на роман И.Эренбурга “Рвач”, который вышел в переводе на немецкий язык в издательстве “Malik-Verlag”(в Берлине). В переводе роман назван “Michail Lykow”.

Печать и революция., 1928. №1. С.229.

16 ноября

И.Э. пишет В.Полонскому:

В ближайшее время я еду на несколько недель в Польшу и мог бы дать ряд очерков об этой поездке <...> Посылаю при сем рассказ* для “Нового мира”. Если Вам не подойдет, верните, пожалуйста, рукопись.

РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.379. Л.5.

19 ноября

Газета “Красная звезда” публикует рецензию на роман И.Э. “В Проточном переулке”:

Издательство “ЗиФ” приступило к выпуску Собрания сочинений Эренбурга. Из современных писателей — Эренбург один из самых читабельных и, пожалуй, самый иностранный <...> В своем романе — “В Проточном переулке” автор выступает в новой роли — влюбленного в человека. Эта любовь к человеку чувствуется на всех героях нового произведения.

21 ноября

“Ленинградская правда” публикует статью П.Медведева “Десять лет советской литературы”:

Нельзя отрицать наличие тенденций к возрождению чисто буржуазной литературы. Такие произведения, как “Любовь Жанны Ней”, “Рвач” и “В Проточном переулке” Эренбурга <...> являются в этом отношении достаточно красноречивыми симптомами.

---

* “Веселый Паоло”.

23 ноября

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Прошел ли "Белый уголь" без купюр? Мне это очень важно знать. "Ройтшванеца" хочет печатать "Круг", но еще не известно, пропустит ли его Главлит <...> Я еду на две недели в Польшу — с литературными выступлениями.

27 ноября

Опубликована статья М.Янковского "Философия завсегдатая кафе":

Трудно господину Эренбургу без кафе "Ротонда", знаете, того самого кафе, которое помещается на углу "где скрещиваются бульвары Монпарнас и Распай, на историческом углу, причастном к Циммервальду, к кубизму и к Большой Медведице".

Насчет Большой Медведицы господин Эренбург прибавил для красного словца, но Троцкий, действительно, в циммервальдскую пору захаживал в кафе. Ах, это было время великих дел, а теперь в "Ротонде" никого, кроме занюханных молодых людей, проституток и господина Эренбурга, пожалуй и не встретишь <...> В "Проточном переулке" живут настоящие, эренбурговские люди <...>

Он ищет их сейчас в Советской России, смакуя появление нового мещанина в осклизлом переулке и восклицая коленопреклоненно перед ним "верую" <...>

Господин Эренбург выпивает еще рюмочку. Вдохновение разрастается, и быстрая рука на забрызганном кофе листке творит очередной буржуазный пасквиль на наш сегодняшний день. Не хватит ли нам эренбурговщины?

Смена. Л., 1927, 27 ноября.

Конец ноября

По пути в Польшу И.Э. делает остановку в Берлине.

29 ноября

Варшавская газета "За Свободу" пишет:

2 декабря приезжает из Москвы, чуть ли не "по телефону" сам

Илья Эренбург <...> Мы приводили в свое время чисто "джентльменские" отзывы Маяковского и Сейфуллиной о пребывании в Варшаве. Интересно, что напишет "друг-москаль" Эренбург после того, как его примут с распростертыми объятиями? Вероятно, нагадит совершенно также, как Маяковский и Сейфуллина. Впрочем, поживем, увидим. А пока поздравляем поляков с приобретением нового, свежеиспеченного "друга-москаля".

1 декабря

И.Э., О.Г. и А.Я.Савичи и немецкий актер Фриц Расп посылают в Москву приветственную открытку В.Г.Лидину (почтовый штемпель Шарлотенбурга).

2 декабря

И.Э. приезжает в Варшаву:

С первого дня ко мне приставили сыщика. Я не слишком дивился: ведь подобные "попутчики" попадаются даже в самых передовых государствах. Сыщиков было два. Они через день менялись. Один — поляк, мечтательный и растяпа. Другой — еврей. Этот был нахален. На улице он подбегал вплотную, желая подслушать разговор. Может быть, он просто интересовался (как все его сверстники и соплеменники) русской литературой? К сыщикам я быстро привык, и мне они никак не мешали. Платил я за визу и за право пребывания примерно 8 злотых в день. Меня заверили, что сыщик получает не больше. Я мог, таким образом, радоваться, что не ввожу польское государство в расходы.

Эренбург И. Виза времени. Берлин. Петрополис. С.151–152.

— В пятницу утром изволил прибыть из Парижа "сам" Илья Эренбург. Как сообщают польские газеты, знатного гостя встретили на вокзале представители молодой польской литературы во главе с Юлианом Тувимом.

Само собой разумеется, что мы ничего не имеем против приезда этого писателя в Варшаву. Более того, мы не вправе вмешиваться в работу поляков по "культурному" сближению с большевиками. Мы даже готовы верить, что Илья Эренбург принадлежит именно к числу

тех “приятелей- москалей”, которых имел в виду г.Богомолов*, когда он кстати и с таким дипломатическим тактом профанировал имя Адама Мицкевича.

И тем не менее мы позволим высказать одно маленькое “но”.

Талантливый польский поэт Юлиан Тувим прекрасно знает русскую литературу, ценит и любит ее. Почти “кон-гениально” перевел он “Медного всадника”. Его любимый русский писатель — Гоголь, над переводом которого он нынче работает.

Из этого следует, что Тувим понимает, что такое русский литературный язык, и что такое подлинная литература.

Но в таком случае, почему он возится с Эренбургом?

Эренбург типичный “интернациональный” писатель “из журналистов”, без языка, без серьезного отношения к слову. Он сродни таким модным и хлестким борзописцам, как Доржелес, Декобра и многие другие. У него есть выдумки, есть неожиданные эффекты, но все это ветром подбито. В то время, как настоящие мастера высекают свои слова из гранита, шлифуют свой язык упорной работой, Эренбург уснащает свою “литературу” быстро отлитыми гипсовыми украшениями, которым грош цена. Это не более, как “ловкач”, знающий чем “угодить” невзыскательному читателю сегодняшнего дня. В кабаретах выступают очень часто талантливые танцоры, имеющие успех в негритянско-аргентинских танцах. Эренбург принадлежит к той же категории талантов. А потому уготованная ему торжественная встреча со стороны молодых польских писателей с Юлианом Тувимом во главе нас несколько удивляет.<...> Нас никто не заподозрит в симпатиях к Маяковскому. Однако мы должны признать, что Маяковский куда значительнее Эренбурга, не говоря уж о покойном Есенине.

Эренбург — воистину “ни с чем пирожок”, одетый в модные одежды. <...> Ни минуты не сомневаемся, что в душе г.Тувим с нами согласен.

Но тогда к чему же эти чествования? Насколько нам известно, в чествовании этого “писателя” примет участие и польский ПЭН-клуб.

Означенный клуб чествует по трем разрядам.

---

* Полпред СССР в Польше.

Высший разряд — это банкеты.

В прошлом сезоне банкетов удостоились такие видные писатели, как Томас Манн, Честертон и Бальмонт.

Второй разряд — это "интимные завтраки".

Третий разряд — это "черная кава" в пять часов дня.

По слухам Эренбургу готовят торжественный банкет при участии советских дипломатов.

Не нанесет ли такой банкет ущерба ПЭН-клубу?

Варшава. За Свободу., 1927, 4 декабря.

— Мы не знаем точно, по чьей инициативе Эренбург приехал в Варшаву. По-видимому, польские литературные круги его в Польшу не приглашали, хотя и отнеслись к его приезду корректно. По всей вероятности, инициативу взял в свои руки варшавский полпред Богомолов, любящий говорить о культурном сближении между Сов.Россией и Польшей. В качестве оружия этого сближения его выбор пал на Эренбурга, который и был вызван в Варшаву.

В польской столице Эренбурга встречал от имени молодой польской литературы поэт Тувим и представители полпредства. По советскому обычаю, Эренбург остановился в полпредстве и это обстоятельство как бы подчеркнуло символически связь между писателем и зданием, в котором был убит польский гражданин Трайкович, это сразу расхолодило варшавян.

Рига. Сегодня., 1927, 9 декабря.

3 декабря

Польская газета "Эпока" сообщает о беседе И.Э. со своим корреспондентом:

Сейчас одним из самых модных русских писателей является бесспорно Илья Эренбург, который вчера прибыл в Варшаву, чтобы прочитать здесь две публичные лекции.

Тувим представляет русскому литератору сотрудника "Эпоки". Мы беседуем о молодой русской литературе. Эренбург хвалит своих коллег из Советской России. Среди них он видит много подающих надежды талантов. Наиболее интересными он считает Пастернака, Мандельштама, Тихонова. Это поэты, а среди прозаиков ему наиболее по вкусу Бабель, Иванов, Федин, Замятин.

— А что вы скажете о другой группе русских писателей, работающих за пределами СССР.

Ничего не скажу. Русская литература только одна, и она находится там, где русский народ и русская речь. Что, впрочем, не мешает тому, что за границей пребывает виднейший русский писатель Максим Горький.

— Знаете ли вы польскую литературу? Какого вы мнения о ней?

К сожалению, я знаю мало литературных произведений, поскольку их мало переводят на иностранные языки. Конечно, я знаю и очень ценю всех польских классиков. Из более поздних я испытываю самое глубокое уважение к Жеромскому. На тему о новейшей польской литературе я не имею права высказываться, ибо не знаю ее настолько хорошо, чтобы составить себе о ней определенное мнение.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.5. М.: Наука., 1967. С.237–238.

— Читаешь это интервью и не знаешь, кто над кем пошутил: сотрудник “Эпоки” над Эренбургом или обратно.

Представителя польской газеты г.Эренбург принял не в “роскошном салоне”, а в кофейне Европейской гостиницы за “Вермутом” (к сожалению, г.интервьюер, во-первых не отметил марки, и мы не знаем, какой именно вермут пил пролетарский писатель: Мартини, Цинзано, или какой-нибудь другой. Во-вторых, мы не знаем, пил ли он вермут-сек, или с сельтерской).

Варшава. За Свободу., 1927, 6 декабря.

3–6 декабря

И.Э. прочел в Варшаве три лекции о советской литературе.

И.Э. знакомится с польскими писателями Ю.Каден-Бандровским, Витлиным, В.Броневским.

— В читательских кругах Польши радостное событие: прибыл “знаменитый русский писатель Илья Эренбург, тот самый, который написал “Любовь Жанны Ней” и т.д. Прибытие его было обставлено самым помпезным образом: на вокзале его встретило большое общество — писатели, журналисты, издатели и поклонники таланта Эренбурга. Затем, когда Эренбург с вокзала отправился в гости-

ницу — газеты с благоговением отмечают, что гостиница эта первоклассная — началось буквальное паломничество. Вот как журналист Н., сотрудник одной весьма солидной газеты, описывает свое интервью с писателем:

Я застал Эренбурга в номере сидящим в глубоком кресле с неизменной своей трубкой в зубах. Он сказал мне, что с этим своим верным товарищем он не расстается ни на одну секунду. Беспрерывно звонит телефон и стучат в дверь. Это — поэты, издатели, кинорежиссеры, переводчики (вернее, переводчицы), критики и просто поклонники. На вопрос интервьюера, чем занят сейчас Эренбург, тот ответил: — Я только что закончил новый роман под названием “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” <...>Меня очень заинтересовала действительно бурная и фантастическая жизнь гомельского портного. Что касается еврейской литературы, то я ее знаю мало. Из молодых писателей-евреев, пишущих о евреях, я хотел бы отметить крепкий талант Варшавского (его книжка под названием “Спекулянты” вышла в Госиздате под ред. А. Соболя).

Райтлер Ю. Эренбург путешествует. Вечерняя красная газета. Л., 1927, 18 декабря.

— В заметке “Эренбург в Варшаве” польская газета “Вядомости литерацке” сообщала:

В Варшаве Эренбурга интервьюируют 3 газеты — “Эпока” (Гулька Лясковский) в №332, “Наш пшеглёд” (№331) и “Хвиля” (Генрик Адлер в №312). Бешено атакуют творчество Эренбурга Чеслав Янковский в №227 “Слова” (“Издательское движение”) и Адольф Новачинский в №333 “Газеты поранной варшавской” (“Эпохи Эренбургов”).

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.5. М.: Наука., 1967. С.238.

Самый известный из польских публицистов Новачинский отметил мой приезд боевой статьей. Он, конечно, ругал меня, я ведь 1)русский, 2)советский, 3)еврей. Но все же интересовало его нечто совсем другое. Статья называлась “Эренбург в городе Эренберга” и в ней он, воспользовавшись сходством фамилий, сводил свои счеты с другим варшавским публицистом Эренбергом.

Эренбург И. Виза времени. Берлин.: Петрополис. С.170.

4 декабря

На третий день после приезда Эренбурга в одной из больших варшавских зал состоялся его публичный доклад. Надо сказать правду — зал был не только полон, но прямо переполнен. Но напрасно глаз искал в этой толпе обычных посетителей литературных докладов. За исключением нескольких журналистов, привлеченных профессиональным долгом, да, может быть, нескольких любопытных, громадное большинство слушателей составляли девицы и юноши декадентско-дегенеративного типа.<...> Карандаши хроникеров варшавских газет не отметили в этот вечер ни одного мало-мальски известного имени, за исключением списка варшавских полпредчиков. Последние явились послушать своего писателя в большом числе, с секретарем полпредства Аркадьевым, руководителем варшавского ГПУ, во главе.

Доклад Эренбурга разочаровал его поклонников. Он говорил долго, почти два часа, с перерывом для отдыха, но вся его речь, посвященная современному литературному романтизму, сводилась к бледному и скучному изложению истории футуризма, превратившегося в "героической" Москве в "завоевавший Запад конструктивизм".<...> По-видимому, от Эренбурга ждали большего. Потасканный и лысеющий "молодой человек", говоривший с трибуны о поэзии машин, и пр., не затронул никаких живых струн в душах своей аудитории и его попытки прельстить ее осторожными намеками на "революционность" эренбурговской литературы и достижения советской Москвы не подняли настроения. Жалкие хлопки провожали оратора к выходу.

Но большевики, конечно, были довольны. Эренбург начал свой доклад с заявления, что хочет видеть в интересе, проявленном к нему, признак интереса к молодой революционной ... советской литературе. И несомненно теснота и духота, царившая на его варшавском докладе, будет именно так истолкована советскими газетами.

Рига. Сегодня.,
1927, 9 декабря.

6 декабря

И.Э. был на приеме в ПЭН-клубе, где присутствовало 30 польских писателей и критиков.

ГАРФ. Ф.5283. Оп.5. Д.7. ЛЛ.33–34.

Никто не спросил себя: кого, за что и с какой стати чествовать, а просто "решили" ознаменовать событие в польском ПЭН-клубе.

Париж. Возрождение., 1927, 9 декабря.

Варшавская газета "За Свободу" с издевкой пишет:

Мы ошиблись. Наше сообщение, что польский ПЭН-клуб даст в честь Ильи Эренбурга банкет, оказалось неточным. Чествовать "знакомитого" писателя будут по "третьему разряду", чашкой кофе, не то в музее торговли, не то в кассе хорых.

Главной приманкой будут речи:

1) Тов.Богомолов. "Мицкевич и Сталин".

2) Тов.Клочко. "Мое знакомство с маршалом Франции д'Эсперре".

3) Илья Эренбург. "Гете и я".

4) Он же. "Я и Данте".

Не так давно в Варшаве побывали Маяковский и Сейфуллина. Но к ним Варшава отнеслась сдержанно, как к настоящим большевикам. К Эренбургу отнеслись иначе, хотя вскоре и разочаровались <...>Польская печать отнеслась к приезду Эренбурга сдержано. Демократические газеты обошли этот приезд молчанием. Правые отозвались довольно резко о советском госте. Не менее резко, определенно и вразумительно "приветствовала" приезд Эренбурга варшавская "За Свободу". Еврейские газеты послали к Эренбургу своих представителей, но и в беседе с ними он не был красноречивее, чем в беседе с сотрудником "Эпохи".

Рига. Сегодня., 1927, 9 декабря.

— Чтобы не уснуть, я просматриваю газеты, ворох всученных мне на прощание одним остроумным поклонником. Это тоже напутственные речи, не на банкетах, без рябиновки.

"Эренбург бил поклоны цадику" ("Курьер заходни").

"Большевистский писатель Эли Эренбург обрадовал всю иудейскую Варшаву" ("Слово", Радом).

"Большевистский писатель ребе Эли Эренбург сказал, что Бабеля зовут не "Иван", но "Исак" ("Слово поморске", Торн).

"Издание собрания сочинений этого российско-семитского наплевательства крайне вредно" ("Курьер познанский").

"Плюгавый певец чрезвычайки" ("Курьер лудзский").

"У нас нет цензуры. Но распространению таких книг, возбуждающих классовую ненависть, должен быть положен конец. Спекуляция издательства имеет свои границы. При настоящих условиях издание книг Эренбурга дело ненужное и опасное" ("Слово", Варшава).

"Эренбург может забирать свои пожитки и возвращаться восвояси. Мы хорошо знаем, чему служат все эти спецы: Эренбурги, Бабели, Пастернаки, Мандельштамы" ("Слово польское", Львов).

Эренбург И. Виза времени. Берлин.: Петрополис. С.208.

7 декабря

Ю.Райтлер в "Письмах о русской литературе" пишет:

Илья Эренбург — "съехавший на грошовую, сентиментальную философию о торжествующей любви". (Вероятно, поэтому ни одного русского писателя так усиленно не переводят в Польше, как Эренбурга. Только на днях во всех польских журналах появились сообщения о том, что уже вышли из печати т.5 и 6 полного собрания сочинений И.Эренбурга. А фильм "Любовь Жанны Ней" не сходит у них с кино-репертуара).

Вечерняя красная газета. Л., 1927, 7 декабря.

После 7 декабря

И.Э. выезжает из Варшавы в Лодзь, где читает две лекции о советской литературе.

Из Лодзи И.Э. выезжает в Краков.

8 декабря

Варшавская газета "За Свободу" помещает статью Е.Шевченко "Лукавые и верные (На путях подсоветской литературы)":

На положении литературных эмиссаров проживают постоянно за границей два советских, наиболее благонадежных писателя — это

Максим Горький и Илья Эренбург. Это обстоятельство мы уже однажды отмечали. Тогда по поводу пасквиля, написанного Ильей Эренбургом на русскую эмиграцию в "Прожекторе" (Илья Эренбург назвал бедствующих в изгнании бывших русских офицеров сводниками и сутенерами) и по поводу письма Максима Горького к Ганецкому-Фюретенбергу о соболезновании по случаю смерти Дзержинского. Мы указывали, что эти два писателя образовали как бы литературное полпредство за границей.

Один из этих полпредов, Илья Эренбург, предпринял теперь "литературное" турне и находится в Варшаве. Полпреды, как известно, пользуются особыми прерогативами, и, если г-ну Богомолову разрешается за границей ссылаться на буржуазного поэта Мицкевича, то Илья Эренбург собирается сказать слово о таком же поэте, Словацком.

Илья Эренбург, постоянный сотрудник советского литературного лейборгана "Красная новь" и других советских журналов, пользуется известным успехом за границей и особенно, почему-то, в Польше. <...> Эренбург, кафейный парижский заседатель, "глобтроттер", новый вид усовершенствованного "проходимца" по Горькому, циник и саморекламист и самохулитель. Прототипов Эренбурга много в свое время можно было встретить на Николаевском бульваре в Одессе.

Но Илью Эренбурга торжественно встречают в Варшаве, как "знаменитого русского писателя".

Его интервьюируют, и он говорит о себе в своем гостиничном номере, где на столе у него для потрясенного посетителя припасены и вещественные доказательства его величия: "на столе — сообщает сотрудник "Naszego Pszeglady" целая кипа произведений Эренбурга на различных языках. Тут мы видим прекрасное немецкое издание, несколько книг, переведенных на польский и французский языки и оригинальное русское издание. Рядом масса фотографических снимков и кинематографические афиши, рекламирующие "большую фильму", исполненную по роману "Любовь Жанны Ней".

Свою автобиографию Эренбург начинает с признания, что далеко не все он может сказать о себе — "пока существуют контрразведки различных мастей, о многом лучше умолчать". Вероятно он

опасается и ГПУ, предпочитая оставаться за границей. Неизвестны грядущие пути Эренбурга, но он уже раз побывал в роли "отступника". Может последовать и новая перемена милого лица с "идейными задумчивыми глазами".

9 декабря

В связи с поездкой И.Э. в Польшу варшавский корреспондент рижской газеты "Сегодня" В.Сергеев пишет:

Отрицательные стороны творчества и личность Эренбурга не нуждаются в сгущении красок для производства того впечатления, которого они заслуживают.

Эренбург — несомненно талантлив. У него развит дар наблюдательности и умения передать свою мысль меткими и четкими фразами. Природное дарование он сочетает с некоторой литературной культурой. От французских писателей Эренбург перенял умение так обращаться со своим пером, что его произведения, независимо от тех чувств, которые они рождают в читателе, не оставляют его равнодушным.

Эренбург менее всего коммунист. Советская критика давно разоблачила его марксистскую правоверность и указала на его "мелкобуржуазный уклон". Это, конечно, не мешает Эренбургу служить большевикам, а большевикам — пользоваться Эренбургом, когда это необходимо советской власти для целей своей пропаганды. Но настоящего, идейного коммунизма в Эренбурге нет ни на грош. Он весь — Запад, парижская богема, Латинский квартал. В любом "буржуазном" государстве Эренбург был бы, вероятно, хорошим журналистом, автором пикантных фельетонов и путевых заметок, таким он и был некоторое время, когда в Киеве и Ростове при Добровольческой Армии выступал в печати с резкими антибольшевистскими статьями.

Но произошла революция и Эренбург не имел мужества ни осудить себя на трудный путь писателя-эмигранта, ни наложить на свои уста печать протестующего молчания. Эренбург остался в Сов.России, легко выдвинулся среди бездарных "пролетарских писателей", прогремел на всю Москву, а оттуда, подталкиваемый "обществом культурной связи с Западом", распространил свою

"славу" в странах, читающих по-русски. Революция дала Эренбургу "славу" и чистую прибыль. Но большевизм нанес ему как писателю непоправимый ущерб. Освободив его от уз, которые в других условиях сдерживали бы его природный цинизм и скептицизм, большевизм дал Эренбургу возможность развернуть во всю ширь эти отрицательные свойства его души и таланта. В результате — отсутствие нравственного стержня в его мировоззрении, полная моральная опустошенность души, которой дальше идти некуда. Эренбург писатель еще молодой, но уже конченный. У Эренбурга остался свой узкий круг читателей, но круг этот обречен, как обречен сам писатель, как обречена советская власть и весь тот мир идей или, вернее, безыдейности, которым наполнены произведения Эренбурга.

10 декабря

Варшавская газета "За Свободу" печатает статью "Культурное сближение":

В то время, как Эренбург, под покровительством польского литературного клуба (ПЭН-клуб) делает публичные доклады и рекламирует "свое" большевистское правительство, выступление молодого пианиста Оборина, как мы сообщали, не состоялось.

Оказывается, большевики совершенно сознательно не выпустили его из России.<...> А Эренбург свободно разъезжает по Европе, рассказывает еврейские анекдоты и втирает очки порядочным людям.

11 декабря

И.Э. встречается с Я.Ивашкевичем и дарит ему польское издание "6 повестей о легких концах".

Вопросы литературы., 1984. №1. С.198.

13 декабря

Парижская газета "Возрождение" помещает обзор прессы, освещавшей пребывание И.Э. в Варшаве.

16 декабря

Берлинская газета “Руль” под рубрикой “Кино” помещает заметку “Die Liebe der Jeanne Ney”:

Непонятно, чем могла прельстить эта эренбургская смесь из патетически криминальных случаев и демагогической плакатности такого чуткого и культурного режиссера, каким является Пабст.

Внешне — исключительно талантливая работа, многие сцены так остро схвачены, даже преувеличения и шаржи так проникновенны и пластичны, что врезываются в память. По существу же режиссер не может управиться с этими эренбургскими садистами, убийцами, слепыми невинностями, не может оживить этих добродушных и добродетельных, таких хорошеньких коммунистов (герой — просто херувимчик!) и сделать убедительным противопоставление их слюнявому европейскому разврату.

19 декабря

В ленинградской “Вечерней красной газете” статья Осипа Дымова “Русская кино-волна”:

В берлинском кино сейчас “русский сезон”. Нахлынула волна русских постановок и русских сюжетов <...> Совсем свежая новинка “Любовь Жанны Ней” — фильм по роману Эренбурга <...> Я был на премьере “Любви Жанны Ней” <...> На премьере свистали и шикали. Это случается не часто. Утверждают, что это было организовано. Во всяком случае, в кинотеатре в этот вечер (давали три рядовых сеанса) преобладала русская речь. Мне хотелось услышать голос подлинных немецких кино-знатоков, далеких от всякой русской политики. “Прекрасные типы, характерные меткие снимки. Но что нам эти эпизоды, давно уже отошедшие”, — сказал мне директор одного крупного кинопредприятия. — “Злодей Халыбьев слишком раздут, заслоняет всю картину. Я не хочу видеть злодеев и их проделок”, — заявил мне известный кино-режиссер.

Середина декабря

Из Польши И.Э. приезжает в Чехословакию. Два дня он проводит в Праге, а затем уезжает в Словакию:

Я читал в Братиславе лекцию о нашей современной литературе. Читал по-русски. Зал был переполнен. Слушали так внимательно, что я не сомневался — понимают. Но, когда я кончил, лекцию начали переводить слово в слово — по записям. Оказалось, никто не понимал, слушали только потому, что хотели во что бы то ни стало, понять. <...> Словацкие писатели встретили меня со всей сердечностью не привыкших лицемерить людей.

Эренбург И.
Виза времени. Берлин.:
Петрополис. С.237.

— В Словакии И.Э. встретился с Владо Клементисом и другими сотрудниками журнала “Дав”:

Молодой сотрудник местной “Правды” и вдохновитель литературно- художественного журнала “Дав” Владо Клементис повел меня “под вехи”. (В Братиславе каждый винодел имел право одну неделю в год торговать своим вином распивочно.Над дверью он вывешивал “веху” — сухую ветку). Заходили музыканты, торговали бубликами и копченым сыром. За нашим столом сидели молодые словацкие писатели. Меня расспрашивали о Маяковском, о конструктивизме, об индустриализации Советского Союза, о том, что теперь делают Эйзенштейн, Мейерхольд, Татлин. Клементис говорил о победе марксизма, а потом вдруг запел песню про разбойника Яношика, который грабил богатых и раздавал награбленное голытьбе. Все подхватили. Клементис сказал с усмешкой, за которой я почувствовал и смущение и гордость: “Вот мы, словаки, какие”.

ЛГЖ. Т.3. С.116.

25 декабря

Поэт Лацо Новомеский повез меня на рождество в село Сеницы, где жили его родители, бабушка. Приехал туда и молодой поэт — “давовец” Иван Хорват. Нас угощали традиционными рождественскими явствами. А Лацо и Хорват говорили о Маяковском, Незвале, Арагоне, Пастернаке.

ЛГЖ. Т.3. С.119.

27 декабря

Польская газета “Вядомости литерацки” в №48 напечатала рецензию, в которой сообщала о появлении на книжном рынке трех первых томов собрания сочинений И.Эренбурга.

Документы и материалы из истории советско-польских отношений. Т.5. М.: Наука., 1967. С.238.

Конец декабря

И.Э. возвращается в Париж.

Декабрь

Опубликована статья М.Слонима “Десять лет советской литературы”:

Особенно любопытен И.Эренбург, громогласно заявивший себя в 1922 г. приверженцем утилитаризма в искусстве, писавший манифесты о конструктивизме, об изгнании из литературы романтики, сентиментализма и прочих глупостей. Это не помешало ему, однако, сменить свою ироническую позу всесветного нигилиста, в которой он так удачно выступал в лучшей, пожалуй, даже единственной, своей книге (“Хулио Хуренито”), на двусмысленную позицию изготовителя ходкого товара с дешевой романтической начинкой. Тайна успеха Эренбурга именно в том, что преподносит он романтические шаблоны для массового потребления, начиная от благородного жестокого Николая Курбова, кончая не менее благородной и несчастной Жанной Ней <...> Не следовало бы останавливаться на литературной безвкусице, в конец одолевшей несомненно одаренного писателя, если бы не был типичен этот поворот весьма чувствительного ко всем переменам художественной моды Эренбурга.

Прага. Воля России., 1927. №11–12. С.103–104.

— Журнал “Народный учитель” (№12) печатает рецензию И.Ракитина “Чумазый идет” на роман И.Э. “В Проточном переулке”.

— Журнал “На литературном посту” (№20) печатает статью А.Габора “О влиянии советской литературы в Германии”:

Так как Илья Эренбург своими “Трубками”, в особенности же “Трубкой коммунара”, завоевал среди читателей репутацию комму-

нистического писателя, то некоторые из его крупных или мелких произведений, проникнув в немецкие коммунистические газеты, создают в них путаницу, пока кто-нибудь, наконец, заметит, что этот "товар", с нашей точки зрения, весьма сомнительного качества.

Конец года

В переводе М.Кунцевич издательство "Roj" в Варшаве выпустило книгу Эренбурга "Лето 1925 года".

Современная русская литература продолжает занимать второе место после французской на чешском рынке. За последнее время переведены /.../ "Жизнь и гибель Николая Курбова", "Рвач", "Лето 1925 года" и "Воображаемые страдания" Эренбурга.

Печать и революция., 1928. №1. С.237, 239.

В течение года

Вспоминая в мемуарах "Люди, годы, жизнь" 1927 г., И.Э. назвал несколько важных для него встреч этого года:

Однажды я увидел Поля Валери. Это было в ресторане "У Венсена", который на вид напоминал рабочую харчевню, но славился отменной кухней. Поль Валери маленькими глоточками пил бордоское вино и нехотя одаривал собеседников печальными афоризмами. В нем были внешняя светскость, за которой скрывалась горечь, замкнутость.

Меня представили Андре Жиду. Он меня озадачил: он походил на ибсеновского пастора, может быть, на старого китайского хирурга. Незадолго перед этим я прочитал его книги о поездке в Африку, где он возмущался колониализмом. Теперь это азбучные истины, а тогда я восхищался его смелостью. Я заговорил об Африке. Он почему-то перевел разговор на отвлеченную тему, объяснил, что красота связана с этическими принципами. Рядом сидел предмет его любви — молодой спортсмен, кажется немец или голландец, с туповатым лицом, в коротких штанишках.

Я бывал иногда у Дюртена; он говорил о нашей стране приветливо, чуть снисходительно, пытаясь оправдать все, что ему не понравилось, не только особенностями русской истории, но и загадочностью "славянской души".

В редакции журнала “Монд” я встречал Барбюса. Он написал тогда книгу о Христе. На него накинулись друзья: “идеализм”, “мистика”. А для правых он оставался неисправимым коммунистом. Он часто болел, говорил порывисто, глухо, тонкими руками аристократа что-то рисовал в воздухе.

Помню ужин, устроенный Пен-клубом в честь иностранных писателей. Председательствовал Жюль Ромен; в своей речи он постарался каждому из гостей сказать что-либо приятное. Меня он назвал “полупарижанином”, а Бабелю сказал: “Вас можно поздравить с переводом вашей книги на французский язык. <...> Ужин Пен-клуба я вспоминаю с благодарностью — там я познакомился с Джойсом и с итальянским писателем Итало Свево.

Иногда я встречал Шарля Вильдрака, доброго и неизменно огорченного то событиями, то отсутствием событий.

Я познакомился с молодыми писателями — Арагоном, Десносом, Мальро, Шамсоном, Кассу.<...> В маленькой уютной квартире Андре Шамсона мы беседовали о новых романах, о чувстве города или о влиянии кино на литературу.

Я слушал с охотой цветистые истории Панаита Истрати; он мне, скорей, нравился — добрый, бесшабашный и вместе с тем лукавый, не то скрипач из ночного кабака, не то анархист, перебирающий вместо четок игрушечные бомбы.

ЛГЖ. Т.1. С.481–485, 504.

— Кроме названных выше книг И.Э. в 1927 г. вышли: в рижском издательстве “Грамату драугс” в серии “Библиотека новейшей литературы” на русском языке роман “В Проточном переулке”, а в Кино-издательстве РСФСР “Кинопечать” — брошюра И.Э. “Материализация фантастики” (обложка работы художника А.Родченко).

— Кроме упомянутых выше в 1927 г. И.Э. были подарены книги, сохранившиеся в собрании И.И.Эренбург:

Н.С.Тихонов “Красные на Аркасе” : “Прекрасному Илье Григорьевичу Эренбургу с искренней любовью. Ник.Тихонов, 1927, Ленинград”.

Пьер Мак-Орлан “Улица Сен-Винсет”: “Илье Эренбургу его друг Мак”.

1927

Пьер Мак-Орлан “Улица извоза”: “Извозная улица Илье Эренбургу — я очень рад, мой дорогой друг, тому, что я сейчас пишу Ваше имя наверху этой маленькой книги, которая должна свидетельствовать о моем дружеском отношении к Вам. П.Мак-Орлан. 27 г.”. (Книга посвящена И.Э.)

Андре Шамсон “Попутчики” : “Илье Эренбургу за Хулио Хуренито в знак большой симпатии Андре Шамсон”.

Люк Дюртен “Сороковой этаж” : “Г-ну Илье Эренбургу, мэтру, написавшему Хулио Хуренито, с уважением Люк Дюртен”.

Рамон Гомес де ла Серна “Gustave l’incongru”, переведенный на французский язык Жаном Кассу и Андре Вюрмсером.

1928 год

3 января

И.Э. пишет из Парижа в Москву В.Полонскому:

В ноябре я послал Вам рассказ для “Нового мира”. Ответа не получил. Коли рассказ не подходит Вам, пожалуйста, верните мне рукопись. Также жду от Вас письма касательно очерков. Я только что вернулся из поездки по Польше и Словакии — хочу описать.

РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.379. Л.1.

6 января

В №2 журнала “Прожектор” печатается очерк И.Э. “О штанах, о полушубке, о душистом горошке”.

8 января

Газета “Нижегородская коммуна” информирует о рассылке своим подписчикам в качестве бесплатного приложения первого выпуска “Библиотеки Нижегородской коммуны” книги И.Э. “Трубка коммунара”.

12 января

И.Э. пишет Е.Зозуле:

...Помните наш разговор о “польской” книжке? Сейчас я ее заканчиваю. В ней будет, однако, 3 листа — 16 очерков о польской и польско-еврейской жизни, социальной, литературной, бытовой, религиозной и т.д. Очерки эти я хочу, все или часть, напечатать предварительно в журналах, а потом издать отдельной книжкой. Подходит ли для “Огонька”? (книжка) <...> В

Лодзи я видался с Вашей матерью и передал ей, несколько старый, правда, привет.

РГАЛИ. Ф.216. Оп.1. Ед.хр.351. Л.6.

Середина января

В Париже выходит роман И.Э. “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”. (Обложка работы Л.Козинцевой и Сеньора).

20 января

В издательстве ЗиФ вышел т.3 Полного собрания сочинений И.Э. – “Любовь Жанны Ней”.

Книжная летопись., 1928. №985.

26 января

Парижская газета “Последние новости” сообщает, что в редакцию поступила для отзыва книга И.Э. “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”.

29 января

О том же сообщает парижская газета “Дни”.

— И.Э. получает сборник рассказов Н.Тихонова “Рискованный Человек” и пишет ему на бланке “Grand Hotel moderne. Grenoble”:

Месяц тому назад я начал новую книгу рассказов — очень близкую Вашим и когда получил “Рискованного Человека” — обрадовался, как будто своей победе <...> Вышла в Париже моя новая книга “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”. Жду оказии, чтобы и Вам послать.

Январь

В журнале “Печать и революция” (№1) — рецензия на книгу И.Э. “Материализация фантастики”:

Не подлежит сомнению, что Эренбург силен в литературной работе прежде всего как мастер фельетона. Даже в беллетристических произведениях автора фельетонный стиль присутствует в весьма сильной концентрации. “Материализация фантастики” — это кино фельетон.

— В журнале “Новый мир” (№1) — рецензия Д.Горбова на роман И.Э. “В Проточном переулке”:

Показывая Проточный переулок вне естественного его окружения, Эренбург вынужден искать лекарство против всех его болезней в пределах его самого. Индивидуалистическая мечта маленького человека о “радости” — это все, что находит там писатель <...> Перед нами, таким образом, новая погудка на старый лад.

3 февраля

И.Э. пишет В.Лидину:

В Польше было любопытно, но натянуто и утомительно. Приходилось “держать знамя”. Мой польский издатель “Roy”. Я пишу им сегодня о том, что Вы шлете им книги. С моим “Лазиком” дела плохи. Тихонов* пишет, что Главлит не одобряет. Попробую еще прибегнуть к героическим мерам. Здесь книга вышла и я постараюсь переслать ее Вам при случае <...> Рецензию из “Нового мира” не получил. Вы, верно, забыли вложить ее в конверт. Пожалуйста, пришлите. Есть к Вам просьба: когда будете в “Новом мире”, узнайте, что с моим рассказом “Веселый Паоло” <...> Сава написал неплохой роман** и бодр духом. <...>Л.М. устраивает выставку “Бретань” с предисловием Мак-Орлана. <...> Приезжайте, поедем в Испанию.

4 февраля

И.Э. получает письмо от В.П.Полонского и отвечает ему, прося вернуть рукопись рассказа “Веселый Паоло”.

РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.379. Л.2.

5 февраля

Журнал “Прожектор” (№6) публикует очерк И.Э. “Впопыхах” (Лодзь)

— Мих.Осоргин рецензирует роман И.Э. “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”:

---

* А.Н.Тихонов (Серебров) — издательский работник .

** О.Савич. Воображаемый собеседник. Л.: Прибой., 1928.

После ряда неудачных романов (“Николай Курбов”, “Любовь Жанны Ней”, “В Проточном переулке”), неудачных, главным образом, попытками изображения положительных типов, — Илья Эренбург написал хорошую книгу в чисто эренбурговском духе: злую и достаточно циничную сатиру на всех и вся, — и на советский быт, и на эмиграцию, и на всякое попутно попавшее государство, какое случалось в маршруте Лазика Ройтшванеца, маленького еврея из Гомеля, претерпевшего великое число житейских бурь и неудач.

Эту злющую и остроумную книгу Эренбурга прочесть приятно и интересно, в особенности в первой ее части, в бытовой российской, где у сатирика было больше материала. Вторая половина романа бледнее и растянутее; главы, относящиеся к быту художников, кажутся случайными, во всяком случае гораздо мельче по значению. Как бы охотясь на крупного зверя, Эренбург заодно бьет и по малой птахе. Есть еще и заметный недостаток: болтливость героя заражает порой автора.

Но все же Эренбурга можно поздравить: он опять написал хорошую книгу, напомнившую не только “Трест Д.Е.”, но и “Хулио Хуренито”. Любопытно, кстати, возможно ли будет эту книгу переиздать в России?

Париж. Дни., 1928, 5 февраля.

17 февраля

В Париж приезжает из Берлина кинорежиссер Г.Козинцев вместе с Л.Траубергом и оператором Михайловым, готовясь к съемкам фильма о Парижской Коммуне “Новый Вавилон”. И.Э. в течение двух недель знакомит Козинцева с Парижем:

В Париже все оказалось как-то ближе, человечнее. Илья Эренбург водил нас по старым рабочим кварталам. Его “лейкой” я снимал все, что может потом пригодиться.

Козинцев Г. Глубокий экран. М.: Искусство., 1972. С.107.

22 февраля

И.Э. пишет в Москву Н.И.Бухарину:

Недели две назад я послал Вам через НКИ мою новую книгу –

“Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”. Мне думается, что она Вам должна прийтись по вкусу. Ежели я не ошибаюсь в этом, то помогите Лазику увидеть свет. Дело в том, что Главлит не хочет пропускать эту книгу. Я вспоминаю, что “Хуренито” тоже вышел благодаря Вашему отзыву, и поэтому Вам пишу касательно “Лазика”. Я не прошу Вас о какой-либо исключительной мере. Но если Вы найдете запрет несправедливым, Вам легко будет снять его: предисловием или как-нибудь иначе. Ответьте! Весной, наверное, увидимся.

Вопросы литературы., 1999. №1. С.305.

— В берлинской газете “Руль” — “Литературные заметки” Ю.Айхенвальда:

Многословием и пустословием изнуряет книга Ильи Эренбурга “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”. Необычайно растянутый шарж, очень скоро вызывающий скуку.

23 февраля

И.Э. пишет В.Лидину:

Моего “Лазика” зарезал Главлит. Не знаете ли как это, т.е. окончательно ли ? Я помышляю приехать на лето в Россию.

26 февраля

И.Э. пишет Е.Замятину:

Через Наркоминдел (Москва — Канторович) послал я Вам экз. “Лазика Ройтшванеца”. Напишите мне, пожалуйста, что думаете об этой книге! Сейчас я пристраиваю Ваше “Мы” на французский и, думаю, на сей раз удастся. Как Вы живете и что пишете? Я, может быть, весной поеду в Россию — еще не знаю.

Конец февраля

И.Э. встречается с приехавшими в Париж комсомольскими поэтами А.Безыменским, А.Жаровым, И.Уткиным.

Февраль

И.Э. приступает к работе над романом из эпохи Великой французской революции “Заговор равных”.

— Издательство “ЗиФ” выпустило т.3 Полного собрания сочинений И.Э. — роман “Любовь Жанны Ней”.

Начало марта

Издательство “ЗиФ” выпустило т.8 Полного собрания сочинений И.Э. — “Лик войны”.

2 марта

Газета “Вечерний Киев” публикует очерк И.Э. “Мое посещение Польши”.

— Ленинградская “Вечерняя красная газета” публикует статью Ю.Райтлера “Польша о русской литературе”:

В последнем номере самого культурного польского литературного еженедельника — “Wiadomosci Literackie” — того самого, который уделяет столько благожелательного внимания советской литературе (приводим, кстати, заглавия последних публичных лекций Эренбурга: “Я и Гете”, “Я и Данте”/!!/), мы находим весьма интересную статью некоего Ст.Наперского, в которой он делится своими впечатлениями от победоносного путешествия великого мага литературы, от его бесконечных выступлений, публичных бесед и лекций <...>

В заключение автор столь гневной статьи, которую мы приводим только в выдержках, предостерегает литературный авангард всех стран от этого авантюрного эклектика, который, без зазрения совести, присваивает себе и вульгаризирует всякие литературные “открытия” и “изобретения”, доводя их до абсурда.

9 марта

И.Э. получает письмо И.Ф.Калинникова по поводу предполагаемого издания в Ленинграде сборника произведений А.Барбюса и других современных французских писателей. В ответном письме И.Э. рекомендует И.Калинникову обратиться к французским писателям лично.

РГАЛИ. Ф.267.
Оп.2. Ед.хр.140.

— В издательстве ЗиФ вышел т.8 Полного собрания сочинений И.Э. – “Лик войны”.

Книжная летопись., 1928. №4050.

10 марта

И.Э. пишет В.Лидину:

Серьезно подумываю о поездке в Россию на лето. Что Вы делаете и как живете? В Париже все по-прежнему <...> Не слыхали ли Вы, что с “Лазиком” — есть ли надежды?

17 марта

Московская газета “Читатель и писатель” помещает рецензию на 8 том Полного собрания сочинений И.Э.:

Эренбургу пришлось увидеть одно из мерзейших деяний империализма — кровавую бойню 1914–1918 гг. И в “Лике войны”, записках военного корреспондента, он оформил, объективно и вполне спокойно, свои впечатления о боях и повседневном быте траншей, о жизни тыла “великой” французской республики. Эренбург — тонкий художник. Под внешним спокойствием повествователя скрывает он целый вулкан горечи, презрения и гнева. Иные страницы его записей потрясают, лик империалистической бойни встает перед читателем во всей отвратительной своей обнаженности.

18 марта

И.Э. пишет В.Лидину:

Мне сказали, что будто бы в “Правде” была ругательная статья о “Лазике”. Если верно, то пришлите. Очень важно! Слыхали ли Вы что-нибудь о судьбе “Лазика”? У нас — штиль.

20 марта

Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) отвечает Ленобллиту:

На №105/с от 13.3.28.

Заграничные издания книги И.Эренбурга “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” Главлитом не допущена, об этом Вам Главлит теле-

графировал. Эта книга проходила и через Русский Отдел Главлита, который также ее не пропустил, предложив сделать несколько купюр и изменить заглавие.

Обращаем Ваше внимание на п.8 раздела V1 систематизированной инструкции Главлита, согласно которого "выдача разрешений на ввоз эмигрантской литературы производится исключительно Главлитом". Поэтому в будущем такие книги должны пересылаться на заключение в Главлит. Точно также должны присылаться на просмотр в Главлит и книги Эренбурга.

Начальник Главлита Лебедев-Полянский, завед. иностр.отделом Левин.

ЦГАЛИ СПб.Ф.281. Оп.1. Ед.хр.15. Л.66.

20–21 марта

"Вечерняя красная газета" начинает публикацию очерков И.Э. "В Польше".

21 марта

И.Э. пишет Е.Замятину:

Мне нужен английский перевод Вашего романа (для того, чтобы устроить французский перевод). Здесь я достать его не могу. Это спешно. Кроме того, пришлите мне доверенность в виде письма на французском или английском. Мой роман ("Ройтшванец") опять лежит у Канторовича в НКИД. Напишите ему и он Вам его вышлет. Другого способа переслать нет, а мне хочется, чтобы Вы его прочли. Напишите мне о нем. Роман "зарезали" и дела мои шатки. В связи с этим кисну. Надоела писательская судьба.

— И.Э. пишет В.Лидину:

Только что получил Ваше письмо и чрезвычайно огорчился. Напишите мне в чем же дело? Неужели даже парижский отрывок* не напечатают? Каковы мотивы? Каково отношение к роману и безнадежно ли с ним? Наконец, речь идет об этой книге или обо мне? Ведь Вы понимаете, как волнуют меня эти вопросы, а я здесь ничего не

* Из романа "Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца".

знаю! Из Москвы никто мне не пишет, и вся надежда на Вас. В связи с этим ведь и мои летние планы.

23 марта

И.Э. обращается в редакцию ленинградской “Красной газеты” с протестом по поводу публикации в номере от 2 марта статьи Ю.Райтлера “Польша о русской литературе”, все утверждения которой взяты из антисемитских польских изданий:

Читая инсинуации варшавских газет, я не удивился. Я знал, что меня травят потому, что я 1) русский писатель, 2) гражданин СССР и 3) еврей. Читая статью гражданина Райтлера, я испытал, по меньшей мере, недоумение.

(Письмо И.Э. газета не напечатала;
подлинник — СФ.)

27 марта

И.Э. пишет в Литературно-художественный отдел ГИЗа:

В мартовской и апрельской книжках “Красной нови” будут помещены мои очерки о Польше. Предлагаю Вам издать их отдельной книжкой. Если Вы согласны, то будьте добры сообщить мне Ваши условия.

ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №15. л.1.

29 марта

В “Правде” — статья Н.Бухарина “Чего хотим мы от Горького” (к 60- летию писателя и его приезду в СССР):

Великая строительная работа, которая разворачивается в нашей стране, вовсе не исключает de facto нового мещанства, которое иногда трогательно похоже на старое. Ухватить его щипцами как следует; погладить его против шерсти крепкой мужественной рукой, да так погладить, чтобы ему, мещанину, пришлось кисло, а в то же время настоящие читатели не только не раскисли бы, но, наоборот, стали бы поспешно засучивать рукава, чтобы еще быстрее приняться за работу, разве это было бы плохо? А у нас? Уж если заскулят, так заскулят! Собачьи переулки, Проточные переулки, Лазики Ройтшванецы (последний

роман Эренбурга), — дышать нельзя! Размазывать этакую безыдейную, скучную, совсем неправдивую в своей односторонности литературную блевотину, это дело неподходящее! Это не борьба и не творчество, и не литература; это — производство зеленой скуки для мертвых людей".

Бухарин Н. Революция и культура (Статьи и выступления 1923 — 36). М., 1993. С.142.

Март

Журнал "Красная новь" в №3 начал публикацию очерков И.Э. "В Польше".

3 апреля

И.Э. пишет В.Лидину:

Сегодня мне показали статью о Горьком Бухарина с отзывом мимоходом о Лазике. Очень удручен по многим причинам. Какие последствия? Если услышите что, напишите! Какое отношение ко мне в журналах (Красная новь, Новый мир, Прожектор)? Не изменилось ли?

Я работаю над романом — биография Бабефа. Это — конец революции, и в то же время один из первых коммунистов. Тема близкая. <...> Летом думаю — в Словакию, если будут деньги.

5 апреля

В.Зензинов помещает в парижской газете "Дни" обзор "Из московских журналов":

Интересны путевые впечатления И.Эренбурга по Польше в "Красной нови" №3 <...> И.Эренбург неожиданно написал весьма патриотическую статью о России в Польше — о русском языке, русской школе, русской литературе, его наблюдения не только интересны, но и значительны, их с удовольствием прочитают не только друзья Эренбурга, но и его недруги.

8 апреля

В журнале "Прожектор" (№15) — очерк И.Э. "Художники в Париже".

15 апреля

В журнале “Прожектор” (№16) — очерк И.Э. “Словакия на лету”.

16–21 апреля

В пяти номерах “Вечерней красной газеты” завершается публикация очерков И.Э. “В Польше”.

21 апреля

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Письма Ваши получил и не знаю, как выразить Вам благодарность. Я человек, дружеским отношением не избалованный и Ваша помощь меня очень тронула!

Послать Вам “Лазика” сейчас не могу, т. к. нет оказии. Но “Круг” должен Вам переслать рукопись. Если Тихонов (А.Н.) не сделал этого, напишите ему и он вышлет. Боюсь, что с изданием его (после статьи в “Правде”) ничего не выйдет <...> Я пишу полу роман — полу историю о заговоре Бабефа или (точнее) об агонии Французской революции. О всем, что касается книги статей*, я написал Груздеву.

22 апреля

М.А.Булгаков пишет в Ленинград Е.И.Замятину:

Поручение Ваше выполнил, — говорил с Канторовичем. Он еще не получил романа Эренбурга, обещал Вам его послать по получении.

Булгаков М. Письма. М.: Современник., 1989. С.131.

Конец апреля

И.Э. приезжает в Берлин.

28 апреля

О.Савич пишет из Берлина В.Лидину:

Эренбург Вам кланяется. Он приехал на несколько дней сюда.

Копия, СФ.

---

* “Белый уголь или слезы Вертера”.

Апрель

Журнал “Красная новь” (№4) заканчивает публикацию очерков И.Э. “В Польше”.

— В №4 пражского журнала “Воля России” в связи с выходом романа И.Э. “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” помещена статья Н.Мельниковой-Папоушек “И.Эренбург и Я.Гашек”:

И.Эренбург знает “Швейка”, в этом не может быть никаких сомнений, даже больше, он, очевидно, принадлежит к его почитателям и по его образу и подобию сделал своего Лазика. Исполнились мои опасения, высказанные в рецензии на “Проточный переулок”, что благородный гоголевский тон был лишь одной из тех модных одежек, в которые так охотно рядился Эренбург. Удивительно, что у этого, все же одаренного, писателя нет своего стиля и облика, что он их вечно заимствует у того, кто в данный момент в моде или пользуется фавором публики. Того, кто стал или может стать в данный момент любимцем читателей, Эренбург узнает с поразительной скоростью и немедленно же выпускает свой очередной роман именно в этом же жанре. Нечто подобное им было проделано и по отношению к “Швейку”. У Эренбурга достаточно здравого смысла и чувства самозащиты, чтобы не просто подражать, а лишь брать полюбившийся жанр, кроме того, у него есть известная среда и типы, которые он знает и с которыми он манипулирует наверняка. Поэтому героем своего романа он не взял ни солдата, ни Чехию, как место действия. Перенеся все в еврейскую среду современной коммунистической России, он огородил себя крепкой стеной против упреков в непосредственном подражании, но оставил свободным путь внутреннего параллельного сходства <...> Как и большинство романов Эренбурга “Лазик Ройтшванец” написан весьма неровно с неожиданными ухабами, в которые проваливается читатель, ожидающий как раз если не взлета, то подъема. Поэтому мы можем говорить лишь об удачных местах, но далеко не об удачном романе.

2 мая

В парижской газете “Возрождение” помещена статья “Эренбург о Польше”:

Мы уже приводили в "Возрождении" выдержки из очерка советского писателя Эренбурга, посвященного характеристике современной Польши.

В последней книжке "Красной нови" напечатаны последние главы этого произведения. Совершенно неожиданно в них Эренбург отводит больше всего места характеристике положения в Польше еврейского населения.

По словам Эренбурга, положение евреев в Польше ужасное и в маленьких городах и местечках он наблюдает картину полной и безвыходной нищеты среди еще недавно сводивших концы с концами представителей мелких торговцев и ремесленников.

Единственным утешением, по наблюдению Эренбурга, этой еврейской бедноты является фанатическая приверженность к религии отцов.

По его словам, Польша это — тоска и бессилие, себялюбивое одиночество, сон.

Чтобы окончательно не осталось у гостеприимных хозяев, так пышно встретивших знатного советского гостя, никаких сомнений в истинных симпатиях автора, Эренбург заканчивает свой очерк выражением надежды, что польский народ пробудится и "сумеет заговорить, может быть, пулеметами".

3 мая

Л.М.Козинцева-Эренбург пишет из Парижа Б.Л.Пастернаку:

Милый Борис Леонидович! Я открыла Ваше письмо, т.к. Илья Григорьевич в Германии. Вы представляете себе, как печально мне было читать, что Вы больны и вообще у Вас нехорошо. Дорогой Борис Леонидович, поправляйтесь скорей. Желаю Вам от всего сердца <...> Илья Григорьевич ездит по разным странам, а я сижу дома и работаю. К сожалению впала в другую крайность — натурализм, и уж не знаю, как из этого болота выберусь. Когда уж и где мы увидимся?

Архив семьи Б.Л.Пастернака (Москва).

4 мая

В издательстве ЗиФ вышел т.4 Полного собрания сочинений И.Э. – “13 трубок”.

Книжная летопись., 1928. №7641.

6 мая

И.Э. пишет Е.Замятину:

Получили ли “Лазика”? Я много работаю — пишу книгу о Бабефе, точнее об агонии французской революции.

9 мая

В.Зензинов помещает в парижской газете “Дни” обзор “Из московских журналов”:

Окончание путевых очерков о Польше И.Эренбурга посвящено исключительно жизни евреев. В первой части автор не щадит поляков за их отношение к России, на этот раз он не щадит их за евреев — и судит жестко, без малейшего снисхождения. И.Эренбург, по собственному признанию, имел и раньше плохую прессу в Польше — можно себе представить, что будут писать о нем теперь.

11 мая

В издательстве ЗиФ вышел т.2 Полного собрания сочинений И.Э. – “Трест Д.Е.”.

Книжная летопись., 1928. №7928.

13 мая

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Я работаю усиленно над книгой о Бабефе. Боюсь, как бы ни постигла его судьба Лазика.

15 мая

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Вы так успешно однажды кончили дело с “Красной газетой”, что я уповаю на Вас. Эти граждане печатали мои статьи без спроса и без оплаты. Я им написал (копию посылаю Вам).

Может быть, они хоть гонорар пошлют?.. Я работаю усиленно над книгой о Бабефе. Боюсь, как бы не постигла его судьба Лазика.

Собрание семьи М.Л.Слонимского.

16 мая.

БЕРЛИН. Илья Эренбург выпустил брошюру-памфлет против постановки “Любви Жанны Ней” фирмой “Уфа”. Эренбург просил в свое время снять его имя с рекламы, но это требование не было выполнено. В картине совершенно искажен весь сюжет романа, а герой романа, коммунист, обращен в “христианскую веру”.

Эренбург протестует. Газ.Кино., Москва. 1928, 22 мая.

Я попробовал было возражать против сценария, но Пабст ответил, что я не понимаю специфики кино <...> Я протестовал, писал письма в редакцию. Герцфельде* напечатал мой протест в виде брошюры, но это никак не могло потревожить ни прокатчиков, ни дирекцию “Уфы” ...

ЛГЖ. Т.1. С.478–479.

26 мая

Редактор журнала “Прожектор” Л.Шмидт пишет секретарю Н.И.Бухарина Е.В.Цетлину о рассказе И.Э. “Веселый Паоло”:

Пожалуйста, прочти сам или дай Николаю Ивановичу прочесть этот рассказик Эренбурга. Он очень давно лежит, и я никак не могу добыть санкции Ник. Ив. Я ему как-то об этом говорил и показывал письмо Эренбурга касательно этого рассказа.

Вопросы литературы., 1999. №1. С.307.

Май

В майском номере журнала “La Revue Europeenne” напечатано русское письмо Ильи Эренбурга, в котором заключается детальная

* Виланд Герцфельде — немецкий писатель, владелец издательства “Малик”.

оценка “Заката” И.Бабеля и книги рассказов Н.Тихонова “Рискованный Человек”.

Печать и революция., 1928. №5. С.239.

— В журнале “Красная новь” (№5) — рассказ И.Э. “Ночь в Братиславе”.

1 июня

И.Э. пишет Е.Замятину:

Спешу сообщить Вам приятную новость: мне удалось устроить французский перевод романа* в издательстве “Нувель Ревю Франсез”. Сейчас выписал русскую рукопись. Переводить будет хороший переводчик, француз, хорошо владеющий русским языком. Книга выйдет зимой. Как только подпишу договор, пришлю Вам <...> Получили ли Вы, наконец, “Лазика”? Я много работал все это время. Только что кончил нечто среднее между историческим романом и “эссе”. Называется “Заговор равных” — это о Бабефе и о том, как кончилась французская революция. На лето собираюсь в Словакию.

— И.Э. пишет Н.Никитину:

Сообщите мне, когда Ваши анкеты отправлены французским консульством из Москвы. Без этого министерство здесь справок не дает <…> Рад буду здесь с Вами встретиться.

Вопросы литературы., 1997. №2. С.253.

3 июня

Парижская газета “Дни” пишет в рубрике “Блокнот”:

Для того, чтобы отделить существенное в мировоззрении писателя от случайных и временных его настроений, чрезвычайно полезно бывает перелистать страницы его прежних работ. Возможные при этом неожиданности не должны нас поражать: они свидетельствуют лишь о том, что мысль писателя постепенно эволюционирует, и рост ее не окончился.

* “Мы”.

В первые месяцы коммунистического переворота, в феврале 1918 г., В.Ходасевич напечатал в московской литературной газете “Понедельник” статью “О завтрашней поэзии” <...> “Знаю только одно, — пишет он, — спасение нашей поэзии в революции. Даже если бы и на этот раз суждено было ей смениться реакцией — эта реакция не так будет гибельна для поэзии, как минувшая. Ибо все же помолодеют, поздоровеют те, кто сейчас дышит электрическим воздухом грозы. Но повторяю: из русских поэтов хорошее будущее можно предсказать только тем, кто приемлет эту грозу и в известном смысле — всю, целиком. Ибо как ни связан поэт со своей страной, все же он не политик, не строитель реальных ферм будущего, а порой то, что неприемлемо для политика — желательно для поэта”.

Далеко не так оптимистично был в то время настроен другой поэт — И.Эренбург. В том же номере той же газеты, в статье “Большевики в поэзии”, он обрушивается на футуристов за их близость к большевикам, в частности, на Маяковского, воспевающего наслаждение социализма и обличающего “коварство Англии”. “Люди, глубоко ненавидящие буржуазную культуру, — пишет Эренбург, — с ужасом отплевываются от большевиков. Классовое насилие, общественная безнравственность, отсутствие иных ценностей, кроме материальных, иных богов, кроме бога пищеварения — все эти свойства образцового буржуазного строя с переменой ролей и сильной утрировкой, составляют суть “нового” общества. Большевистский “социализм” лишь пародия на благоустроенное буржуазное государство.”. “Принят большевизм, — пишет он далее, — но эта подделка преображения мира не заставит нас отказаться от веры в возможность иной правды на земле”.

Было бы грубостью сказать, что спустя ровно десять лет два процитированных поэта поменялись взглядами на революцию и пути развития поэзии. Но все же, наблюдая разницу в их теперешних позициях, не безлюбопытно ознакомиться с их прежними мыслями.

4 июня

О.Савич пишет В.Лидину:

Мы уезжаем через неделю в Словакию с Эренбургами и Якоб-

сонами — бродить, и, может быть, еще на месяц — отдыхать <...> Эренбург написал роман "Бабеф", я его не читал. Он же пишет сценарий для еврейскогso театра Грановского, они будут тут крутить.

Копия, СФ.

7 июня

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Рад, что Вы пишете роман. После "Лавровых" жду удачи. Да пребудет над Вами дух Бальзака. Я закончил "Заговор равных".

Вопросы литературы., 1997. №2. С.249.

10 июня

Ленинградская газета "Кино" сообщает:

Художественным Советом Госкинпрома Грузии принят сценарий "Трубки коммунара" К.Марджанова, сделанный по одноименной новелле Ильи Эренбурга.

15 июня

Номер журнала "Варьете" (Брюссель., 1926. №2.) посвящен молодым советским писателям. Это как бы антология советской литературы: И.Бабель, Ф.Гладков, С.Есенин, Е.Зозуля, М.Зощенко, Вс.Иванов, В.Катаев, В.Маяковский, Ю.Олеша, Б.Пастернак, Б.Пильняк, Л.Сейфуллина, К.Федин, В.Шкловский, М.Шолохов, И.Эренбург.

В номере даны портреты всех авторов.

Москва-Париж. Каталог выставки. М.,1981. Т.1. С.243.

16 июня

И.Э. сообщает Н.Н.Никитину о своих хлопотах по получению для него французской визы.

РГАЛИ. Ф.2575. Оп.1. Ед.хр.401. Л.1.

24 июня

В журнале "Прожектор" (№26) — глава "Равенство или ..." из нового романа И.Э. "Заговор равных".

Июнь

Журнал “Красная новь” (№6) публикует рассказ И.Э. “Старый скорняк”.

26 июня

Эренбурги вместе с О.Г.Савичем выехали из Парижа в Прагу, (через Штутгарт и Нюрнберг) чтобы вместе с Романом Якобсоном и его женой провести каникулы в Словакии.

27 июня

Из Штутгарта И.Э. отправил Н.Н.Никитину в Берлин почтовую открытку:

Я уехал из Парижа. Вернусь только через 2 мес. Перед отъездом еще раз говорил о Вашей визе. <...> Вот мой адрес на ближайшее время: Herr Jakobson Belskeho, 16, Prag.

РГАЛИ. Ф.2775. Оп.1. Ед.хр.401. Л.2.

28 июня

Эренбурги приезжают в Прагу.

Конец июня — начало июля

И.Э. знакомится с поэтом Алексеем Эйснером:

Знакомство это состоялось очень давно, то ли весной, то ли летом двадцать восьмого года, еще в Праге, где я тогда жил и куда Эренбург приезжал <...>

В те времена я ходил в поэтах и недавно напечатал среди прочего поэму “Конница”, обратившую на себя некоторое внимание. Эренбург пожелал повидать ее автора, провел со мною около двух часов и даже подарил на память гнутую, насквозь прокуренную, а сверх того и прокушенную, английскую трубку, одну из “Тринадцати”, по его словам.

Эйснер А. “В Испании”. Воспоминания об Илье Эренбурге.
М.: Сов. писатель., 1975. С.63.

— Из Праги Эренбурги вместе с О.Савичем, Р.Якобсоном и его женой отправляются в путешествие по Словакии:

Летом 1928 г. я снова приехал в Словакию. “Давовцы” мне показали страну, глухие деревушки Оравы, Татры, Прешов, Бариев, Кашицы, венгерские монастыри барокко и горные шалаши пастухов <...> В Кошицах только на базаре, куда приезжали крестьяне, я услышал словацкую речь. Маленькие немецкие города Левоча и Кежмарок с ратушами и готическими церквами, с аккуратными абонентами журнала “Ди вохе” казались перенесенными из другого мира. А городки, где жили словаки — Брезно, Зволен, Ружомберок, Мартин, — походили на большие села <...> В Ясеневой меня повели в избу, где родился один из зачинателей словацкой литературы Кукучин. В такой же избе я увидел Илемницкого — он сидел и писал роман.

<...> Клементис возил меня в свое село Тисовец, его родители потчевали нас галушками, сливовицей, зубровкой, радушно суетились.

ЛГЖ. Т.3. С.118–119.

Мы знали Эренбурга по фотографиям из журнала “Розправы Авентина”. В жизни он выглядел гораздо старше. Мы сидели с ним в винном погребке. Опять звенели бокалы и под сводами звучали народные песни. Эренбург смотрел на нас грустным и тяжелым взглядом. Иногда он вынимал изо рта трубку и кривил губы в горькой усмешке — это была его манера улыбаться. <...>

Братислава не произвела на него особого впечатления. Но кое-что привлекло его внимание — ему понравились старинные гобелены, старые улицы и винные погребки, которые назывались “вехи”.

Мы повезли Эренбурга в Ступану, к народному умельцу Фердишу Костке. Очаровательные фигурки последнего местного мастера-керамиста восхитили его. Понравились ему и прекрасные керамические кувшины, расписанные тарелки, в рисунок которых Костка вкладывал весь свой талант, унаследованный от предков.

Эренбургу нравились и некоторые деревенские избы в западной Словакии, где он побывал, чтобы посмотреть вышивки и народную роспись на стекле, изображения знаменитых словацких разбойников.

Потом вместе с Клементисом Эренбург отправился, через Дольный Кубин, Бардейов и Прешовскую Русь, в Гемер и в Тисовец. Он осматривал деревни и отдельные пастушеские хижины и однажды с присущей ему иронией заметил, что самая обычная пастушеская хижина в горах, наверное, и есть подлинная столица Словакии.

Во время этого путешествия автора знаменитых “Тринадцати трубок” ожидал сюрприз. Заядлый коллекционер курительных приборов, Эренбург увидел трубку, о которой не имел и понятия, — известную “запекачку” словацких горцев. Он выкурил ее на вечную дружбу со старым овчаром в пастушеской хижине под Тисовцем и получил ее в подарок.

Вернувшись в Париж, Эренбург прислал для журнала “Дав” очерк “Четырнадцатая трубка”. Это было повествование о пастухах, о протяжных словацких песнях, о народных обычаях и об облике этой страны, которая заинтересовала и захватила его.

Рыбак И. Иду на красный свет. М.: Прогресс., 1986. С.109–110.

15 июля

Эренбурги и Савичи посылают в Москву В.Лидину шутливую открытку из Словакии.

22 июля

Ленинградская газета “Кино” сообщает:

В Японии демонстрируется с большим успехом постановка Пабста — “Любовь Жанны Ней”, искаженная большими цензурными вымарками.

Конец июля

И.Э. пишет Е.Замятину:

Я странствую по Словакии. Вернусь во Францию через 2–3 недели. Напишите, как живете? Перед отъездом подписал договор на Вашу книгу с “Nouvelle Revue Francaise”.

Приписка Р.Якобсона: “Приветствую. Ждем в Прагу”.

Июль

М.Слоним в “Обзоре журналов” (Прага.”Воля России”. №7.) пишет о рассказе И.Э.:

“Ночь в Братиславе” Эренбурга — романтическая живопись — интеллигент, пьяная ночь, дикий словацкий мужик, впервые попавший в город, немедленно влюбившийся в веселую девицу и убивающий ее кавалера — все это явное неправдоподобие нужно было Эренбургу, чтобы дать описание Братиславы, и надо признать, описание довольно удачное, в стиле французского импрессионизма, чуть подправленного Гийомом Апполинером.

4 августа

И.Э. пишет из Чехословакии М.Слонимскому:

Спасибо за открытку. Денег из “Красной газеты” я не получил. Очень прошу посодействовать, так как, блуждая здесь по разным экзотическим землям, протратились впрах. Через неделю возвращаемся в Париж.

11 августа

Газета “Читатель и писатель” сообщает о выходе в издательстве “Земля и Фабрика” первого тома собрания сочинений И.Э. (“Хулио Хуренито”).

— Эренбурги по дороге в Париж останавливаются в Берлине.

— В Берлине Эренбурги встречаются с И.А. и Т.К.Груздевыми и отправляют приветственную открытку с видом винного погребка “Шванске” (Берлин, Ганкештрассе,4) в Новороссийск Н.С.Тихонову:

Вспоминаем о Вас с нежностью. Приезжайте в Париж, обещаю экзотику ничуть не меньше туркестанской. Ваш И.Эренбург.

Милый Николай Семенович, тут про Вас рассказывают и мне очень хочется Вас видеть. Спасибо за приветы. Приезжайте в Париж. Обязательно. Ваша Л.Эренбург.

Коленька, милый мой. Вспоминаю тебя здесь часто, часто. Помнишь ли ты обо мне? Это лирическое. Наверное, общество Эренбурга. А жена его — ты прав — прелесть. Вкус у тебя верный. 2 ч.

ночи. Сидим в этом ресторане. Федин уехал, наконец, в Норвегию. Никитин — в Париже. Мы уезжаем в Прагу и в Татры. Целую тебя, твоя Татьяна Груздева.

14 августа

И.Э. пишет из Парижа В.Лидину:

Тот час же по приезде я говорил с Симоном*. Он решительно советует Марии Александровне** в Париж. Он сможет устроить ее осмотр и лечение у лучших спецов <...> Мы, по всей вероятности, уедем завтра куда-нибудь на 2–3 недели. Может быть, в Бретань, а может быть, куда поближе к Парижу.

16 августа

Парижская газета "Последние новости" помещает обзор Георгия Адамовича "По советским журналам":

Коротенький рассказ Эренбурга "Старый скорняк" должен был бы, по мысли автора, быть шедевром. В нем все на это рассчитано, — как в некоторых вещах Леонида Андреева. Каждое слово должно поразить. Но что делать — не поражает. Какого-то дара "внутреннего прояснения" не хватило, и получился не шедевр, а претенциозный "пустячок". Я, конечно, не сравниваю Леонида Андреева с Эренбургом — Андреев был неизмеримо талантливее. Но общие черты у них есть. Недаром Толстой сказал об Андрееве: "Пугает, а мне не страшно". И Эренбург смеется, а нам не смешно, плачет, а нам не грустно.

21 августа

О.Савич пишет В.Лидину:

Прекрасная страна — Словакия. И потому прекрасная, что она богата и нища одновременно, что язык похож на наш, что радуются бескорыстно каждому русскому. Там все еще не тронуто цивилизацией, там славянство нежное, как тургеневская

---

* Серж Симон — врач, приятель И.Э.

** Жена В.Г.Лидина.

девушка. Как видите, я поездкою очень доволен. Правда, она была мало похожа на отдых. 4000 км. на автомобиле, да столько же в поезде, да пешие хождения, 100 городов и сел, десятки бесед, с 1тыс. церквей (замучил Эренбург искусством!) — отдых относительный. Отели с клопами и грязью и прочим. Но душевно — это было даже больше, чем отдых, это было — вдохновение <...> Думаем втроем (Эренбург, Никитин и я) писать книгу о Ч.С.Р. Изъездили вдоль и поперек, надо же поделиться с дорогим читателем <...> Федин, Никитин и Эренбург тоже выпускают свои новые вещи в Петрополисе. С Эренбургом и Любой мы по-прежнему в нежной дружбе. Часто мы жалели, что Вас не было с нами.

Копия, СФ.

Конец августа

И.Э. встречается с приехавшим в Париж Р.Р.Фальком:

Наш Эренбург — постоянно работает в кафе. Дома я его никогда не мог застать. Оказывается, что утром он сидел в одном кафе, “Наполеон”, в 12 ч. внизу в “Куполе”, после 12 — наверху в “Куполе”.

Фальк Р.Р. Беседы об искусстве.
Письма.Воспоминания о художнике.
М.: Сов.художник., 1981. С.71.

Август

Вс.Мейерхольд пишет своему заместителю по хозчасти Б.Гольдбергу о предстоящих гастролях театра в Европе и Америке:

Причины, почему приходится отказаться от “Д.Е.” и “Рогоносца”. Здесь очень грабительские авторские (12%). С Эренбургом, которого нет сейчас в Париже, но которого права оберегает местное общество писателей, мы можем не успеть договориться (у нас с ним был конфликт) и он может взыскать с нас большие авторские, да еще может выступить в печати с воем — что его роман кощунственно искалечен.

РГАЛИ. Ф.998.
Оп.1. Ед.хр.886. Л.5.

24 сентября

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Сердечное спасибо за письмо и за все хлопоты... Судьба (российская) моей последней книги “Заговор равных” до сих пор не выяснилась. Отрывки из нее пойдут в “Красной нови”.

10 октября

И.Э. пишет Е.Замятину:

Отрывки из моего “Заговора равных” будут напечатаны в “Красной нови”, однако, отрывки. Прочли ли Вы “Лазика”? Сейчас ничего не пишу. Может быть, зимой приеду в Москву. Рад буду очень вести от Вас — как Вам живется, пишете ли?

14 октября

Журнал “Прожектор” (№4)2 публикует очерк И.Э. “Двойная жизнь”, иллюстрированный Н.Альтманом.

26 октября

В издательстве ЗиФ вышел т.6 Полного собрания сочинений И.Э. – “Жизнь и гибель Николая Курбова”.

Книжная летопись., 1928. №17960.

Октябрь-ноябрь

Встречи И.Э. с В.Маяковским, находившемся в Париже с 15 октября по 3 декабря:

Я вспоминаю его осенью 1928 г. — он пробыл тогда больше месяца в Париже. Мы часто встречались. Вижу его мрачным в маленьком баре “Куполь”. Он заказывает виски марки “уайт хорс” (“белая лошадь”); пил он мало, но сочинил песенку:

Хорошая лошадь
“уайт хорс”.
Белая грива,
белый хвост.

ЛГЖ. Т.1. С.265.

3 ноября

В галерее современного искусства (бульвар Распай, 135) открылась выставка карикатур Адольфа Гоффмейстера.

Lamac M. Vytvarne dilo Adolfa Hoffmeistera. Praha., 1966. Илл.12.

Выставка была маленькой, и посетители — только друзья и знакомые. С шумом вошли Маяковский и Эренбург. Владимир Владимирович молнией влетел на железную лестницу, которая вела на второй этаж дома, и произнес одну из самых незабвенных для меня речей:

"Первую выставку Адольфа Гоффмейстера считаю открытой".

Гоффмейстер А. Интервью. Правда., 1962, 1 ноября.

16 ноября

Журнал "Прожектор" (№47) публикует очерк И.Э. "Кутна гора".

18 ноября

Газета "Читатель и писатель" сообщает, что в редакцию для отзыва поступил шестой том собрания сочинений И.Э. ("Жизнь и гибель Николая Курбова").

21 ноября

И.Э. пишет В.Лидину:

Я уговорил Мак-Орлана ехать в Россию на месяц. Он нас очень любит и это ему как писателю очень полезно. Прошу выяснить с ВОКСом, как бы организовать это, чтобы покрыть его путевые издержки <...> Я до сих пор не знаю, выйдет ли мой "Заговор равных" отдельной книгой. Отрывки прочтете в "Красной нови". Сейчас собираюсь поступить на автомобильный завод, чтобы написать прозаическую книгу всурьез, не халтуря. Собираюсь и в Москву.

— И.Э. пишет Н.Никитину:

Письму Вашему очень обрадовался. Редко, когда получаю из России неделовые письма <...> "Заговор равных", как только выйдет берлинское издание, перешлю Вам. Выйдет ли книга у нас, не

знаю, вот отрывки пойдут в “Красной нови”. Сейчас я хожу якобы маклером на биржу и вскоре поступлю на автомобильный завод: мне хочется написать книгу о вещи, точнее о поглощении вещью человека. Роман с интригой как-то перестал вовсе увлекать. Может приеду в Россию месяца на три.

Вопросы литературы., 1997. №2. С.254.

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Пьер Мак-Орлан задумал съездить на месяц в Россию. Я давно ему это советовал ... Может быть мыслимо устройство двух его лекций в Москве и Ленинграде, конечно, по-французски? Прошу Вас выяснить это в Ленинграде<...> Ехать предполагает он в феврале — марте. Очень возможно, что и я с ним приеду.

Вопросы литературы., 1997. №2. С.250.

Ноябрь

В ленинградском издательстве “Прибой” вышла книга И.Э “Белый уголь или слезы Вертера” с эпиграфом из Осипа Мандельштама:

В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.

— Журнал “Красная новь” начинает публикацию романа И.Э. “Заговор равных”.

28 ноября

И.Э. дарит О.Г.Савичу книгу “Белый уголь или слезы Вертера” с надписью: “Дорогому Саве на память о Бретани, о Берлине, о Мак-Орлане, о немце с фиалками, словом — о всех мечтах того, кто не любит ... современности “с дерзким вызовом”.

Собрание семьи О.Савича (Москва).

5 декабря

В ленинградской “Вечерней красной газете” рецензия Ю.Райтлера на книгу И.Э. “Белый уголь”:

Рецепт этих статей весьма несложен: немного скептицизма, немного изысканного цинизма, чуть-чуть политической сатиричности, в меру лиризма, немного парадоксальности и неожиданных резких сравнений — и все это густо сдобрено беспрерывным брюзжанием, столь приятным сердцу современного сноба. Эренбург ничем не доволен: ни Россией, ни Западом, ни жизнью, ни искусством. Чего он хочет, во что верит, что он любит — или что он ненавидит — сказать трудно. Еще труднее сказать, что его больше всего интересует, — одинаково остро и элегантно описывает он "солнечный Веймар" и уборную в людном кафе.

Начало декабря

В издательстве "Петрополис" (Берлин-Рига) вышел роман И.Э. "Заговор равных".

9 декабря

Опубликовано изложение доклада т.П.М.Керженцева "в связи с политической обстановкой текущего момента" на общем собрании литературной группы "Кузница":

Самый термин "попутчики" толкуется у нас слишком широко. Надо констатировать, что некоторые известные и печатающиеся у нас писатели враждебны нам и их нельзя назвать "попутчиками". Таковы, в первую очередь, Булгаков и Эренбург.

Эренбург всегда подходит к Советскому Союзу, к советскому строительству, к коммунизму как человек враждебный, он пытается оправдать своих героев: неудачников-коммунистов, представителей богемы, пострадавших от революции, и мещан.

Читатель и писатель., 1928, 9 декабря.

На днях на общем собрании литературной группы "Кузница" блюститель советской литературной благонадежности П.М.Керженцев сказал: "Надо констатировать, что некоторые известные и печатающиеся у нас писатели враждебны нам и их нельзя назвать "попутчиками". Таковы, в первую очередь, Булгаков и

Эренбург". Попытаемся такой характеристикой, довольно справедливой, пробудить к Эренбургу интерес здесь, за рубежом, но с оговоркой, что еще более враждебен он местной путанной идеологии. Одну (при этом основную) черту его творчества отметим благожелательно: он вообще враждебен всякой догме и всякому ликованию. Плохо же то, что он не верит не только в сущее, но и в грядущее, — имея на то, впрочем, исторические основания. Но и без них он не верил бы: иллюзии не по его части. Впрочем, в чужую душу заглядывать не след.

Осоргин М.
Последние новости.Париж.,
1928, 27 декабря.

14 декабря

В издательстве ЗиФ вышел т.1 Полного собрания сочинений И.Э. – "Хулио Хуренито".

Книжная летопись.,
1928. № 21204.

15 декабря

В рижской газете "Сегодня" П.Пильский рецензирует "Заговор равных":

Эренбурга соблазнила мода. "Романическая биография" теперь в моде. <...> В сравнении с другими писаниями Эренбурга, эта книга выигрывает своей относительной прямотой. В ней не так отталкивает эренбурговский нигилизм, сладострастная мефистофельщина, головная изобретательность, душевный холод, охолощенное сердце, это тайное "ni foi, ni loi", неизменное и неуходящее из его романа всеобщее "тьфу", какое-то внутреннее томящее его самого, брезгливое презрение, безлюбовность, — в конце концов, глубокий органический цинизм. <...> Революции для Эренбурга так же грязны, как и реакции, республики не лучше монархий, и среди строк его книги без труда улавливается совсем не случайные параллели между Францией 1790 г. и Советской Россией: террор, голод, спекуляция, продажность и взяточничество.

Середина декабря

Эренбурги отдыхают на Лазурном берегу.

18 декабря

Л.Козинцева-Эренбург из Ментоны (Ривьера) посылает приветственную открытку В.Лидину.

19 декабря

Берлинская газета “Руль” сообщает:

В издательстве Малик вышел немецкий перевод книги Ильи Эренбурга “Жизнь Гракха Бабефа”. Немецкая критика усматривает в книге “жесткую критику сталинизма” и прозрение советского термидора.

20 декабря

“Вечерняя Москва” публикует рецензию Ф.Жица на книгу И.Э. “Белый уголь”:

Умная, талантливая книга, — книга блокнотных заметок, записей на ходу одного из самых культурных и самых непоследовательных русских писателей.

24 декабря

Т.А.Яковлева в письме из Парижа матери в Пензу* рассказывает о своем знакомстве с В.Маяковским:

Познакомились мы так. Ему здесь, на Монпарнасе, где я нередко бываю, Эренбург и другие знакомые бесконечно про меня рассказывали, и я получала от него приветы, когда он меня еще не видел.

Огонек., 1968. №16.С.11.

---

* Т.Яковлева в беседе со мной утверждала, что письмо это — фальшивка. (Янгфельд Б. Любовь это сердце всего. М.: Книга., 1991. С.261.)

27 декабря

Парижская газета “Последние новости” публикует рецензию М.Осоргина на роман И.Э. “Заговор равных”:

Есть как бы два романа Ильи Эренбурга под названием “Заговор равных”; один напечатан в “Красной нови” — маленький, причесанный, охолощенный, приемлемый в целях воспитания советского читателя; другой (изд. “Петрополиса” в Берлине) — более обширный, трепанный, подозрительный по идеологии, смущающий честную коммунистическую душу. Желающим изучить редакционные приемы советской цензуры рекомендуется просмотреть оба издания <...> Вся опасность писаний И.Эренбурга: не поймешь, пишет ли он историю или намекает на современность? <...> Роман Эренбурга написан с обычной живостью и с предельной небрежностью. Читается он и как роман и как сатира. Скорее последнее.

Конец декабря

И.Г. и Л.М.Эренбурги выезжают из Парижа в Берлин, где встречаются с Савичами, Р.Якобсоном и Ю.Тыняновым.

Декабрь

Журнал “Красная новь” (№12) завершает публикацию романа И.Э. “Заговор равных”.

— Журнал “На литературном посту” (№23) публикует статью Н.Берковского “Борьба за прозу”:

Эренбург до конца объявил себя эстетом от цинизма и показал, что “желтые изнанки” он любит просто так, ради них самих и что выискивать их хочется ему непременно повсюду; запакощенный Восток ему также нужен, как запакощенный Запад; если есть в его “Рваче” и других по-”Хуренитных” вещах идеология, то это идеология вселенской тошноты.

В конце года

В издательстве Малик (Германия) вышли “Рвач” Эренбурга под названием “Михаил Лыков” <...> и сборник “30 новых рассказчи-

ков новой России" (Бабель, Замятин, Лавренев, Леонов, Пильняк, Толстой, Тынянов, Эренбург и др.).

Воля России. Прага., 1929. №1. С.132–133.

В течение года

И.Э. знакомится с художником Жюлем Паскиным:

С Паскиным меня познакомил Мак-Орлан.... Мы обедали в маленьком ресторане на Монмартре. Я знал и любил рисунки Паскина и разглядывал его с откровенным любопытством.

ЛГЖ. Т.1. С.516.

— В 1928 г. кроме названных выше были изданы "Рассказы" И.Э. в ленинградском издательстве "Прибой".

— В Париже на идиш в серии "Евреи-художники" вышла книга Вольдемара Жоржа и И.Э. "Натан Альтман".

— Кроме упомянутых выше в 1928 г. И.Э. были подарены книги, сохранившиеся в собрании И.И.Эренбург:

Елизавета Полонская "Упрямый календарь"; надпись: "Тебе — излишние бредни. Лиза".

Андре Шамсон "Преступление праведников"; надпись: "Илье Эренбургу с симпатией Андре Шамсон".

Люк Дюртен "Другая Европа. Москва и ее вера"; надпись: "Дорогому другу и большому писателю Илье Эренбургу, который найдет в этой книжке краткий портрет и историю, рассказанную им и принадлежащую Цезарю. Очаровательной мадам Эренбург — их товарищ Люк Дюртен".

Пьер Мак-Орлан "Выборки на коротких волнах"; надпись: "Илье Эренбургу его друг Пьер Мак-Орлан".

Андре Мальро "Победители"; надпись: "Илье Эренбургу с наилучшими воспоминаниями и с особым уважением Андре Мальро 1928".

1929 год

Начало января

Вместе с Р.Якобсоном и Савичами Эренбурги приезжают в Прагу, откуда возвращаются в Париж.

4 января

И.Э. пишет в Ленинград М.Слонимскому:

Был сейчас в Берлине <...> У меня все неопределенно: может быть приеду к весне в Россию. Не знаю до сих пор, выйдет ли в России "Заговор равных".

5 января

И.Э. пишет в Москву В.Лидину:

Только что вернулся из Праги. Там со мной были и Савы <...> Был и в Берлине. <...> "Заговор равных" берет, кажется, "ЗиФ". В "Федерацию" я пишу насчет всего. Но вот, например, печатал я польские очерки. Их у нас всячески расхвалили, разумеется, не за литературные достоинства. Так вот, нельзя ли устроить издание их отдельной книгой (3,5 листа), я их подправлю <...> Л.М. устраивает выставку гуашей здесь и в Берлине. Там много Бретани.

— И.Э. пишет Н.Никитину:

Спасибо за письмо. Я только что вернулся из Берлина и Праги. Там проводили мы с Якобсоном, Савичем и Тыняновым немало подходящих ночей. Видели ли антологию Малика, там и Ваш рассказ <...> Я еще ничего писать не начал, но к теме не охладел, хочу написать о вещи (вероятно об автомобиле) и об ее насилии над человеком. "Заговор" кажется выйдет в "ЗиФ"е, но в каких размерах, не ведаю. О поездке в Россию

еще ничего определенного не знаю. В Париже холодно, тает преподло ненужный снег, французы умирают от конжестиона* и пензенский Монпарнас патриархально кашляет. Издали, разумеется, все это феерия. Я тоже обременю Вас ходатайством, притом явно обременительным: не знаете ли Вы издательство, которое взяло бы мои польские статьи отдельной книжкой и выслало бы мне гонорар сюда. Я их несколько подправлю. Если подвернется издатель, поговорите с ним и напишите мне, очень выручите. Как, то есть где, пойдет Ваша статья о Западе — хочу прочесть. Не забывайте.

Вопросы литературы., 1997. №2. С.254–255.

— И.Э. получает от Н.С.Тихонова книгу "Поэмы" и письмо, и отвечает ему:

Спасибо за книгу и за хорошее Ваше письмо. Кроме дружбы радость его редкую вдоволь определяет география отправителя. Не думайте, что Европа легко мне дается. Маяковский пишет теперь плохие стихи. Кажется случайно он написал настоящую строфу и, разумеется, ее не напечатал. Вот она:

Я хочу быть понят родной стороной
А не буду понят — что ж,
По родной стране пройду стороной,
Как проходит косой дождь.

Ну вот, на "что ж" не всегда хватает человеческой силы. Я не знаю, выйдет ли мой "Заговор", прочтете ли Вы его? Я писал эту книгу честно. Что теперь делать, не знаю <...> Мне трудно стало жить с вымышленными людьми, других нет, другие — газета. Поэтому у меня стопы бумаги, два пера паркера, капризный норов и ни черта не написано. Может быть я весной приеду к Вам.

— Ю.Н.Тынянов пишет из Праги В.Б.Шкловскому:

...Видел Эренбурга, не поладили.

Рига. Даугава., 1988. №6. С.119.

* От Франц. congestion — кровоизлияние.

6 января

О.Савич пишет из Берлина В.Лидину:

К сведению: в конце февраля и в начале марта здесь будут Эренбург и Любовь Михайловна, так как в это время состоится выставка Любовь Михайловны <...> В Праге чудно. Эренбург был незабываем. Из вин пили токайское, оно же венгерское. Из алкоголей — сливовицу <...> А Прага славна синагогой, в которой 5 ребер (чтоб креста не получилось), и барами: что ни дом, то 2 бара <...> Захотите съездить, устроим в два счета, в этой стране нас любят, а пути — 8 ч. и стоит путь 1 червонец, т.е. 20 марок.

Копия, СФ.

10 января

Выходящая в Париже газета советских общественных организаций во Франции "Наш Союз" помещает большую статью, рассказывающую о творчестве И.Э:

Эренбурга чаще всего упрекают в том, что, обнажая язвы, он не видит грядущего исцеления. Да, он только обнажает язвы. Но то, что он делает, он делает хорошо. <...> Один из последних его романов — "Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца". В этом романе Эренбург снова обретает свой блеск, остроумие, иронию и сатиру.

22 января

В Париже в галерее Л.Зборовского открылась выставка гуашей Л.М.Козинцевой-Эренбург. На выставке было представлено 22 работы (10 — Бретань, 8 — Словакия, 4 — французские пейзажи). Каталог выставки с предисловием П.Мак-Орлана. Выставка продлилась до 4 февраля.

Каталог выставки; собрание В.Г.Козинцевой (СПб.).

30 января

Газета "Заря Востока" (Тбилиси) помещает рецензию на книгу И.Э. "Белый уголь или слезы Вертера":

Когда прочитываешь книгу до конца, остается чувство разочарования и неудовлетворения. Мысли, изложенные в ней, далеки от нашей идеологии, как млечный путь от Земли.

Когда же вспоминаешь, что партия сейчас борется с правым уклоном в литературе, то невольно задаешь себе вопрос: почему именно РАБОЧЕЕ издательство “Прибой” выпустило эту, по своим идеям больную и не созвучную со здоровой советской действительностью книгу заблудившегося в идеологических противоречиях писателя-попутчика?

31 января

Сегодня в таверне Дюмениль, бульвар Монпарнас, 73, состоится очередное собрание “Кочевья”, посвященное устным рецензиям на литературные новинки (произведения Леонова, Эренбурга, Алданова и др.) Начало ровно в 9 ч.

Париж. Последние новости.,
1929, 31 января.

— Журнал “Красная новь” (№1) публикует очерк И.Э. “В Словакии”.

— Пражский журнал “Воля России” (№1) публикует рецензию на роман И.Э. “Заговор равных”:

Эренбург написал исторический роман, вернее романизированную биографию Бабефа. За границей она вышла полностью в берлинском издательстве “Петрополис”. В России “Заговор равных” появился в “Красной нови” — с некоторыми купюрами. Они вполне понятны. Книга Эренбурга не только бойко, ловко, по-газетному остро написанная картина Франции после 1793 г. Это история “падения революции” — и теперь, когда столько говорят о российском термидоре, она приобретает злободневный интерес. Порою кажется, будто не о Франции, не о 18-м веке, а о СССР и последних днях Сталина говорит умный и ироничный автор <...> Любопытная деталь: обозреватель парижской газеты “Возрождение” почему-то набросился на издательство “Петрополис” за выпуск “Заговора равных”: оно могло бы “выбрать романы получше, нежели “революционный” (из времен французской революции) роман Эренбурга”.

По всей вероятности, обозреватель не удосужился прочитать роман Эренбурга. Услышал, что в нем речь идет о революции, и поспешил выругать.

— Журнал "Печать и революция" (№1) публикует "Заметки о журналах" А.Лежнева:

Роман Эренбурга "Заговор равных" (о Бабефе) написан с той легкостью и живостью, с тем умением пользоваться контрастами, которые свойственны вообще этому писателю — и в его творчестве последних лет этот роман представляет несомненно шаг вперед. Но есть что-то такое — и в замысле и в манере автора — что не может не коробить нас. Не только чувствуются в стиле романа французские интонации, но весь строй его таков, как будто он переведен с иностранного. И этот великолепный скептицизм автора, который с улыбкой сожаления и превосходства, сымитированной у Анатоля Франса, сверху вниз глядит на своих героев, мятущихся и заблуждающихся, на этих выспренных мечтателей, грезивших о том, чтобы перестроить по новому мир — усталый от крови, от энтузиазма, инертный, неспособный более на порыв!

2 февраля

"Вечерняя Москва" помещает под заголовком "Апофеоз пошлости" рецензию поэта М.Рудермана на книгу И.Э. "Рассказы".

18 февраля

Ленинградская "Вечерняя красная газета" печатает очерк И.Э. "По Словакии. Пряшевская Русь".

19 февраля

Жозеф Дельтейль дарит И.Э. свою книгу "В потоке любви" с надписью: "Илье Эренбургу и Хулио Хуренито — моя благодарность. Продолжайте в том же духе. Со всем сердцем Дельтейль".

Собрание И.И.Эренбург.

Февраль

И.Э. приступает к работе над книгой "10 лошадиных сил".

Журнал “Die Neue Rundschau” помещает обзор новинок русской литературы, написанный И.Э. В обзоре “современной русской литературы” помещенном в февральском номере “Die Neue Rundschau” о пролетарских писателях нет ни одного слова (не упоминаются, впрочем, и Олеша и Сельвинский), а зато первые места занимают: Бабель (“Закат”), Замятин и Мандельштам.

На литературном посту., 1929. №6. С.80.

— Пражский журнал “Воля России” (№2) сообщает, что “Кочевья” проводят в первый четверг каждого месяца вечера устных рецензий:

На этих собраниях дается краткая характеристика литературных новинок. Серию этих вечеров открыл М.Л.Слоним разбором книг Эренбурга (“Заговор равных”), Инбер (“Место под солнцем”) и Мариенгофа (“Циники”) в связи с тенденциями современного литературного развития в России.

Прага. Воля России., 1929. №2. С.168.

В этом же номере помещена информация об изданиях произведений И.Э. на немецком языке:

Очень многочисленны переводы: Эренбурга “Бурная жизнь Л.Ройтшванеца” (Рейнское издательство, Базель), “Заговор равных” (Малик, Берлин). Его же “Проточный переулок” вышел под названием “Улица на Москве-реке” (Лист, Лейпциг).

— Журнал “На литературном посту” (№3) печатает рецензию А.Селивановского на книгу И.Э. “Рассказы”:

Как можно еще после “Проточного переулка” и “Рассказов” называть Эренбурга попутчиком, хотя бы и “правым”? Разве в “Рассказах” не видно уже окончательного вытеснения из творчества Эренбурга всех элементов попутничества?

3 марта

И.Э. пишет Е.Замятину:

Ваша книга (“Nous autres”*) уже объявлена издательством к выходу. <...> Надеюсь, перевод неплох. Очень радуюсь Вашей буду-

---

* “Мы” (франц.).

щей вещи: давно жду от Вас большой прозы и верю, что будет это настоящая вещь.

Жаль, нет оказии переслать Вам “Заговор равных”. В “Красной нови” были напечатаны не то отрывки, не то, вернее, объедки (после пиршества охранителей отечественной беллетристики). Читали ли, и ежели читали, каков Ваш суд? Сейчас я готовлю нечто вроде кинохроники нашего времени: историю автомобиля, т.е., его создателя, и человеческих трагедий, которые он при этом испытывает, входит сюда нефть, каучук и прочие мировые “этуали”.

Вещь документальная, т.е. без сюжета и без выдуманного. Может быть, это неправильно, но романы, как таковые, мне надоели <...> Как пишут теперь в России? Что хорошего пишут? Здесь вышла одна только занятная книга “Завоеватели” Andre Malraux (китайская революция).

Рад буду вести и крепко жму Вашу руку.

5 марта

И.Э. присутствует на собрании студентов-иностранцев в парижском пригороде Каэнь.

Из донесения парижской полиции
(Marcou Lilly.”Ilya Ehrenbourg”. Paris.: Plon., 1992. P.96.).

7 марта

В Париже вышла составленная и переведенная В.Познером антология новой русской прозы, где в разделе “приключенческий роман” напечатаны фрагменты прозы И.Э.

Литературное наследство. Т.93. М.: Наука., 1983. С.724 .

До 10 марта

И.Г. и Л.М.Эренбурги приезжают из Парижа в Берлин.

10 марта

В Берлине в галерее Мартина Вассерфогеля (Лейпцигштрассе, 26) открылась выставка 28 гуашей Л.М.Козинцевой-Эренбург и

вышел немецкий каталог с предисловием П.Мак-Орлана. Выставка продлилась до 30 марта.

Каталог выставки; собрание В.Г.Козинцевой (СПб.).

19 марта

Эренбурги, Савичи и немецкий артист Фриц Расп посылают В.Лидину из Шарлотенбурга приветственную открытку с видом русского ресторана в Берлине “Forster”.

26 марта

И.Э. пишет из Парижа в ЛенГИЗ:

Рукопись “Заговора равных” находится в Москве в издательстве “ЗиФ”. Так как я не хочу отдать эту книгу “ЗиФ”у, я написал, чтобы они рукопись переслали в Ленинград Н.Н.Никитину. У него (или непосредственно в “ЗиФ”е в случае затяжки) Вы можете ее получить.

Если Вы хотите взять эту книгу, прошу Вас спешно телеграфировать мне: Париж, 47, Boulevard Saint-Marsel и сообщить условия.

ОР РНБ. Ф.474. А. №2 К-Я. Л.36. Об-37.

28 марта

И.Э. пишет В.Лидину из Финистера (Бретань):

Приехал на один день показать режиссеру, который ставит фильму по моему сценарию с сардинками. Все девушки здесь помнят тебя. А hotel — на слом. Вот так проходит жизнь. Пью кальвадос. Денег мне из России не шлют, и я не знаю, что мне делать. Для славы я стар. Для мудрости молод. Пью Ваше здоровье.

Фотокопия, СФ.

Зимой я снова поехал в Пенмарк с Моголи Надем, который мечтал сделать фильм о сардинах и о людях, бездушных дельцах; он говорил, что у него на примете левый меценат. Рыбаки рассказывали нам о фабрикантах, о штормах. Океан неиствовал. Рыбачки, укачивая детей, пели печальные песни.

Мецената Моголи Надь не нашел и фильма не сделал. А я, вернувшись из Пенмарка, писал: “Ужасен мир, где Каин — и законо-

датель, и жандарм, и судья! В этом году исполнится десять лет со дня окончания мировой войны. Если ничего не изменится, через десять лет мы увидим новую войну, куда более ужасную".

ЛГЖ. Т.1. С.475.

Март

И.Э. в Париже встречается с В.Маяковским:

В последний раз мы виделись весной 1929 г. — за год до его смерти.

ЛГЖ. Т.1. С.258.

— Журнал "На литературном посту" (№6) сообщает:

Перед нами лежит проспект журнала "Славянское обозрение" ("Slavische Rundschau"), журнала, начинающего издаваться в 1929 г. на немецком языке в Праге и посвященного "современному состоянию культурной жизни всех славянских народов". Редактором журнала является проф. Spina, в настоящее время министр общественных работ Чехо-Словакии, одним из членов редколлегии — русский лингвист, живущий в Праге, Р.О.Якобсон. В качестве сотрудников приглашены из писателей и критиков РСФСР: С. Балухатый, Б.Эйхенбаум, П.Эттингер, И.Груздев, А.Гвоздев, Б.Ярхо, П.Марков, А.Слонимский, В.Шкловский, Г.Шпет, Р.Шор, Б.Томашевский, Ю.Тынянов, В.Виноградов, Г.Винокур, а также И.Эренбург.

— В том же номере "На литературном посту" рецензируются очерки И.Э. о Словакии:

Неприкрытый российский великодержавный шовинизм одушевляет Эренбурга. В сущности, в изображении этого писателя, словацкое крестьянство собирается присоединиться не к СССР, а к ... России, потому что для крестьян-славян (здесь-то и скрываются корни, питающие радость Эренбурга!), в отличие от германских рабочих, русская революция не интернациональна, а национальна. По Эренбургу, привязанность революционного пролетариата Германии к стране Советов — "случай", а тяготение словацких крестьян к России — закон крови <...> А за словацкими крестьянами следует и интеллигенция и вся "молодая Словакия". Словом, русские люди, к вам тянутся братья-славяне! — таков вывод из очерка И.Эренбурга. Здесь нарочито и грубо смешаны понятия Россия и СССР, рево-

люции национальной и пролетарской, здесь вовсе забыты классовые противоречия в самой Словакии.

6 апреля

О.Савич пишет В.Лидину из Берлина:

Приезд Эренбургов на время оживил было нас, но, увы — на время. Выставка Любови Михайловны имела моральный успех, писали в газетах.

Копия, СФ.

7 апреля

В журнале "Прожектор" (№14) опубликован очерк И.Э. "В центре Франции", перепечатанный 21 и 25 апреля парижской газетой "Наш Союз".

16 апреля

Ленинградская газета "Кино" публикует протест И.Э. против искажения его книги в фильме киностудии "УФА" "Любовь Жанны Ней".

20 апреля

В Праге открылась выставка 25 гуашей Л.М.Козинцевой-Эренбург и выпущен чешский каталог с предисловием П.Мак-Орлана.

Каталог выставки; собрание В.Г.Козинцевой (СПб.).

Апрель

Журнал "Молодая гвардия"(№4) публикует статью А.Селивановского "Особняки купеческие и иные":

В №1 "Красной нови" напечатан очерк Ильи Эренбурга "В Словакии". Эренбург умилен патриархальной простотой отношений, царящих в словацкой деревне. Не буду останавливаться на множестве ценностей и двусмысленностей очерка. Приведу лишь один пример. Политическую борьбу в деревне Эренбург изображает так: "на выборах голосуют дружно и втемную, как заведено (кем и когда — это не существенно). Одна деревня

вся за “аграриев”, другая — за клерикалов, третья — за коммунистов. В Лужной прошел коммунистический список, а в Тисовце “аграрный”, но и там и здесь вам скажут, что справедливей всех министров был Яношик*”. Недурное изображение массовой работы словацких коммунистов, не правда ли?

Весна

И.Э. обращается к французскому литератору Нино Франку, помощнику по иностранным вопросам главного редактора журнала “Бифюр” по поводу своего участия в №1 журнала.

Письмо экспонировалось на выставке “Москва-Париж” (М., 1984.).

Май-июнь

Журнал “Воля России” сообщает:

Вышел чешский перевод “Бурной жизни Лазика Ройтшванеца” Ильи Эренбурга.

Прага. Воля России., 1929. №5–6. С.138.

4 июня

За обедом у Довгалевских**, кроме Эренбургов, присутствует и Игорь Грабарь. Разговор идет о выставке икон, о парижских художниках и их купцах-эксплуататорах. Затем, увлекаясь, долго говорит Эренбург о поездке в Чехословакию, о евреях и цыганах. Когда Эренбург рассказывает со всеми характерными мелочами, передает скорее не то, что видел, а то, о чем говорил с другими и слышал.

Редько К.
Дневники. Воспоминания. Письма.
М.: Сов.художник., 1974. С.90.

* Словацкий Робин Гуд.
** В.С.Довгалевский — полпред СССР во Франции.

5 июня

И.Э.Грабарь пишет из Парижа в Москву жене:

Вчера обедал вечером у Довгалевских (наш полпред). Было очень занятно, т.к. был Николаев А.М. Здесь он заведует в Торгпредстве всем импортом.

Грабарь И.
Письма. Т.1. М.: Наука., 1977. С.236.

Начало июня

И.Э. на несколько дней приезжает в Берлин.

9 июня

И.Э. присутствует в Берлине в большом кинотеатре на Курфюрстендам на просмотре фильма Дзиги Вертова “Человек с киноаппаратом”:

До начала просмотра выступал Д.Вертов. Он говорил на немецком языке.<...> После просмотра, на котором был И.Эренбург, он позвал Вертова и меня посидеть с ним в ресторане. В каком-то переполненном людьми зале, аляповато раззолоченном, с многочисленными зеркалами, все время танцевали фокстрот. Время от времени раздвигался потолок и открывал высокое звездное небо. Мы долго говорили о другом небе...

Шуб Э. Жизнь моя — кинематограф.
М.: Искусство., 1972. С.89.

23 июня

И.Э. посылает из Парижа в Берлин Савичам фотографию парижского бала, на которой он снят с Л.М.Козинцевой, А.Г. и В.Л.Вишняками, Р.Р.Фальком, Д.Гамсараган, Н. Грановским, Маревной и Л.Воловиком.

СФ.

Июнь

И.Э. завершает работу над книгой “10 лошадиных сил” и посылает рукопись ее в журнал “Красная новь”.

— Журнал “Печать и революция” (№6) завершает начатую в №5 публикацию статьи В.Ольхового “О попутничестве и попутчиках”: Эренбург

не попутчик, а ново буржуазный писатель, выражающий враждебные делу пролетариата тенденции <...> “Рвач” И.Эренбурга является наиболее ярко выраженным примером ново буржуазной литературы не только потому, что он дает апологию рвачества, дает в лице Мишки Лыкова “героя” нэповской буржуазии, но и потому, что это произведение является нагло клеветническим в отношении коммунистов и всего нашего строя.

— Пражский журнал “Воля России” (№5–6) сообщает:

Вышел чешский перевод “Бурной жизни Лазика Ройтшванеца” Ильи Эренбурга.

Конец июня

Из Парижа И.Э., Л.М.Козинцева-Эренбург, гостивший во Франции московский писатель Л.Никулин, художники С.Фотинский и Н.Альтман посылают приветственную открытку в Москву В.Лидину:

“Дорогой Рюрик! Почему Вы меня забыли? Получили ли открытку из Бретани? И.Эренбург”.

(Открытку, судя по написанному адресу, отправлял Л.Никулин, сделал он это, видимо не сразу, пришла она в Москву, судя по штемпелю, поздно — 22 июля, когда Эренбурги были уже в Скандинавии.)

— Эренбурги и Савичи отправляются в путешествие по Северу Европы.

Июнь

Журнал “Slavische Rundschau” (№6. С.516.) печатает рецензию на пражскую выставку Л.М.Козинцевой-Эренбург.

3 июля

Эренбурги и Савичи пишут В.Лидину из Гетеборга:

Едем на север. Пока местный норд хоть и с недостаточными закатами, но так же с чудесным курительным салоном и харчем.

После 3 июля

Эренбурги и Савичи из Гетеборга прибывают в Стокгольм.

13 июля

На бланке стокгольмского отеля "Патриция" И.Э. пишет В.Лидину, рекомендуя ему американскую исследовательницу мадам Мартино, которая направляется в Москву: "Ее интересует, как любят в СССР. Она очень мила и я думаю, что Вы ей поможете посмотреть Москву и т.д. и т.д. Мы сегодня едем на север!"

— Эренбурги и Савичи отправляются в путешествие на север Европы. Путешествие по Скандинавии в какой-то степени было навеяно книгой В. Лидина "Норд", которая очень понравилась И.Э. Путешествие началось с Гетеборга, откуда Эренбурги и Савичи отправились в Стокгольм, где прожили несколько дней. Из Стокгольма путь лежал на север Швеции. По дороге в Кируну было несколько остановок, но, судя по северным очеркам И.Э., наибольшее впечатление на него произвел небольшой портовый городок Лулео, расположенный на берегу Ботнического залива (ему посвящен очерк "Ночь в Лулео"). Из Лулео прямая железнодорожная ветка ведет на северо-запад, в Кируну — город горняков на 68 параллели. О Кируне И.Э. написал два очерка — "Край света" и "Без языка" (в составе цикла "Север" они вошли в его книгу "Виза времени"). Из Кируны путь лежал на север Норвегии — на Лофотенские острова. В северных очерках особенно обстоятельно И.Э. написал об острове Рест. На острове Эствоге Эренбурги и Савичи поселились в городе Свульвер, а оттуда морем двинулись на крайний север Норвегии — в Тромсе, которому И.Э. посвятил очерк "Близость полюса". Достигнув этой, самой северной, точки своего путешествия, Эренбурги и Савичи морем поплыли на юг вдоль берегов Норвегии. Они побывали в Тронхейме, а затем несколько дней провели в столице Норвегии Осло, где имели много интересных встреч (в частности, с А.М.Коллонтай, тогдашним советским полпредом). Из городов южной Норвегии в очерках И.Э. рассказывается лишь о Моссе ("Ночной разговор в Моссе", где И.Э. пишет и о Тронхейме). Затем — маршрут на юг Швеции, в Мальме, а оттуда — в Данию, пос-

ледний этап северного путешествия (поездке в Данию посвящены два очерка И.Э. — “3.362.900” и “Бенгальский огонь”).

Фрезинский Б. Эренбург-путешественник: маршруты и впечатления. Рукопись (СФ.).

22 июля

Эренбурги и Савичи отправляют В.Лидину привет из Швеции из-за Полярного круга.

23 июля

Ленинградская газета “Кино” сообщает:

Госкинпром Грузии выпускает в прокат по РСФСР и УССР следующие фильмы собственного производства: в июле “Трубка коммунара” (по новелле Ил.Эренбурга, реж. К.Марджанов, опер. С.Забозлаев).

Последней работой Марджанишвили в кино был фильм “Трубка коммунара” по новелле Ильи Эренбурга. Режиссер стремился возможно точно воссоздать обстановку Парижской коммуны, образы коммунаров и их врагов. В фильме был ряд моментов впечатляюще и убедительно характеризовавших эпоху. “С необычайным увлечением,- вспоминает впоследствии артист Шалва Рамбашидзе, игравший роль торговца, — работал Марджанишвили над фильмом. Всегда с неустанной энергией, с необыкновенной любовью, отдавая всю душу, создавал он каждую сцену, каждый эпизод. С большим чувством лепил каждый образ, чтобы дать картину самоотверженной борьбы героев Парижской коммуны”.

Ратиани И. Искусство кино., 1968. №5. С.100.

Конец июля

Эренбурги и Савичи путешествуют по Лапландии:

Мы добрались до Заполярья, приехали к лопарям. У И.Г. было письмо к местному пастору, который возил нас и показывал свой край. <...> Приходилось много плыть на пароходах. Возвращаясь с севера, мы плыли вдоль берегов Норвегии на товарном пароходе, вовсе не предназначенном для перевозки

туристов. Кормили нас тем же, что ела вся команда — треской. <...> В ту поездку нам много пришлось ходить пешком. И.Г., как всегда, был неутомим.

Савич А. Минувшее проходит предо мною.
Рукопись. СФ.

30 июля

Московская газета “Кино” сообщает:

В московских кинотеатрах “Зеркальный”, “Малая Дмитровка 6” и “Форум” премьера кинофильма “Трубка коммунара” по новелле И.Эренбурга.

Июль

Журнал “Печать и революция” №7 сообщает:

Начал выходить новый журнал “Бифюр”, широко отражающий международную литературную жизнь. Из русских авторов в журнале участвуют Бабель, Пильняк и Эренбург.

Начало августа

Эренбурги и Савичи приезжают в Норвегию:

В Осло И.Г. решил, что следует нанести визит в полпредство, позвонил туда по телефону и А.М.Коллонтай нас приняла, Эренбург и Савич повезли в подарок Коллонтай свои новые книги, Л.М. — новую гуашь, а я — букет анемон. Разговор был недолгий — о политической ситуации в Норвегии, а затем — предложение А.М. устроить в полпредстве литературный вечер.

Савич А. Минувшее проходит предо мною.
Рукопись (СФ.).

11 августа

А.М.Коллонтай пишет в Москву:

Эти дни были у нас гости: Эренбург с женой художницей и новый писатель Савич с женой. Эренбург — культурный, наблюдательный, с тактом. Говорили много о путях литературы.

Коллонтай А.М.революция — великая мятежница.
М.: Сов. Россия., 1989. С.242.

— В журнале “Прожектор” (№32) под заголовком “На заводе Ситроена” впервые печатается отрывок из книги И.Э. “10 л.с.”.

12 августа

И.Э. и О.Савич участвуют в организованном по просьбе А.М.Коллонтай литературном вечере в клубе полпредства СССР:

И.Г.Эренбургом был прочитан отрывок из книги “10 лошадиных сил. Хроника нашего времени” (Берлин, 1929). О.Г.Савич прочел главы из романа “Воображаемый собеседник” (Л., 1928). Сообщая о выступлении писателей, Коллонтай писала З.Л.Шадурской 13 августа 1929 г.: “Я получила большое духовное удовольствие”.

Коллонтай А.М.
Революция — великая мятежница.
М.: Сов. Россия., 1989. Комментарий. С.503.

Середина августа

Эренбурги и Савичи прибыли в Данию.

— В Копенгагене И.Г. знакомится с художником Антоном Хансеном и журналистом Анкером Киркебю.

— Эренбурги и Савичи получают приглашение посетить датскую писательницу Карин Михаэлис:

Карин Михаэлис жила на островке возле Копенгагена. Нам был предоставлен уютный домик по соседству с домиком писательницы, а утром она позвала нас к себе пить кофе. За завтраком она принялась объяснять, что сами они едят маргарин, а для нас купили специально, как она выразилась, “человеческое масло” (мы говорили по-немецки). Разговор затем пошел о книгах, литературных новостях. Потом хозяйка дома решила познакомить нас со своей матушкой — нас провели к архаической старушке в чепце из черных кружев...

Савич А. Минувшее проходит предо мною.
Рукопись (СФ.).

25 августа

В №34 журнала “Прожектор” опубликован очерк И.Э. “Сэр Генри Детердинг”.

26 августа

"Литературная газета" публикует статью Б.Волина "Недопустимые явления":

Мы не можем не остановиться на таком недопустимом факте, как печатание одного и того же произведения в двух разных вариантах: в одной редакции для советской прессы, в другой — для белогвардейской, как это случилось с произведением Ильи Эренбурга "Рвач". Мы обращаем внимание на этот ряд совершенно неприемлемых явлений, компрометирующих советскую литературу и надеемся, что в их осуждении нас поддержит вся советская общественность.

27 августа

В ленинградской газете "Кино" — статья "Марджановщина":

Последний свой опыт "Трубку коммунара" Марджанов сделал в незадачливом Госкинпроме Грузии <...> "Трубка коммунара" гуляет по первоэкранному кинематографу. Уродливые гримасы и пьяницы в трамваях вызывают ту же брезгливость, но досаду гораздо большую, ибо кинематограф все-таки не трамвай. Показывали "Трубку коммунара" в Московском АРК'е. Даже не стали обсуждать, брезгливо отмахнулись. Безграмотная, невежественная вещь. Поручили правлению вынести резко отрицательную резолюцию. Безграмотное оформление большой значительной темы компрометирует саму тему. Нельзя же, товарищи, в самом деле, безнаказанно опошлять эпизод Парижской Коммуны, этой огненной страницы классовых бурь. На ряде просмотров единогласно заклеймили "Трубку коммунара". Голос общественности остался гласом вопиющим в пустыне. "Трубка коммунара с помпой пущена в прокат и нагло кричит о себе в лучших кинотеатрах.

Август

В журнале "Красный библиотекарь" (№5–6) помещена рецензия на книгу И.Э. "Рассказы":

Антисоциальная, непротивленческая размагниченность рассказов Эренбурга чужда нашему читателю. Книга вредна, для советских библиотек не годится.

5 сентября

И.Э. возвращается из Скандинавии в Париж и получает письмо Вс. Мейерхольда, сообщающее, что его театр собирается во Францию на гастроли.

6 сентября

И.Э. пишет Вс.Мейерхольду:

Очень, очень рад, что скоро увидимся! Как только приедете в Париж, позвоните нам по телефону: Invalides 05–48.

После Vichy будет особенно хорошо распить бутылку французского вина.

Ждем Вас. Сердечный привет Зинаиде Николаевне* и Вам от нас обоих. Ваш И.Эренбург.

Мейерхольд В. Переписка. М.: Искусство., 1976. С.312.
[Письмо в книге ошибочно датировано 1930 г.]

Начало сентября

И.Э. пишет В.Лидину:

Дела мои дрянь. Вот уже семь месяцев, как я не получаю из отечества ни копейки. “Красная новь” в восторге от моей новой книги, собирается печатать ее еще в сентябре, но денег, разумеется, не шлет. Живу непонятной доверчивостью окружающих. Пожалуйста, при случае намекните в “Красной нови” и “Прожекторе”, что, мол, все люди смертны, Эренбург тоже человек, как–никак смерть его будет потерей для отечественной беллетристики, даже в наш переходный момент перевыборов правления и прочих перетряхиваний <...> Книга моя “Заговор равных” до сих пор не вышла и я не знаю даже, у кого теперь рукопись: у “ЗиФ”а или в “Федерации”.

17 сентября

Газета “Красная звезда” под заголовком “Кули” публикует отрывок из книги И.Э. “10 л.с.”.

---

* З.Н.Райх — актриса, жена Вс.Мейерхольда.

17 и 18 сентября

Ленинградская “Вечерняя красная газета” под заголовком “Хозяева” публикует отрывок из книги И.Э. “10 л.с.”.

21 и 23 сентября

Этот же отрывок публикует “Вечерний Киев”.

29 сентября

И.Э. пишет Ю.Тувиму:

Обращаюсь к Вам вот с какой просьбой: мне нужен в Польше издатель. Этот вопрос не столько славы, сколько вульгарных злотых. С “Роем” мы развелись <...> “Лазика” они напечатали с глупейшими купюрами, а от “Заговора равных” вовсе отказались. Новую книгу я им уже не послал <...> На днях вышлю Вам мою книгу “10 л.с.”. Это не роман, а хроника нашего времени, история ситроеновского автомобиля. Заводы, каучуковые плантации, борьба за нефть, биржа и пр. Уж очень надоело писать романы. Что Вы-то поделываете, как живете, что пишете и над чем грустите? Этим летом я видел Якобсона и он снова восторгался Вашими переводами: конгениально! Я был на севере — в Лапландии, очень мне там понравилось и не хотелось возвращаться, не говоря уж о лопарях и полночном солнце, помните шведский ресторан в Париже, так это жалкая имитация!..

Советское славяноведение., 1975. №2. С.92–93.

Сентябрь

О.Савич пишет из Парижа В.Лидину:

За это время помимо смен настроения прошли Швеция, Норвегия, Дания, кусочки Германии и Бельгии, страна басков <...> Было много чрезвычайно интересного, частью хорошо знакомого Вам — Север. Мы побывали и в “Тромсе”. Об этом не расскажешь в 2 словах. От лопарей до басков немало километров. А главное — как-то вспугнута домашняя тихая жизнь. Думаю попробовать остаться пока в Париже, как выйдет? Поэтому пока пишите мне на адрес Эренбурга.

Копия, СФ.

— Журнал “Красная новь” (№9) начинает публикацию книги И.Э. “10 лошадиных сил”.

— Издательство “Петрополис” (Берлин) в предисловии к роману И.Э. “Любовь Жанны Ней” пишет:

Приступая к изданию ряда произведений И.Эренбурга, мы сочли целесообразным переиздать один из лучших его старых романов, давно вышедший из продажи.

3 октября

Тбилисская газета “Заря Востока” публикует статью Г.Горбачева “О современной буржуазной литературе”:

С приближением конца гражданской войны часть контрреволюционных или чуждых революции писателей стала “менять вехи” <...> Так иссякли корни успеха злободневного творчества Эренбурга, поверхностные насмешки которого над европейским буржуа быстро приелись, а попытки изобразить советскую действительность, как царство рвачей и купцов Панкратовых, вызвали в СССР самую неблагодарную реакцию.

7 октября

“Литературная газета” публикует “Письмо в редакцию” Е.И.Замятина:

...4) Весной 1927 г. отрывки из романа “Мы” появились в пражском журнале “Воля России”. И.Г.Эренбург, письмом из Парижа, по-товарищески предупредил меня об этом. Так, впервые я узнал о своем “поступке”.

5) Тогда же, летом 1927 г., Эренбург по моей просьбе, отправил в редакцию “Воли России” письмо с требованием от моего имени — прекратить печатание отрывков из “Мы” <...>

6) От Эренбурга я узнал и еще одно: напечатанные в “Воле России” отрывки из “Мы” были снабжены предисловием, информирующим читателя, что роман напечатан в переводе с чешского на русский...

8 октября

И.Э. получает письмо Ю.Тувима, собирающегося в Париж, и отвечает ему:

Раз Вы читали мою статью о Лодзи, Вы поймете, как я сей город чту. Чудный город, куда лучше Варшавы и Кракова. Его только трудно вынести в порядке душевного кислорода, но для поэтического самоистязания это клад. Я рад, что мои польские очерки <...> не рассердили Вас. Я, наверное, во многом ошибаюсь, да и как может быть иначе, я ведь у вас только турист, но статьи эти были искренни и отнюдь не традиционно враждебны. Статьи вообще тяжкое дело. Я завидую Вам — Вы пишете стихи. Вас должны любить и девушки и даже лодзинские трубы. Я хотел бы написать сейчас психологический роман о возрасте (мне скоро 38) <...> Напишите Якобсону — он с большой нежностью говорил о Вас.

Советское славяноведение., 1975. №2. С.93.

10 октября

Парижская газета “Возрождение” сообщает, что редакция получила для отзыва книги И.Э. “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” и “Любовь Жанны Ней”, вышедшие в Берлине в издательстве “Петрополис”.

17 октября

И.Э. пишет Ю.Тувиму:

Книга “10 л.с.” только что вышла и я пошлю ее Вам в ближайшие дни <...> Живу я туманно и, говоря по–местному, мердовато*. Был как–то в ночном кабаке и, выпив снапса, вспомнил наше апремали. Давайте– ка, Тувим, сюда, культурой и прочим соблазнять не буду. Это дело спорное, ну, конечно, тур д’эйфель**, валери и так далее, но выпьем мы с Вами и, выпив, потолкуем.

Советское славяноведение., 1975. №2. С.94.

24 октября

Нота представительства СССР в Праге Министру иностранных дел Чехословакии:

* От франц. merde — дерьмо.

** От франц. tour d’Eiffel — Эйфелева башня.

Полномочное представительство имело честь неоднократно обращать внимание как в письменной так и в устной форме Министерства иностранных дел на действия чинов пражской тайной полиции в отношении лиц, посещающих полномочное Представительство, а равно и в отношении его сотрудников. Эти действия, как это неоднократно сообщалось, заключается в том, что лица, посещающие полномочное Представительство и сотрудники полномочного Представительства, подвергаются непосредственно по выходе их из здания полномочного Представительства либо на некотором расстоянии от пего задержанию агентами пражской тайной полиции с предъявленьями со стороны последних требования о проверке документов <...> В частности, жалобы подобного рода поступали: от <...>писателя И.Эренбурга, приезжавшего в ЧСР, чтобы провести здесь свой отпуск.

Документы и материалы по истории советско–чехословацких отношений. М.: Наука., 1977. Т.2. С.390.

— Парижские газеты “Возрождение” и “Последние новости” сообщают о получении для отзыва вышедшей в Берлине в издательстве “Петрополис” книги И.Э. “10 л.с.”.

28 октября

“Вечерний Киев” под заголовком “Маска Детертинга” публикует отрывок из книги И.Э. “10 л.с.”.

31 октября

В парижском издательстве NRF (серия “Libraire Gallimard”) вышел из печати под названием “Жизнь Гракха Бабефа” в переводе Мадлен Этар роман И.Э. “Заговор равных”. В рекламе, помещенной в этой книге, издательство сообщает о готовящемся выходе французского перевода романа И.Э. “Рвач”.

Октябрь

Журнал “Красная новь” (№10) завершает публикацию книги И.Э. “10 лошадиных сил”.

29 ноября

Правительственная французская газета “L’Action francaise” помещает статью об И.Э.

Из досье парижской полиции.
(Marcou Lilly.”Ilya Ehrenbourg”. Paris.: Plon., 1992. P.96).

Ноябрь

Пражский журнал “Воля России” (№10/11) сообщает, что издательством “Рой” (Варшава) изданы книги И.Э. “Рвач” и “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца”.

— Журнал “Красная новь” (№11) публикует рассказ И.Э “Убийство Маттеотти”.

21 декабря

В Амстердаме в Кунстзале открылась выставка гуашей Л.М.Козинцевой– Эренбург. Выставка продлится до 10 января.

Каталог выставки;
собрание В.Г.Козинцевой (СПб.).

Декабрь

Журнал “Литература и марксизм” (№6) помещает статью М.Поляковой “Достоевский в отражении современности”, часть которой посвящена изображению образа двойника у Эренбурга.

31 декабря

1930 г. мы с Любой встречали в Берлине у художника Георга Гросса. Среди приглашенных был Элюар.

ЛГЖ. Т.3. С.217–218.

В течение года

Встречи И.Э. в Париже с поэтом Робером Десносом:

Никогда он не был моим другом, но он меня привлекал страстностью и в то же время мягкостью, человечностью — ничего в нем не было от профессионального литератора <...> Несколько раз он приходил ко мне на бульвар Сен–Марсель <...>

Как–то я был в его мастерской на улице Бломе, возле негритянской танцульки.

ЛГЖ. Т.1. С.487–488.

— Кроме названных выше издательство “Петрополис” выпустило роман И.Э. “Хулио Хуренито”.

— В издательстве “Le Revues” под названием “Московский переулок” вышел в переводе Ю.Сидерского роман И.Э. “В Проточном переулке”; обложка работы Н.Альтмана. В рекламе, помещенной в книге, сообщается о готовящемся издании книги И.Э. “10 л.с.”.

— В Париже вышла книга воспоминаний П.Мак–Орлана “Города” с посвящением И.Э.: “Илье Эренбургу в знак глубокой литературной симпатии и дружбы. П.Мак–Орлан”. И.Э. был подарен экз.№112 с надписью: “Илье Эренбургу эту книжку, которая является свидетельством глубокой привязанность — его друг П.Мак–Орлан 1929”. П.Мак–Орлан подарил в этом году И.Э. еще несколько своих книг: “Урания”, с надписью: “Илье Эренбургу его друг П.Мак–Орлан. 1929”; “В госпитале Мари–Мадлен” с надписью: “Илье Эренбургу его поклонник и друг П.Мак–Орлан. 1929” и “Полное собрание поэтических произведений” с надписью: “Илье Эренбургу его старый друг Мак. 1929”.

Собрание И.И.Эренбург.

1930 год

3 января

В Париже, в галерее Зак (площадь Сен–Жермен де Пре), открылась выставка русских художников, на которой представлены работы Л.М.Козинцевой–Эренбург, Альтмана, Анненкова, Фалька, Фотинского, Глущенко, Гончаровой, Ларионова, Любича, Минчина, Пикельного, Пуни, Терешковича. Выставка продлилась до 16 января.

23 января

Парижская газета "Последние новости" публикует рецензию Мих.Осоргина на книгу И.Э. "10 л.с.".

31 января

Парижская газета "Возрождение" рецензирует рассказ И.Э. "Убийство Маттеотти".

Январь

И.Э. составляет из своих очерков сборник "Виза времени" и рукопись его передает издательству "Петрополис", а также отсылает в московское издательство "Федерация".

— И.Э. начинает работать над романом "Единый фронт".

— Пражский журнал "Воля России" (№1) сообщает о выходе немецкого перевода книги И.Э. "10 л.с." (под названием "Жизнь авто") и публикует рецензию Н.Мельниковой-Папоушек на эту книгу:

Скажем прямо: "10 л.с.", бесспорно, новый жанр, во всяком случае, в русской литературе; жанр приятный, свежий и отвечающий как литературным, так и читательским требованиям эпохи.

17 февраля

И.Э. присутствует в Сорбонне на лекции С.М.Эйзенштейна "Принципы нового русского кино":

Я был в Сорбонне на его вечере; должны были показать "Броненосец Потемкин", но префект показ картины запретил, и Эйзенштейн на безупречном французском языке в течение двух или трех часов беседовал обо всем, зло шутил, потряс зал своей эрудицией.

ЛГЖ. Т.1. С.486.

Я помню, как в Париже, в аудитории Сорбонны, несколько часов подряд он сражался за высокие идеалы нашего строя, за передовое искусство, за передовое человечество. Он сражался тонко, умно, парировал удары, улыбался новому веку и, поддерживаемый силой своего творческого гения, привлекал к нашей стране сердца.

Речь памяти Эйзенштейна., 1948. Искусство кино., 1968. № 1. С.115.

22 февраля

Б.Л.Пастернак надписывает книгу стихов "Поверх барьеров" И.Э. и Л.М.Козинцевой–Эренбург: "Моим дорогим Любови Михайловне и Илье Григорьевичу с телячьими нежностями и поцелуями. А годы идут; что им делается? Б.Пастернак".

Собрание И.И.Эренбург.

Февраль

Я сидел над книгами об экономике, а вечером шел в бар "Куполь"; часто туда приходил Паскин. Он все больше и больше мрачнел; говорили о неурядицах в его личной жизни; пил он много, но вдруг замыкался в мастерской и отчаянно работал.

Он знал, что мне нравятся его вещи, и однажды ночью сказал: "Мне нужно с вами поговорить. Мы должны вместе сделать книгу. Вы будете писать мне письма, а я буду отвечать рисунками — я не умею отвечать, как вы, едкими фразами, я не писатель. Это будет замечательная книга! Мы скажем всю правду — откровенно, без прикрас. Почему я должен делать иллюстрации к рассказам Поля Морана, они меня не интересуют. Я иллюстрировал Библию. Зачем? Я не знаком с царицей

Савской. Вы мне будете писать о чем хотите, а я вам буду отвечать. Знаете, почему мы должны с вами сделать книгу? Это будет книга о людях; теперь говорят о чем угодно, а о людях забыли. Только не откладывайте. Потом будет поздно".

ЛГЖ. Т.1. С.518–519.

17 марта

И.Э. получает письмо от Е.Замятина и отвечает ему:

Нет ли у Вас пьесы на русский сюжет для здешних театров — ищут. Я к этому делу, то есть театру, вовсе не приспособлен <...> Здесь стало скучновато. Я работаю, пишу. Теперь нечто вроде ублюдочного романа: борьба за рынки, спички, хлопок и пр. Читали ли Вы отрывки, довольно жалко подобранные, из последней моей книги "10 л.с."? Хотел там передать ужас перед машиной, по форме же найти жанр средний между романом и репортажем. Было это в "Красной нови". Жаль, что не могу Вам послать книгу.

20 марта

Парижская газета "Последние новости" помещает "Отклики" Сизифа (Г.Адамовича):

Отрадно видеть, как с каждым днем обогащается великий, свободный и могучий наш язык. Просматривая брошюру Майзеля о "новобуржуазной литературе", мы нашли в ней слово, которое до сих пор даже величайшим нашим стилистам оставалось неведомо. Речь идет об Эренбурге. "Буржуазия имеет в его лице пламенного обличителя. Но общественный НАПЛЕВИЗМ не позволяет Эренбургу выработать положительные идеалы".

Март

Журнал "Красная новь" №3 начинает публиковать очерки И.Э. "Север".

— У И.Э. и О.Савича возникает замысел серии книг высказываний русских писателей о странах Западной Европы — Франции, Германии, Италии. Они начинают собирать материалы, связанные с Францией, для книги "Мы и они".

6 апреля

Газета "Русский голос" (Нью–Йорк) сообщает, что на ее склад поступили романы И.Э. "Хулио Хуренито" (цена 1,50 долл.) и "Любовь Жанны Ней" (в переплете — 1,75 долл., без переплета — 1,25 долл.).

15 апреля

И.Э. узнает о самоубийстве В.Маяковского:

В яркое весеннее утро я развернул газету — короткая телеграмма: "Поэт Маяковский покончил жизнь самоубийством". Мы тогда еще не были приучены к потерям, и я обмер. Я не спрашивал себя почему, не гадал, просто видел перед собой огромного, живого Владимира Владимировича и не мог представить, что его больше нет.

ЛГЖ. Т.1. С.519.

17 апреля

Парижская газета "Последние новости" сообщает, что в редакцию для отзыва поступила изданная "Петрополисом" книга И.Э. "Виза времени".

22 апреля

О.Савич пишет В.Лидину:

Эренбург и я издаем на 4 языках (французском, немецком, итальянском и русском) книгу — Русские писатели о Европе, от Карамзина до наших дней. Здесь трудно достать все, что надо, особливо же современников. По сему вот какие просьбы: прислать во 1) по адресу Эренбурга все, что написали Вы ("Сквозняк", здесь нет, "Искатели", статьи) и во 2) взять и тоже прислать все, что написали Вс.Иванов, Леонов и Катаев, если у них есть что бы то ни было. Поймите, это пахнет славой.

Копия, СФ.

Антология "Мы и они" возникла из–за безденежья. Придумал собрать высказывания французов о России и русских о Франции, конечно, Эренбург. Уговорить Савича ему никогда не стоило труда. Решили, что трудиться будем вчетвером — Эренбурги и мы с О.Г.

Работа предстояла большая. Составили список книг, которые надо было перечитать, и начали делать выписки. Наша двухкомнатная квартира была вся завалена книгами и листами с выписками. На столе, на полу, на диване — всюду лежали книги. Когда Эренбурги пришли и увидели, что у нас творится, И.Г. обвел рукой вокруг и сказал назидательно: “Видите, как надо работать!”

Савич А.Я. Минувшее проходит предо мною.
Рукопись, СФ.

27 апреля

И.Э. пишет В.Лидину:

Давно я ничего от Вас не слыхал <...> Я все еще работаю, хотя неизвестно зачем. У нас меня не печатают. Нет ни любви, ни денег. Года не проходит и все начинает основательно надоедать. Выстрел Маяковского я пережил очень тяжело, даже вне вопроса о нем. Помните наш разговор в “кружке” о судьбе нашего поколения? Ну вот. Напишите хоть Вы что–нибудь утешительное <...>

Осенью “Федерация” хотела издать мои книги (речь идет о трех: “Заговор равных”, “10 л.с.”, “Виза времени” — путевые очерки). Тогда ЗиФ восстал и заявил свои права. Прав у них никаких не было. Я написал Ионову. Он тотчас же ответил весьма приветливо, что они, мол, и освободят, если я настаиваю, но очень просят отдать им. Назвал условия. Я согласился. После этого они онемели. Как–то месяца три тому назад я вдруг получил телеграмму, подписанную неким Свистуновым: “высылаю договор”. Ничего я не получил. Договор не подписан. Книги не выходят. Мне это очень обидно. Ведь “Заговор равных” написан ДВА года тому назад, а “10 л.с.” ГОД тому назад. В “Красной нови” печатались только отрывки, вернее сказать, обрывки.

Апрель

И.Э. получает от лондонского Пен–клуба приглашение посетить Англию:

Этой весной я получил от лондонского Пен–клуба любезное приглашение. В повестке, которая рассылалась всем членам, было указано, что такого–то числа состоится очередной обед,

под председательством Голсуорси. Вслед за этим весьма обстоятельно описывалось, какой костюм наиболее приличествует трапезе. Горячо рекомендовался смокинг. После трактата о костюме шла короткая справка о том, чем примечателен приглашенный гость.

Эренбург И.
Англия. Собр.соч. Т.4. М., 1991. С.276.

6 мая

И.Э. пишет Н.Никитину:

Мы составляем нечто вроде лит.монтажа: русские писатели о Франции <...>, о Германии и т.д. От Фонвизина до наших дней. Из присланной Вами статьи беру немало. <...> Я кончаю книгу "Единый фронт". Прочтете ли Вы ее и в каком виде, не знаю. Ведь до сих пор у нас не вышли ни "Заговор равных", ни "10 л.с.", так что и о них можете Вы судить по лохмотьям "Красной нови" (примерно половина текста). Все это печально и достаточно несправедливо, но скромным быть нам полагается, так же и привыкнуть к условностям "справедливости" и многого иного.

Вопросы литературы., 1997. №2. С.255–256.

16 мая

И.Э. пишет В.Лидину:

Я до сих пор не получил от Вас материал для нашего с Савой лит. монтажа <...>Над чем Вы сейчас работаете? Мне порядком все надоело. Хоть бы Вы приехали!

22 мая

Парижская газета "Последние новости" публикует рецензию Г.Адамовича на книгу И.Э. "Виза времени":

Новая книга Эренбурга "Виза времени" со всех точек зрения лучше большинства последних его сочинений и ни в какое сравнение не может идти с его претенциозно–плоскими романами и полу романами вроде "10 л.с.". Но главное ее преимущество в том, что это — путевые записи, т.е. в ней фактическая основа.

Эренбург рассказывает о том, что он видел в Европе, измененной и потрясенной недавней войной, — и рассказывает он чрезвычайно интересно. Часто приходится слышать упреки в несправедливом, предвзятом отношении здешней критики к Эренбургу. Воспользуемся случаем эту легенду опровергнуть. Эренбург человек бесспорно умный и даровитый. Это не вполне творческая натура, но чисто–теоретическая, — в том смысле, что в области воображения, предоставленный сам себе, он слабеет. Он не поэт и не романист, конечно. Но “эссеист”, критик, путешественник, наблюдатель он своеобразный и тонкий. Если бы он свой ум и свою тонкость меньше показывал, меньше навязывал читателю, было бы лучше. Но это — дело вкуса и такта, свойств, которых у Эренбурга меньше всего <...>

Говорят, путевые заметки должны быть таковы, чтобы читателю захотелось самому описанную страну посмотреть. Этой цели Эренбург достиг.

31 мая

Парижская газета “Le nouvelle litteraire” публикует заметку А.Левинсона, посвященную самоубийству В.Маяковского.

Когда пришло известие о трагической смерти Маяковского, Андрей Левинсон напечатал в газете “Ле нувель литтерер” отвратительную клеветническую заметку. Вместе с несколькими французскими писателями я составил письмо в редакцию этой газеты, выражавшее наше негодование. Под письмом подписались все пристойные писатели Франции самых различных воззрений; не помню, чтобы кто–нибудь отказался поставить свою подпись. Я отнес письмо редактору Морису Мартен дю Гару. Редактор спокойно прочитал чрезвычайно резкое письмо и сказал: “Я попрошу вас сделать одно маленькое изменение”. Я ответил, что текст не может быть смягчен. “Я этого и не прошу, но, может быть, вы прибавите во фразе “мы возмущены тем, что литературная газета” два слова — “самая крупная литературная газета”. Он соглашался получить пощечину, но просил отметить, что щека у него большая.

ЛГЖ. Т.1. С.266–267.

В архиве Пикассо сохранилось написанное от руки по-французски письмо, под которым И.Э. собирал подписи деятелей французской культуры:

31 мая 1930 г. "Ле нувель литтерер" напечатала против Маяковского статью, которая называется "Поэзия в Советском Союзе. Самоубийство Маяковского" (6–ая стр., колонка 1–2–3). Не желая приводить досадные ошибки этой статьи, настаиваем на том, чтобы невзирая на политические мнения был опубликован протест против оскорбления, которое она наносит памяти великого поэта. Подписавшиеся под этим письмом удивлены, что крупная французская литературная газета находит возможным напечатать такое. По поручению Эренбург, Ларионов, Альтман и Фотинский.

Париж. Музей Пикассо, рукописный фонд. (Перевод И.И.Эренбург).

5 июня

И.Э. узнает о самоубийстве художника Жюля Паскина:

Вечером в "Куполь" вбежал Фотинский, едва выговорил: "Паскин... Никто не знал ... На четвертый день взломали дверь..."

ЛГЖ. Т.1. С.519.

7 июня

И.Э. присутствует на похоронах Ж.Паскина в Париже:

Хоронили его далеко — на кладбище Сен–Уэн; за гробом шли знаменитые художники, писатели, натурщицы, бродячие музыканты, проститутки, нищие. Потом гуськом мы проходили мимо могилы, и каждый кидал на гроб ослепительный летний цветок.

ЛГЖ. Т.1. С.519.

13 июня

Газета "Ле нувель литтерер" публикует сообщение:

31 мая в "Нувель литтерер" появилась статья о русском поэте Маяковском, покончившем самоубийством. Эта статья вызвала протест, который приводится ниже.

Во всяком случае мы должны указать, что Андрей Левинсон (автор статьи) много лет заведует рубрикой "Этюд этранжер" и редак-

ция “Нувель литтерер” не считала себя вправе подвергать его статью особой цензуре”. Поэтому мы переслали полученный нами протест Андрею Левинсону, которому он адресован”. Текст письма–протеста следующий: “В “Нувель литтерэр” от 31–го мая была напечатана статья под заглавием “Поэзия в советской России”, направленная против поэта Маяковского.

Не желая указывать на те досадные ошибки, которые эта статья содержит, подписавшие эти строки — вне зависимости от их политических суждений — объединились в протесте против оскорбления великого русского поэта.

Нижеподписавшихся удивляет, что одна из больших французских литературных газет сочла возможным напечатать пасквиль, который для его автора был только поводом, чтобы излить свою злобу русского эмигранта”.

Подписано это письмо: Ю.Анненковым, Н.Альтманом, Шолом–Ашем, Ильей Эренбургом, С.Фотинским, Иваном Голлем, Н.Гончаровой, Артуром Голитчером, Р.Яхниной, Л. Козинцевой, М. Ларионовым, Бернаром Лекажем, М.Матвеевым, Е.Маковской, О.Савичем, Эльзой Триоле, И.Зданевичем, Георгием Питоевым, Людмилой Питоевой, К.Терешковичем и другими.

На этот протест А.Я.Левинсон в письме на имя главного редактора “Нувель литтерер” ответил с большим достоинством:

“Будучи убежденным сторонником свободы дискуссии, я могу только просить вас опубликовать заявление, которое вы мне переслали. Правда, меня несколько удивило число лиц, настолько осведомленных о фактах, относящихся к Маяковскому, что они могут авторитетно заявлять о моих “досадных ошибках” и судить о моих интимных мотивах.

К моему крайнему сожалению, я не могу ничего изменить в моей статье. Что касается русских, подписавших это письмо, большевиков или сочувствующих, но предпочитающих, как и я, жить в Париже, то я должен им заметить, что моя мнимая “эмигрантская злоба” странным образом ослабляется широким гостеприимством, какое оказывает изгнанным Франция, страна свободная, где охранена независимость писателя, — его высшее достояние. Опираясь на свидетельство читателей “Нувель литтерер”, я могу напомнить, что

многократно я их знакомил и давал возможность оценить — с этой достойной трибуны — таланты, так называемых советских писателей, проживающих в России, хорошо понимая, какой отпечаток накладывает на их творчество, а иногда на их характеры, уничтожение советским режимом всякой свободы мысли и слова.

Не принадлежа ни к какой политической партии, я считаю, что стремление к истине, человеческой и литературной, является моим правом и долгом писателя. И даже попытки нападения, вроде той, какая произошла недавно на моей квартире в результате статьи о Маяковском, не остановят меня".

Париж. Последние новости., 1930, 14 июня.

"Нувель Литтерер" — литературная газета во Франции. В ней специальную рубрику ведет Андрей Левинсон <...> Когда появилась его статья о Маяковском и смерти Маяковского, то нам удалось собрать подписи под протестом, на мой взгляд, всего лучшего, что было во французской литературе и искусстве в это время. Люди, политически с нами никак не связанные, например, Пикассо, подписывались под этим протестом, где было сказано, что такая статья может быть продиктована только злобой эмигрантов. Но Левинсон остался. Эту газету я объявил под бойкотом советской литературы, и всех приезжающих советских писателей я уговаривал воздержаться от того, чтобы давать интервью в эту газету.

Эренбург И. Выступление на вечере в Оргкомитете Союза писателей 5 сентября 1932. Стенограмма. ИМЛИ. Ф.146. Оп.1. №5.

17–24 июня

Гастроли театра Вс.Мейерхольда в Париже в помещении театра Монпарнас ("Ревизор", "Лес", "Великодушный рогоносец"):

Эренбург вспоминал, что еще до приезда театра в Париж, газеты сообщали об успехах его гастролей в Германии. <...>"Я помогал Мейерхольду собирать прессу <...> "Ревизора" я увидел в 1930 г., на Монпарнасе, в Париже, в маленьком обшарпанном театрике. Гастролям ГосТИМа я обрадовался. Но на "Ревизора" шел, испытывая тревогу, — у каждого своя влюбленность в Гоголя".

Руднева Л. Театр., 1989. №1. С.111.

Я увидел мейерхольдовского “Ревизора”. Это было в небольшом театре на улице Гете, где обычно показывали жителям окраины вздорные водевили или раздирающие душу мелодрамы, с тесной и неудобной сценой, без фойе (в антрактах зрители выходили на улицу), словом, в помещении скорее мизерном. “Ревизор” меня потряс. Я успел давно охладеть к эстетическим увлечениям молодости и боялся идти на спектакль — слишком ревниво любил Гоголя. И вот я увидел на сцене все то, чем меня притягивал Гоголь: щемящую тоску художника и зрелище неизбывной, жестокой пошлости <...>.

В Париже на спектакле были по большей части французы — режиссеры, актеры, любители театра, писатели, художники, это напоминало смотр знаменитостей. Вот Луи Жуве, вот Пикассо, вот Дюллен, вот Кокто, вот Бати. И когда спектакль кончился, эти люди, казалось бы объевшиеся искусством, привыкшие дозировать свои одобрения, встали и устроили овацию, какой я в Париже не видел.

Я пробрался на сцену. В маленькой артистической уборной стоял взволнованный Всеволод Эмильевич. Еще белее стали волосы, длиннее нос. Семь лет прошло. Я сказал, что не мог вытерпеть, пришел поблагодарить. Он крепко обнял меня.

ЛГЖ. Т.1. С.333, 334.

Эренбург говорил неторопливо, с паузами, приближая к нам ушедшую пору: “Помню взбудораженного Пабло Пикассо. Он бросился благодарить Льва Свердлина, русского Санчо Пансу — Аркашку Счастливцева. Удивлялся “полету” русской влюбленной девушки Аксюши — Райх. Радовался: Мейерхольд распахнул в “Лесе” сцену — возник невидимый сценический простор.”

Илья Григорьевич рассказывал, как с Мейерхольдом и Райх, едва у них вырывались свободные часы, бродили по Парижу. Заглядывали к художникам, в “Ротонду”, в погребки. <...> “Я помню их голоса, — говорил Эренбург, — шутки. Счастливый смех Зинаиды Николаевны. Она была чутка, непосредственна, дорожила каждой минутой радости и умела ею делиться. Иногда мы на ходу что-то импровизировали, читали друг другу стихи, добравшись до уютного тихого места. Маяковского возвращали стихом, просили меня читать свое.”

Эренбург говорил мне о своей тревоге за них — Мейерхольдов — в ту пору, в начале лета 1930–го: "В Париже неслыханный успех и умолчание у нас. Тогда же они наперебой, увлеченно читали мне "Самоубийцу" Эрдмана. Всеволод Эмильевич надеялся отстоять пьесу, поставить. Райх относилась к тексту ее, как к стихам, многое помнила наизусть и как–то заметила: "Бездна ассоциаций, неожиданных, — такие повороты высвечиваются".

Руднева Л. Театр., 1989. №1. С.111–112.

— И.Э. пишет Вс.Мейерхольду:

Дорогой Всеволод Эмильевич, к Вам нельзя дозвониться. Очень хотим увидеться. Свободны ли Вы в субботу вечером или в воскресенье. Пообедаем.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.2667. Л.5.

Июнь

И.Э. заканчивает роман "Единый фронт" и отправляет рукопись в московское издательство "Федерация", а также берлинскому издательству "Петрополис".

— И.Э. и О.Савич завершают работу над книгой "Мы и они" и передают рукопись в те же издательства.

— О.Савич пишет В.Лидину:

Пока лето для всех нас неопределенно. У Эренбургов есть большие планы , но нет денег. Последнего нет и у нас, но и планов, впрочем <...> Франция готова. Получился памфлет.

Копия, СФ.

— Эренбурги и Савичи во второй половине июня отправляются отдохнуть в Бретань и устраиваются в поселке Кемперли невдалеке от столицы Бретани Кемпера. К ним присоединяются Р.О.Якобсон с женой и В.Г.Лидин.

13 июля

Парижская газета "Последние новости" сообщает:

Во вчерашнем номере "Нувель литтерэр" помещено следующее письмо в редакцию:

"В одном из недавних номеров "Нувель литтерэр" было напечатано письмо группы литераторов и художников по поводу статьи Андрея Левинсона о Маяковском. Письмо это содержало протест против А.Левинсона, который будто бы оскорбил "великого русского поэта".

Мы, нижеподписавшиеся русские писатели, просим напечатать следующее:

Статья о Маяковском, появившаяся в "Нувель литтерэр", принадлежит перу критика, в высшей степени уважаемого и хорошо знающего русскую литературу. Написанное известным писателем и напечатанное в таком литературном издании, как ваше, оно ни в коем случае не может быть оскорблением.

Каковы бы ни были возможные нюансы в оценке поэтического таланта Маяковского, мы, русские писатели, лучше, чем иностранцы, знакомые с нынешним положением нашей литературы, утверждаем, что Маяковский никогда не был великим русским поэтом, а исключительно сочинителем официальных стихов, служащих коммунистической партии и правительству СССР.

Мы выражаем нашу глубокую симпатию Андрею Левинсону, который стал объектом несправедливой критики в печати и жертвой грубого нападения одного французского писателя. Мы желаем А.Левинсону с успехом продолжать свою полезную и просветительную деятельность"

Письмо подписали: Г.Адамович, М.Алданов, Н.Берберова, И.Бунин, З.Гиппиус, В.Ходасевич, А.Куприн, Д.Мережковский, К.Мочульский, В.Сирин, Н.Тэффи, Б.Зайцев, проф. Н.Кульман, А.Карташов, Г.Песков.

Июль

Эренбурги уезжают в Англию:

Летом 1930 г., оказавшись в Лондоне по приглашению Пен–клуба, я увидел Г.Я.Сокольникова — он был нашим послом. Он приехал в Лондон незадолго до этого: после разрыва дипломатических отношений консерваторами к власти пришли лейбористы и отношения возобновились. Григорий Яковлевич говорил о положении в Англии, о растущем кризисе, о трусости Макдональда. Несколько

дней спустя я пришел к Сокольникову с Любой, увидел его молодую жену; почему–то мы заговорили о собаках. Люба уверяла, что лучше всего скотч–терьеры, и Григорий Яковлевич приветливо улыбался.

ЛГЖ. Т.2. С.163.

Жена Г.Я.Сокольникова вспоминала: В Лондоне Илья Эренбург подсказал мне, какой породы купить себе пса. По его совету, мы приобрели шотландского терьера Булдса, или Бульку.

Серебрякова Г.
О других и о себе. М.: Сов писатель., 1971. С.394.

— И.Э. совершает поездку в Манчестер — центр текстильной промышленности Англии:

Куда вы едете из Лондона? — спрашивали меня затворники Пен–клуба. Я отвечал: в Манчестер. Тогда по лицам, нежным и отвлеченным, как бы сделанным одним из прерафаэлитов, проходила легкая тень недоумения. Что интересного в Манчестере? Это грязный и скучный город: там нет ни древностей, ни музеев, ни изысканного общества, ни морских закатов. Затворники никогда не были ни в Манчестере, ни в Глазго. Они не были даже в восточных кварталах Лондона...

Эренбург И. Англия. Собр.соч. Т.4. М., 1991. С.278.

— И.Э. совершает поездку в Южный Уэльс, центры угледобычи — Кардифф и Суонси.

26 июля

И.Э. пишет Е.Полонской:

Твое письмо переслали мне в Англию. Я вернусь в Париж только через месяц <...> В Англии все мало похоже на общечеловеческое, кое– что почтенно, кое–что противно. Страна невеселая, но в общем собакам и джентльменам здесь живется неплохо. Видел Чемберлена и прочие достопримечательности. Очень мне обидно, что не могу переслать тебе мои последние книги в человеческом виде (“Заговор равных” и “10 л.с.”). Кончил “Единый фронт”.

СФ.

Июль

В №7 журнала "Красная новь" завершается публикация очерков И.Э. "Север".

Август

Эренбурги приезжают в Германию, празднующую вывод французских войск из прирейнской области:

Французы ушли. Здесь нет никакой романтики. Но рейнские патриоты хотят во что бы то ни стало поэзии. Они наспех скроили тысячи флагов. Они даже учинили маленький погром, маленький, но добросовестный. <...> Гитлеровцев поддерживают невидимые и неназываемые. В своих листовках гитлеровцы шельмуют богачей и спекулянтов. Они намекают, что русские не прогадали. Но, конечно, Германия не Россия! У нас свои враги: французы; свои предатели: евреи. Мы за революцию, но нашу немецкую революцию! Еще год тому назад вся Германия зачитывалась романами Ремарка и Ренна <...> Но страсти сильнее воспоминаний <...> Они давно уже не могут жить. Они могут только умирать с голоду и бесноваться.

Эренбург И. "Германия. Август 1930". Виза времени.
Л., 1933. С.400, 402, 404.

24 августа

И.Э. пишет из Парижа М.Слонимскому:

Простите, что отвечаю с таким опозданием: все время "передвигался" — был в Англии и в Германии. Савич давно уже переслал мне Ваше письмо, но не было ни часа покойного. Спасибо за память и за предложение. Попробую наладить работу с Вашей "Стройкой". Очень мне трудно это: "Красная новь" вот печатает мою "Скандинавию", но не только режет, что еще полбеды, а добавляет, вставляет фразы, расставляет абзацы и пр. Беда! Сейчас вот сажусь за работу и мои очерки об Англии пошлю Вам. Предлагаю 8 очерков: Лондон, Доки, обед Пэн-клуба, день образцового Джентльмена, Кембридж, Манчестер, Уэлс, Шахты Сванси. Пришлите мне журнал.

27 августа

Вс.Мейерхольд пишет И.Э.:

Милый Эренбург. Вчера только, после долгих усилий, узнал я Ваш адрес. Сегодня спешу установить с Вами контакт. Дело у меня к Вам.

Необходимо, дорогой друг, чтобы Вы, не откладывая этого дела в долгий ящик, вот сейчас же, как только получите это мое письмо, засели за письменный стол и написали "корреспонденцию" в Литературную газету о наших парижских гастролях, а, главное, о том, что в результате блестящего успеха наш театр получил приглашение в Сев.Америку. Все это спешно надо рассказать москвичам потому, что чиновники из Главискусства опять, как перед парижскими гастролями и как в 1926 г. <...> стремятся не пустить труппу в Америку.<...>

Враги не дремлют. Много есть в Москве людей, которым театр Мейерхольда бельмо на глазу.

РГАЛИ. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.857. Л.2–4.

28 августа

Парижская газета "Последние новости" сообщает:

В берлинском издательстве "Петрополис" вскоре выйдут: — второй том романа Алексея Толстого "Петр 1" и новый роман И.Эренбурга "Единый фронт".

23 сентября

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Посылаю Вам для газеты две первые статьи из цикла "Англия". Печатать раздельно я их не хочу, так как они связаны. За ними должны последовать еще четыре. Если статьи не подходят по характеру или по размеру для газеты <...>, перешлите их от моего имени в "Красную новь" — я там все время печатаю путевые очерки, сейчас же ищу другого места, так как они непомерно рьяно искажают текст.

Начало октября

И.Э. встречается с Федором Раскольниковым:

В октябре 1930 г. мы с Федей <...> из Берлина поехали в Париж. <...> Виделись и с Эренбургом. Федя хорошо знал его и всегда старался напечатать его писания в советских журналах. В те годы Эренбург был в немилости в партийно–литературных кругах Москвы. Ему не прощали явное стремление жить в Париже, а не в Москве. Эренбург откровенно говорил Раскольникову, что он ездил бы чаще в Москву, но всякий раз боялся, что его не выпустят за границу. Он водил нас в маленькие кабачки на Монпарнасе. Однажды он предложил показать нам Париж и повел нас в какие–то жуткие трущобы. Он с таким волнением описывал нам нищету и несчастную жизнь обитателей этих углов, что я уронила слезу. Потом мы с Федей спрашивали себя, с какой целью он разыграл эту комедию, так как ни раньше, ни позже мы никогда не видели, чтобы его трогали несчастья парижских трущоб. Но Париж он, конечно, страстно любил.

Канивез М. Моя жизнь с Раскольниковым.
Минувшее. №7. М., Феникс. 1992. С.77.

16 октября

Парижские “Последние новости” сообщают о поступлении в редакцию для отзыва выпущенного издательством “Петрополис” романа И.Э. “Единый фронт”.

3 ноября

Писатель Н.Огнев пишет для издательства “Федерация” внутреннюю рецензию на роман И.Э. “Единый фронт”: Роман написан на тему конкуренции на мировом рынке советских и скандинавских спичек. Тема, как будто, злободневная, роман помечен 1930 г., но по окончании чтения остается впечатление никчемности, пустоты, скуки. Главным действующим лицом Эренбург наметил Свена Ольсона, главу мирового спичечного треста, но на эренбурговских страницах этот миллионер превращается в страдающего чеховского героя. Противником Ольсона (идеологическим) является Иван Михайлов, родной брат вредителя– эмигранта, но Эренбург показывает какого–то запоздалого сменовеховца, и читателю становится тошно, несмотря на сладенькую эренбурговскую водицу. Ряд вто-

ростепенных персонажей тоже не вызывает к себе доверия. Несмотря на бойкость стиля, роман читается с трудом и вряд ли представит интерес для советского читателя. Предлагаю отклонить.

РГАЛИ. Ф.625. Оп.1. Ед.хр.137. Л.43.

20 ноября

И.Э. получает письмо от В.Лидина с просьбой содействовать изданию во Франции его очерков о рыбаках Бретани.

21 ноября

И.Э. пишет из Парижа В.Лидину:

Переговорил касательно рыбацких очерков. Обещали дать окончательный ответ в ближайшие дни <...> “ЗиФ” подписал 5 мая со мной договор на “Визу времени” и “10 л.с.”. Выясните, когда выйдут эти книги и почему они мне не отвечают. Далее — с ними же: о “Заговоре равных”. Отказываются ли они от последней книги, если отказываются, прошу подтвердить письменно, так как в свое время книгу хотела взять “Федерация”. Далее — в “Федерацию” я послал две рукописи: “Единый фронт” и “Мы и они” — последняя литмонтаж русские писатели о Франции. Ответа не получил. Выясните, берут ли они книги.

— И.Э. пишет Е.Полонской:

У меня обидное для писателя положение — я пишу ... для переводов. <...> Если видишь Слонимского, спроси его, почему он мне не отвечает. Он просил у меня очерки, я послал ему шесть статей об Англии. Засим он замолк и пропал. Печально.

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Смилостивитесь и ответьте, что с моими статьями об Англии? Вопрошаю в третий раз.

29 ноября

И.Э. пишет В.Лидину:

Я получил от “Федерации” рукопись “Единого фронта”. Печально, но факт. Так что эта часть просьбы отпадает. Зато вдвойне восстает другая: выяснить с “ЗиФом”, почему они не печатают “10 л.с.”

и “Визы”. Вы сами знаете, как для меня сейчас важно, чтобы мои книги вышли наконец–то в оригинале.

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Я получил телеграмму от Чагина о том, что английские очерки будут напечатаны в “Звезде”. Очень обрадовался и не знаю, как поблагодарить Вас за Ваши дружеские услуги. Но вот — подл человек! — вместо благодарности обрушиваюсь на Вас с новой просьбой: посылаю Вам рукопись моего нового романа “Единый фронт”. Передайте ее, пожалуйста, тому же Чагину, который, судя по словам Груздева, стоит во главе издательства. Вряд ли надо Вам говорить, как для меня важно, чтобы, наконец, какая–то из моих книг вышла в оригинале. Пойду, скрепя сердце, на купюры.

Ноябрь

Эренбурги снимают квартиру на улице Котантен в районе вокзала Монпарнас:

Люба сняла маленькую квартиру на улице Котантен. Квартира была на первом этаже, и два наших пса не должны были проходить мимо консьержки, а хитрец Бузу научился выпрыгивать один на улицу. Мы перед этим пошли в воскресенье на улицу Котантен и восхищались тишиной. А переехав, мы ужаснулись: ночью да и рано утром по улице непрерывной цепью двигались грузовики: везли с товарной станции Вожирар, где я в годы войны работал, бидоны с молоком. Впрочем, люди ко всему привыкают, и вскоре мы не слышали ни грохота, ни звона.

ЛГЖ. Т.1. С.541.

Улица Котантен, 34 — последний парижский адрес Ильи Эренбурга; здесь он прожил 10 лет, здесь бывали у него самые знаменитые левые писатели и художники Парижа, здесь застала его гитлеровская оккупация...

• Улица Котантен не широкая и сравнительно короткая (37 домов). Она начинается от вокзала Монпарнас и идет под 45 градусов к бульвару Пастера до улицы Falguerre. Зелени на ней нет, если не считать маленького скверика с дивными розами и теннисными кортами на углу улицы Арморик. Сегодня от старой

улицы Котантен остался лишь один трехэтажный дом на четной стороне; перестройка началась в конце 20–х г., когда было построено несколько высоких зданий в конце улицы; они — свидетели тех времен, когда здесь жил Эренбург.

Дом №34 был построен архитектором А.Лерпинье либо в самом конце 20–х г., либо в 1930–м. (На соседнем №32 указан год постройки 1930). Дом 34 — восьмиэтажный (два последние этажа — мансардные), довольно широкий — в семь окон; с двумя симметричными эркерами без боковых окон, с балконами по 6–му этажу. Окна первого этажа расположены низко (на них ставни). Дом — в стиле парижской застройки тех лет, добротный, с удобными квартирами (газ и мусоропровод тогда были редкостью в Париже).

Летом 1932 г. знаменитый парижский фотограф Андре Кертеш снимал Эренбургов у них дома; фрагменты интерьера, запечатленные им, кажется, — единственное сохранившееся изображение эренбурговской квартиры. Большая гостиная — у распахнутого и зашторенного на уровне нижней половины окна кресла и стол, накрытый к утреннему кофе (обедали и ужинали Эренбурги всегда в ресторане). На стенах — расписные тарелки, картины, словацкие иконы на зеркалах. Всю перпендикулярную к окну стену занимают две высокие двухстворчатые застекленные белые двери. За одной из них — кабинет Эренбурга. В нем вдоль стены невысокие открытые, без стекол книжные шкафы; они плотно заставлены книгами. Параллельно шкафам большой письменный стол, сплошь заваленный бумагами и книгами. Над книжными полками — картины, а под самым потолком на специальных досках вдоль всей стены укреплены в произвольном порядке трубки — огромная, уникальная и, увы, не сохранившаяся коллекция Эренбурга ...

В этом же доме жили друзья Эренбургов — директор Северного банка Шарль Ильсум и его жена художница Люс, а в доме неподалеку — И.Е.Путерман, журналист, издатель, библиофил, неизменный спутник Эренбургов по злачным местам Монпарнаса ...

Сейчас на окнах бывшей эренбурговской квартиры красуется вывеска: "Francoise Millas. Pedicure. Podologue" (впрочем, на доме 32 такая же вывеска, видимо улица Котантен специализируется теперь на педикюре).

Фрезинский Б. Парижские адреса Ильи Эренбурга. Рукопись (СФ.).

— И.Э. пишет Ж.Р.Блоку:

Ваше письмо меня очень растрогало. Редко бывает, чтобы писатель, особенно иностранный, так отозвался о книге собрата по перу*. <...> Если будете в Париже, приходите ко мне. Нам есть о чем поговорить. Я послал Вам "Проточный" и "Бабефа". Первый роман плохо переведен. У меня нет ни одного экземпляра "Рвача", который вышел в NRF. Я хочу их попросить Вам послать, когда они допечатают. Т.к. Вы не читаете "Нувель литтерер", Вы не знаете, как были приняты "10 л.с.". Полное молчание в газетах о выходе книги. Грустно, но логично. Спасибо за книги.

Париж. Архив Центра Ж.Р.Блока., д.246 (перевод И.И.Эренбург).

3 декабря

И.Э. пишет Е.Полонской:

Книги Мишель распроданы, однако "Коммуну" мне обещали достать в течение этой недели и я тогда тебе тот час же вышлю <...> Сегодня получил ответ от Слонимского. Я ему послал рукопись моего нового романа "Единый фронт".

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Большое спасибо за устройство очерков. Я послал Вам третьего дня рукопись романа "Единый фронт", забракованного "Федерацией". Одна надежда: может быть можно пристроить в Ленинграде.

11 декабря

В.Г.Лидин посылает из Москвы Эренбургам в Париж свою книгу "Путина" ("Федерация", 1930) с надписью: "Дорогой

* "10 л.с."

Розе* в память ее любви к рыбам (например, La Sole du Grand Prienre или La Truite Soumonee en gelee**), а так же Моне*, ее мужу — любя В.Лидин".

СФ

17 декабря

И.Э. посылает Е.Полонской по ее просьбе книгу Луизы Мишель "Коммуна".

— И.Э. пишет В.Лидину:

Спасибо за письмо и за демарш. Раскольников мне тоже написал из Ревеля, что книги приняты и что он пишет предисловия <...> Статьи об Англии приняла "Звезда". Почему "Федерация" отказалась от "Единого фронта" и что мне с последним делать? <...> В Париже без перемен. Пал кабинет и Малик научился делать пируэты. Бузу*** как всегда сражается со всеми кобелями Монпарнаса, чего нельзя сказать хотя бы о Саве.

18 декабря

В парижских "Последних новостях" — рецензия Г.Адамовича на роман И.Э. "Единый фронт":

Эренбурга сейчас читают много, с усердием, с удовольствием. Он все–таки талантливее своего духовного отца Боборыкина <...> Эренбург не реалист, а сатирик. Поэтому он сгущает краски. Один только московский посол, тов. Карнаухов, герой добродетельный. Остальные персонажи — тупицы, проходимцы, воры, развратники, наглецы, как и подобает быть империалистам. Книга лишена последовательной фабулы. Она вся состоит из отдельных "зарисовок", иллюстрирующих подготовки противосоветского единого фронта.<...> Главная вина Эренбурга та, что он лжет самому себе: он притворяется ограниченным и тривиальным наблюдателем, не будучи им. Кто написал главу о старом журналисте Левале, не может не понимать пустоты или фальши остальных глав "Единого фронта".

---

* Лидинские прозвища Эренбургов.

** Форель семужная в желе.

* ** Малик и Бузу — собаки И.Э.

В течение года

В издательстве “Петрополис” без указания года вышел сборник статей и очерков И.Э. “Виза времени”.

— В берлинском издательстве “Malik” под названием “Жизнь автомобиля” вышел немецкий перевод книги И.Э. “10 л.с.” в оформлении Джона Хартфильда. В оформлении того художника издательство “Malik” выпустило также немецкий перевод “13 трубок”. В издательстве “Le Revues” в переводе М.Этар вышла книга “10 л.с.” (оформление Дж. Хартфильда).

— В журнале “Эроп” (№89) помещена рецензия на французский перевод романа И.Э. “Заговор равных”, который вышел в издательстве N.R.F. под названием “Жизнь Гракха Бабефа”.

— Кроме упомянутых выше в течение 1930 г. И.Э. были подарены книги, сохранившиеся у И.И.Эренбург:

Пьер Мак–Орлан “Легионеры”; надпись: “Илье Эренбургу его друг. П.Мак–Орлан. 1930”.

Ж.Р.Блок “И Ко”; надпись: “Илье Эренбургу — у меня с ним духовное сродство, а кроме того, сумма общих воспоминаний уже немалая. Его старый друг Ж.Р.Блок”

Ж.Р.Блок “Дар музыке”; надпись: “Илье Эренбургу, которым я восхищаюсь и которого очень люблю. Ж.Р.Блок Пуатье. 1930”.

Массимо Бонтемпели французский перевод книги “Сын двух матерей”; надпись: “Илье Эренбургу его друг Массимо”.

31 декабря

Новый 1931 г. мы встречали в Берлине. Из Праги ждали Романа Якобсона; пригласили и профессора А.С.Ященко. Совершенно неожиданно И.Г. заболел и стало ясно, что они с Л.М. не смогут двинуться из Парижа. <...> Тридцатого неожиданно пришла телеграмма: Venous tout, de meme (А все–таки мы едем). 31–го, часа в 4, когда все мы крутились по дому и, конечно же, были еще не готовы, появились Эренбурги: Л.М., в вечернем платье, ярко накрашенная для электрического освещения, и И.Г. в смокинге. Им было скучно сидеть в гостинице и они пришли не дожидаясь вечера. К встрече Нового года была закуплена

масса разнообразных бумажных шапочек. И.Г. выбрал себе красный цилиндр, он выглядел очень нарядно и distinque. Как все было чудесно, весело, шумно, вкусно; много разных напитков. Якобсон разошелся, целуя всех подряд, и стильный И.Г. очень выгодно выделялся на его фоне <...> Кто бы мог себе представить, что ждало Берлин через два года.

Савич А.Я.

Минувшее проходит предо мною. Рукопись. СФ.

1931 год

Начало января

И.Э. — в Берлине:

Так называемая “интеллигенция” мечется, как крыса, облитая керосином <...> “Стальная каска”, “Красный фронт”, “раз–два” гитлеровцев, ячейки коммунистов... События идут куда быстрее, нежели мысли. Умнеть приходится по часам. Еще вчера наци были “погромщиками и бандитами”, сегодня это “здоровое движение германской молодежи”. В кино, где показывали фильм “На западе без перемен”, собрались ревнители республиканского знамени. “Наци” дали битву. Они выпустили в зал сотню белых мышей <...> На собраниях “наци” темно от дыма. Порой не видно лиц — это едкий жестокий дым немецких сигар <...> Револьверы начинают стрелять сами по себе, людям остается повиноваться. Черна и пуста берлинская ночь. Десять лет тому назад еще можно было вскрыть нарыв. Теперь истории придется кромсать на куски прогнившее мясо.

Эренбург И. “Берлин. Январь 1931”. Виза времени.
Л., 1933. С.409–414.

6 января

Ленинградский журнал “Стройка” публикует очерк И.Э. “Палка о двух концах”.

Середина января

Из Берлина И.Э. едет в Прагу, а затем в Женеву, где присутствует на заседании Лиги Наций:

Заседания совета происходят в большом зале. Прежде малокровные барышни здесь танцевали вальс или падекатр <...> За столом

неподвижно сидят 15 чел. — это члены совета. Возле них суетятся секретари и переводчики. В середине зала — журналисты. Здесь своя иерархия: в первом ряду помещаются представители крупных телеграфных агентств, предпочтительно американцы <...> Сегодня — "большой день": немцы спорят с поляками. Все с интересом ждут речи Куртиуса. Бриан порой устало и чуть насмешливо оглядывает танцевальный зал. Взгляд у него тяжелый, печальный — он слишком много видел.

Эренбург И. "Лига наций". Виза времени. Л.,1933. С.393, 396.

25 января

И.Э. возвращается из Женевы в Париж.

— И.Э. пишет В.Лидину:

Я получил письмо от "Федерации" и в ближайшие дни пошлю туда английские очерки. Что с "Единым фронтом"? Мне очень горько, что отечество меня не читает. Раскольников пишет, что ГИХЛ обязательно выпустит "10 л.с." и "Визу времени", так как сей Гихл заказал Раскольникову предисловие к обеим книгам <...> Был в Берлине, в Праге. Мрак. Присутствовал в Женеве на заседании Лиги Наций.

— И.Э. пишет Е.Полонской:

Был в Берлине, в Чехии, в Швейцарии. Европа и мрачна и непонятна. Все ее жесты напоминают жесты тривиального самоубийцы <...> Однако я все еще работаю — иначе нельзя, а если нет под рукой "любовной лодки", то и не тянет на простейший конец. Мне обидно, что ты не могла прочесть моих последних книг, они бы тебе сказали наверное больше обо мне, чем эти нескладные ламентации. Объективно говоря, это попросту ликвидация переходного и заранее обреченного поколения. Но совместить историю с собой, с котлетами, тоской и прочим — дело нелегкое.

СФ.

Январь

Журнал "Звезда" (Л.) в №1 начал публикацию очерков И.Э. "Англия".

— Журнал "Литература мировой революции" (№1) пишет:

Вот неполный список переводов произведений советских писателей на японский язык за последние два года: <...> Эренбург — “Трест Д.Е.”.

— Журнал “Литература мировой революции” (№1. С.119.) сообщает о выходе японского перевода книги И.Э. “Трест Д.Е.”.

6 февраля

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Посылаю Вам еще одну статью. Всего послал помимо “Англии”: 1)”Единый фронт” — роман. 2)”Освобожденный Рейн” — очерк. 3)”В предчувствии конца” — очерк.

12 февраля

Парижские “Последние новости” сообщают о поступлении в редакцию для отзыва книги О.Савича и И.Эренбурга “Мы и они”, выпущенной берлинским издательством “Петрополис”, и публикуют рецензию Р.Словцова на эту книгу:

Такой сборник, как и всякая хрестоматия, отражает взгляды и склонности составителей. Поэтому для действительно верной историко–литературной картины нужен дух ученого, большая степень беспристрастия. Его трудно ждать от составителей книги, один из которых, по крайней мере — И.Эренбург, специализировался на хлестких обличениях “гнилого Запада”. К тому же и метод составления книги — так называемый “монтаж”, столь любимый теперь в советской России, — обнаруживает все свои недостатки <...> В книге — и это вполне естественно — есть ряд отзывов советских авторов. Но, за одним исключением, оставлено то, что говорили о Франции писатели “белой” эмиграции. <...> Кажется, что за первым сборником последуют книги и о других странах Европы. Жаль, если и они будут “монтированы” столь же тенденциозно

15 февраля

Дон Аминадо в газете “Последние новости” публикует фельетон, озаглавленный “Мы и они” с подзаголовком “Монтаж в духе Савича и Эренбурга”.

18 февраля

Берлинская газета “Руль” публикует рецензию на книгу И.Э. и О.Савича “Мы и они”:

Под этим загадочным заглавием авторы преподносят выдержки из отзывов разных русских писателей о Франции. По какому признаку составители подбирали материал — они не сообщают. Цель их работы тем менее понятна, что расположили они материал в хаотическом беспорядке. Приведенные суждения высказаны были на протяжении двух веков, в течение которых Франция менялась и менялись наблюдатели, а составители презрели даже и хронический порядок. Первая часть, например, посвящена Парижу и начинается строкой Тредьяковского. На стр.30 отзыв Волошина разрезан пополам для того, чтобы между двумя половинами вставить цитату из Антона Крайнего и Щедрина, сообщавшего “был на выставке картин — 4 тыс. номеров, совсем теряешься!”.

Среди приведенных цитат есть, конечно, весьма ценные и поучительные, но если найдутся охотники читать этот сборник, то в результате в голове образуется только сумбур.

19 февраля

И.Э. получает письмо от В.Лидина и отвечает ему:

“Единый фронт” я пошлю Вам через диппочту <...> “Федерация” по тупости вернула мне сюда рукопись <...> Английские очерки я послал в “Федерацию”. Если они найдут, что это чересчур мало по объему, я могу добавить: 2 о Германии: “Освобожденный Рейн” и “В предчувствии конца”, 1 о Чехии — “На родине Швейка”, 1 о Швейцарии — “Счастливая страна”, и, наконец, “Лига Наций”. Статьи пройдут раньше через журналы “Звезда”, “Стройка”, “Ленинград” <...> Раскольников предисловие уже послал... Вышла книга “Мы и они” <...> Эмигранты бесятся от злобы. По–французски она выйдет весной. Я готовлюсь к книге о кино — изучаю биографии заатлантических жуликов, балансы компаний и борьбу за патенты. Все это, конечно, ароматно, как старый мерд, но зато занятно.

На этом письме приписка Л.М.Козинцевой–Эренбург: Не знаю, почему брат* не ответил, вероятно занят, т.к. кончает фильм. Пожалуйста, отошлите ему вещи наложенным платежом. Я тут пеку гуаши для двух выставок в Праге и в Берлине. Там у меня появились последователи и ученики!

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Я высылаю сегодня заказной бандеролью рукопись "Единого фронта" на адрес редакции "Звезды" — это самое простое и самое скорое.

Вопросы литературы., 1997. №2. С.250.

25 февраля

Ленинградская "Вечерняя красная газета" публикует очерк И.Э. "В предчувствии конца".

— Берлинская газета "Руль" публикует рецензию на роман И.Э. "Единый фронт":

Социальный заказ Эренбурга заключается в противопоставлении гниющего разлагающегося буржуазного мира расцветающему советскому режиму. Заказ Эренбург, хотя он и очень себе на уме, выполняет с усердием, которое живо напоминает сказочного дурака, разбивающего себе лоб, когда его заставили только Богу молиться <...> Главное внимание автора при описании буржуазного мира уделено изображению половых отношений в различных местах и приспособлений для их осуществления.<...> Свое плотоядное смакование Эренбург еще взбадривает словами и выражениями, которые до сих пор, и в советской литературе, считаются непечатными, а потому мы и не можем привести образцы их. <...> Ознакомившись с этой книгой, начинаешь понимать, какую великую жертву приносит наравне с Максимом sим Эренбург, живя в Париже с привкусом гнили во рту и запахом падали вместо того, чтобы наслаждаться суровой монастырской жизнью в Москве.

---

* Кинорежиссер Г.М.Козинцев.

Февраль

Журнал “Звезда” завершает публикацию очерков И.Э. “Англия”. — И.Э. начинает работу над книгой “Фабрика снов”.

6 марта

Журнал “Стройка” печатает очерк И.Э. “В предчувствии конца”.

16 марта

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Спасибо за весточку. Рад, что статьи Вам понравились <...> Много работаю, пишу “Фабрику снов” — о кино, как “10 л.с.” об автомобиле.

20 марта

Журнал “Стройка” (№8–9) публикует очерк И.Э. о Лиге Наций “Европа не дремлет”.

6 апреля

Журнал “Стройка” (№10) публикует очерк И.Э. “Родина Швейка”.

7 апреля

Андре Жид, прочитав роман И.Э. “Рвач”, записывает в дневнике:

“Рвач” Эренбурга; книга замечательная, подлинной и несомненной новизны: необыкновенный ум и верность подачи...

Жид А. Страницы из дневника 1929–1932. М.: Гослитиздат., 1934. С.92.

9 апреля

И.Э. отвечает на письмо норвежского писателя, редактора “Золотой серии” С.Хеля, попросившего совета, какую книгу И.Э. им стоит издать:

Мне очень трудно решить, что лучше выбрать для Норвегии — я не знаю читателя этой страны. Посылаю Вам список моих книг. Могу лишь сказать, что из всех моих книг я больше всего люблю Хуренито.

Наг М. Илья Эренбург в Норвегии. (Рукопись — СФ).

19 апреля

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Спасибо за письмо и книги. Я не получил ни “Звезды”, ни “Стройки”, ни пр. — не видал ни одной моей статьи напечатанной.<...> Жду с нетерпением известий касательно “Единого фронта”: очень хочу, чтобы этот роман был напечатан у нас.

21 апреля

И.Э. пишет В.Лидину:

Обращаюсь к Вам со слезной просьбой: выясните в ГИХЛе, когда же выйдут мои книги? Раскольников уже давно послал им два предисловия. “10 л.с.” скоро станет историческим трактатом! Я работаю с утра до ночи: кончаю книгу о кино.

30 апреля

Журнал “Стройка” (№12) публикует очерк И.Э. “Счастливая страна”.

Апрель

Журнал “Ленинград” публикует очерк И.Э. “Освобожденный Рейн”.

— И.Э. завершает работу над книгой “Фабрика снов”.

16 мая

И.Э. получает письмо от В.Лидина и отвечает ему:

Напомните в ГИХЛе обо мне. Книги явно маринуют <...> Действительно ли они выйдут в июне? Для меня это очень важно: это ведь первые издания после “Проточного” — перерыв 4 года!

Я только что закончил книгу “Фабрика снов” о киноиндустрии вроде “10 л.с.” Насчет планов — туман. Собираемся в Испанию на 6 недель. Пустят ли и выпустят ли отсюда, еще не ведаю. Хотел бы поехать в начале июня. Не оставляю мысли о скорой поездке к вам. Сава через два дня прибывает сюда с половиной. В Париже все по–старому.

29 мая

И.Э. пишет В.Лидину:

Я послал в “Красную новь” рукопись моей последней книги “Фабрика снов” <...> Вещь кажется климатически бесспорная и занятная. Я хочу съездить в Испанию. Не знаю, удастся ли. Помышляю также о Сибири.

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Спасибо за письмо и за заботы... Посылаю Вам при сем еще одну статью: о колониальной выставке. Дайте ее по Вашему усмотрению. Я ничего не имею против напечатания в журналах отрывков из “Единого фронта”. Но особенно меня интересует выход романа книгой. “Средний проспект”* находится сейчас у издателя. Обещает вскоре дать ответ.

Июнь

Е.Замятин обращается к И.Сталину с просьбой о выезде за границу; в частности он пишет:

Илья Эренбург, оставаясь советским писателем, давно работает, главным образом, для европейской литературы — для переводов на иностранные языки: почему же то, что разрешено Эренбургу, не может быть разрешено мне?

Замятин Е. И. Избранные произведения. Т.2. М.: ИХЛ., 1990. С.408.

— Журнал “Стройка” (№17–18) под заголовком “Каникулы в Бретани” публикует отрывок из романа И.Э. “Единый фронт”.

— Журнал “Красная новь” начинает публикацию книги И.Э. “Фабрика снов”.

---

* Роман М.Слонимского.

28 июля — 6 августа

Рижская газета "Сегодня" ежедневно печатает отрывки из книги И.Э. "Фабрика снов".

Июль

Журнал "Стройка" (№20–21) под заголовком "Цена независимости" публикует отрывок из романа И.Э. "Единый фронт".

10 августа

"Вечерняя Москва" сообщает:

На днях выходит из печати новая книга Ильи Эренбурга "Виза времени". Переведенная на многие языки (до испанского и японского включительно), эта книга представляет из себя художественные путевые очерки. Во вступительной статье Ф.Раскольников дает портрет автора книги, занимающего своеобразное положение в современной русской литературе между попутчиками и необуржуазными писателями.

— Ф.Раскольников пишет в предисловии:

Своими романами из советской жизни <...> Эренбург примыкает к буржуазной литературе. Здесь у нас нет общего языка. Идеология этих произведений нам не только чужда, но и враждебна <...> Другое дело — произведения Эренбурга, посвященные Западной Европе. Тут у нас имеется общая платформа. Мы сходимся с ним в чувствах ненависти к капитализму, в беспощадной критике зол и противоречий капиталистического режима.

13 августа

Рижская газета "Сегодня" после недельного перерыва возобновила публикацию "Фабрики снов", однако обещанного в номере продолжения не последовало.

Август

Журнал "Красная новь" (№8) завершает публикацию книги И.Э. "Фабрика снов".

— Государственное издательство художественной литературы выпустило книгу И.Э. “10 л.с.” с предисловием Ф.Раскольникова:

Эренбург — не диалектик. Он питает большое пристрастие к парадоксам и афоризмам, претендующим на значение абсолютных истин. Читателю предстоит очистить здоровое зерно обличения капитализма от шелухи красивых, но неосновательных парадоксов.

30 августа

“Литературная газета” публикует статью А.Селивановского “Фальшивая виза”:

Он много видел и передумал, этот духовный кочевник с советским паспортом в кармане, бегущий от своей страны, но чувствующий себя повсеместно на чужбине <...> Его профессиональный туризм — не от безделья и не от желания увидеть новое в сегодняшней жизни человечества; передвигаясь в пространстве, он хочет найти пути к передвижению во времени, пути в прошлое или будущее — потому что сегодняшний день истории страшит его и чужд ему <...> Есть ли у нас с Эренбургом общая платформа? Сходимся ли мы с ним в беспощадной критике зол и противоречий капитализма? Не говоря уже о том, что критика Эренбурга происходит с позиций, неприемлемых для нас и враждебных нам (как мы увидим дальше), — Эренбург в основном не столько обнажает противоречия капитализма, сколько затушевывает их <...>

Его критика — бесперспективна, она является какой–то своеобразной разновидностью ремаркизма, поскольку и Ремарк и Эренбург растерянно стоят перед лицом истории, — поскольку и Ремарка и Эренбурга больше всего тревожат в бурях капитализма судьбы ущемленной человеческой личности, <...> В “Визе времени” есть все, кроме ожесточенных схваток классов, — кроме обостренной политической борьбы. Здесь–то Эренбург и надевает маски на действительность, “лакирует” противоречия капиталистической действительности <...>

В руках Эренбурга очерк — острейшее орудие художественного активного реагирования на явления современности — превратился в дневник бесперспективных мыслей, в пассивный сейсмограф со-

бытий, стран, встреч: лучшее предостережение тем, кто у нас любит говорить об авангардной роли очерка в отрыве от вопросов мировоззрения и метода художника. Эренбург обладает фальшивой визой: время ему этой визы не дает.

31 августа

Журнал "Прожектор" (№23–24) публикует очерк И.Э. "Париж". Тот же очерк под заголовком "Экзотические слюнявки" опубликован в августовском выпуске журнала "Стройка" (№22).

10 сентября

Берлинская газета "Руль" перепечатывает стихотворение И.Э. "Молитва о России", написанное в 1917 г., и пишет: Стихотворение это, напечатанное в беженском журнале "Зарницы", принадлежит перу того самого И.Эренбурга, который теперь с этаким усердием лижет сапог палача Сталина.

Середина сентября

И.Э. приезжает в Берлин:

Я говорил с политиками, с журналистами, с фабрикантами. Я не встретил ни одного человека, который верил бы в то, что настоящее положение может продлиться. Путь от самоуверенности к отчаянью проделан быстро <...> Берлин похож на самоубийцу, который, решив перерезать горло бритвой, сначала мылит щеки и тщательно бреется <...> Увидав, что рабочие больше не верят социал–демократическим полицейским, их стали вербовать на роли фашистских погромщиков. Расплата отодвинута, но эта расплата будет сугубо жестокой — история умеет мстить.

Эренбург И. "Берлин. Октябрь 1930".
Виза времени, Собр. соч. Т.4. М., 1991. С.163.

25 сентября

И.Э. пишет М.Слонимскому:

Я до сих пор не получил ни одного номера ни единого журнала, в которых были напечатаны мои вещи! Также ничего

касательно гонорара. Очень прошу Вас устроить все это! Как "Единый фронт"? Может быть его можно протолкнуть купюрами или с каким–либо предисловием? Я сейчас в Берлине, через несколько дней возвращаюсь в Париж. В начале октября — на месяц в Испанию <...> Судя по "Лит.газете" Вы и Тихонов оказались "на другом полюсе попутничества" <...> Как эти ... не понимают, что я всецело с вами? Достаточно проследить путь: "10 л.с." — "Единый фронт" — "Англия" — "Фабрика снов". Об Испании буду писать.

Вопросы литературы.,
1997. №2. С.251–252.

30 сентября

Донесение парижской полиции:

Ничего предосудительного против этого иностранца нет. Люди, посещающие Эренбурга политически благонадежны. Он часто бывает в Куполе, но неизвестно, о чем он там говорит с советскими представителями, живущими в Париже. Частная его жизнь ничего предосудительного не содержит.

Marcou L. "Ilja Ehrenbourg". Paris., 1992. P.96.

Сентябрь

В издательстве "Федерация" вышла книга И.Э. "Англия", оформленная художником П.Харыбиным.

— Журнал "Книга — строителям социализма" (№25) рецензирует книгу И.Э. "Виза времени", а №26–27 — "10 л.с.".

6 октября

Е.В.Пастернак пишет из Берлина в Москву Б.Л.Пастернаку: Здесь уже неделя, как пребывает Эренбург<...>. Если мы получим визу, то уедем в Париж.

Комментарии Е.Б.Пастернака: Разговор шел о поездке в Париж, куда маму тянуло<...> Эренбург приезжал в Берлин и посодействовал в получении визы.

Пастернак Б. Переписка с Евгенией Пастернак.
М., 1998. С.343–344.

13 октября

И.Э. пишет Е.Замятину:

Benjamin Gremink секретарь PEN Club'a твердо обещал мне выслать Вам визу. Сейчас вообще с визами здесь несколько полегчало и я думаю, Вы ее, если уже не получили, то получите в самом ближайшем будущем. Я завтра уезжаю на месяц в Испанию. Приеду в Париж 15 ноября, надеюсь Вас найти уже в Париже!

— И.Э. пишет М.Слонимскому:

Спасибо за письмо. Получил наконец–то номера “Стройки”. Завтра уезжаю в Испанию на месяц.

14 октября

И.Г. и Л.М.Эренбурги начинают путешествие по Испании.

Октябрь — ноябрь

Эренбурги посещают Мадрид, Мурсию, Малагу, Саламанку, Лас–Урдес, Эстрамадуру, Бадахос, Севилью, Толедо, Гренаду, Херес, Кордову, Валенсию, Сагунто, Барселону:

Осенью 1931 г. в моей жизни произошло важное событие: я увидел впервые Испанию. Поездка в эту страну была для меня не одним из многочисленных путешествий, но открытием: она помогла мне многое понять и на многое решиться <...> Я смотрю на маленькую выцветшую фотографию. Винный погреб в местечке Монтилья, недалеко от Кордовы. Толстяк хозяин, Люба, Эрнст Толлер. Был такой веселый, легкий день. Мы долго пили вино в прохладном погребе. Толлер рассказывал забавные истории. А хозяин нам говорил, что на свете нет вина лучше, чем монтилья: “Ведь не случайно в Хересе делают вино амонтильядо, но в Монтилье никому не придет в голову изготовлять ахересаде”. Это звучало убедительно, можно было, кстати, припомнить рассказ Эдгара По о бочке амонтильядо, можно было попробовать еще один сорт монтильи; можно было бы на несколько часов забыть о том, что у нас позади и впереди. Мы не спешили уехать. Толлер говорил: “Из рая не уходят, из рая выгоняют”; и вернулись мы в Кордову поздно ночью.

ЛГЖ. Т.1. С.525, 532.

17 октября

"Литературная газета" публикует статью В.Гольцева о книге И.Э. "Англия":

В дни, когда величайший кризис потрясает "незыблемую" Великобританскую империю, с чувством глубокого недоумения и даже досады прочитываешь и откладываешь в сторону небольшую книжку Ильи Эренбурга, посвященную Англии. Да, времена меняются! Кризис капитализма углубляется во всех странах. Но Эренбург остается таким же, каким был раньше. Он ничего не забыл и ничему не научился <...> Отдельные наблюдения, сравнения и образы Ильи Эренбурга удачны и остры. Но ни встречающиеся кое–где "левые" фразы, ни едкая подчас сатира на буржуазное общество не спасают книги Эренбурга. Она насквозь реакционна и ничего общего не имеет с нашей эпохой. Она свидетельствует о глубоком отрыве писателя от литературного движения советской страны.

25 октября

И.Э. пишет О.Г. и А.Я.Савичам в Париж из Мадрида на бланке "Hotel Restorant Gran Vie":

Дорогие кролики, здесь была засуха. Ноне полил дождь, жнецы возрадовались, а я простудился. Сижу, читаю, кашляю. Завтра все же удерем в Bailen, послезавтра в Толедо, а там окончательно путь из Мадрида. Адрес до 2 ноября Salamanca. Post–Restante*. До 6 ноября Sevilla Post–Restante. Жаль, что вы не с нами.

Был в кортесах. Здесь революция — это литература, адвокаты, клубы и пр. На селе несколько иначе.

СФ.

— Я увидал Мигуэля Унамуно на трибуне кортесов. Он выступал против требований национальных меньшинств. Реакционную политику он защищал цитатами из классической поэзии.

Эренбург И. Испанские репортажи.
М.: АПН., 1986. С.53.

---

* Почтампт, до востребования (франц.).

Октябрь

Журнал “Книга — строителям социализма” (№28) публикует рецензию на книгу И.Э. “Англия”.

13 ноября

Ленинградская “Вечерняя красная газета” помещает рецензию Зел.Штейнмана на книгу И.Э. “Англия”:

Его последняя книга посвящена Англии. Даже если не знаешь, кем она написана, любая страница этой книги выдает ее происхождение с головой. Она родилась в кафе. Она родилась именно здесь, за утренним столиком, когда автор ее, еще не обремененный жирной теплотой послеобеденного благополучия, с иронической улыбкой профессионального космополита рассказывал о своей последней прогулке по островам, которые официально именуются “оплотом мировой империи”, но между нами говоря — населены более забавными чудаками в духе незабвенного Диккенса, чем вершителями мировых судеб <...> И не наша вина в том, что только завсегдатаи парижского кафе сумеют достойно оценить последнюю книгу писателя Ильи Эренбурга, которую мы, иначе, как враждебной революционной литературе, назвать не в состоянии.

21 ноября

О.Савич пишет из Парижа В.Лидину:

Только что пришло письмо от Эренбурга. Он, наконец, получил в Валенсии мои письма.

Копия СФ.

25 ноября

Журнал “Журналист” (№33) публикует памфлет И.Э. “Альфред Гугенберг — “барон доменных печей”.

Конец ноября

Е.В.Пастернак пишет из Берлина в Москву Б.Л.Пастернаку:

Я ждала писем, главным образом от тебя, а еще из Парижа,

потому что проездом Эренбург, увидав мое одиночество и страх перед всем, — а страх был не случайный, в Германии, правда, плохо, и родители твои не раз мне об этом напоминали, боясь, что и мне и им придется плохо, — стал уговаривать меня поехать в Париж<... >Савичи писали мне трогательные письма. Мне казалось, что у меня будут русские книги, что я смогу тебе рассказать про Париж...

Пастернак Б.
Переписка с Евгенией Пастернак. М., 1998. С.354.

1 декабря

Журнал "Прожектор" (№31–33) публикует очерк И.Э. "Перед зимой" о его последней поездке в Германию.

2 декабря

О.Савич пишет В.Лидину:

Приехали из Испании Эренбурги. Рассказывают много любопытного и смешного.

Копия СФ.

— Подписан к печати №12 журнала "Литература мировой революции" с заметкой о журнале "Творба":

Еженедельник, посвященный вопросам литературы, политики и искусства. Издается на чешском языке в Праге <...> Очерк стоит в центре внимания редакции. Особенно в фаворе, как это ни странно, очерки И.Эренбурга.

7 декабря

М.Горький выписывает книгу И.Эренбурга "Англия".

Летопись жизни А.М.Горького. Т.4. С.165.

Начало декабря

И.Э. приступает к работе над книгой об Испании.

21 декабря

О.Савич пишет В.Лидину:

Эренбурги говорят только по–испански <...> Зубы лежат на полке и стучат о полку. Рядом лежат эренбурговские и тоже стучат. Стучит весь Монпарнас.

Копия СФ.

24 декабря

Берлинский гражданский суд (19 участок) в составе д–ра Бокенхейнера и д–ра Зелигсона рассмотрел иск Немецкого обувного союза Бати, представленного его председателями Вильгельмом Мюнстером и Домиником Чиперо и акционерного общества "Фирма Бати в Злине" (Чехословакия), представленного его председателем Томасом Батей при берлинских адвокатах д–ре Мюнхе и д–ре Хенохе к писателю Илье Эренбургу в том, что в статье, опубликованной в берлинском журнале "Тагебух" №7 за 1931 г. (стр.1743–1750) он выдвинул против Т.Бати 12 обвинений. Суд признал эти обвинения необоснованными и постановил взыскать с И.Эренбурга штраф в размере 20тыс.марок с взысканием такой же суммы за каждую последующую публикацию. Суд отнес расходы по публикации опровержений в следующих изданиях: "Тагебух", "Берлинер локалан цейгер", "Берлинер Тагеблатт", "Ди вархейт", "Клейнес журнал", "Зонтаг пост ин Мюнхен" за счет ответчика, равно как и судебные издержки.

РГАЛИ. Ф.2297. Оп.1. Ед.хр.33. Л.2–3.

— Немецкий еженедельник "Тагебух" напечатал перевод очерка Ильи Эренбурга "Томас Батя — король обуви" <...> В редакцию "Тагебух" являются представители Бати. Они грозят судебным иском: за нанесенный Бате статьей Эренбурга ущерб они хотят взыскать два миллиона чешских крон. Впрочем, они согласны отказаться от тяжбы, если редакция "Тагебух" напечатает ответ Бати. Редакция соглашается. Батя пишет грозный ответ. Он заверяет, что он благодетель рабочих. "Если г.Эренбург получил информацию от коммунистов, это понятно: они озлоблены неудачей на выборах. Если б он обратился к социал–демократам Злина, он услышал бы нечто иное <...> Эренбург отвечает: "большая часть сведений, которые легли в основу моего очерка, взяты мной из доклада секре-

таря социал–демократического профсоюза г.Срба. Касательно инсинуации Эренбург говорит: “Очевидно для Бати существуют только две группы писателей — те, что состоят на его службе, и те, что состоят на службе его конкурентов. Я позволю причислить себя к третьей группе, которая служит интересам рабочих, независимо от того, кто их эксплуатирует — Батя или его конкуренты” <...>

Судья 19–го участка г.Берлина выслушал поверенных Бати. Он и не подумал позвать в суд обвиняемого. Нет, выслушав поверенных Бати, он тот час же вынес приговор. В приговоре сказано: “ответчик присуждается к штрафу в размере 20тыс. марок, если он перепечатает где–либо статью “Король обуви”, или если он станет как–либо распространять нижеследующие сведения о г.Томасе Бате”. Перечисляется, что именно нельзя говорить о “короле обуви”. <...> После перечисления запретных истин приговор указывает, что Батя может напечатать постановление трибунала в шести больших газетах и что за эту рекламу будет платить не сам Батя, но преступный Эренбург. Судья нашел, однако, что святотатец наказан недостаточно и возложил на Эренбурга все судебные издержки. Таким образом, впредь гонорары за переводы книг Эренбурга будет получать не Эренбург, но Батя.

Вечерняя Москва.,
1932, 12 февраля.

25 декабря

“Вечерняя Москва” под заголовком “Рай, как он есть” публикует первый отрывок из книги И.Э. об Испании.

29 декабря

А.М.Горький выписывает книгу И.Э. “Виза времени”.

Летопись жизни А.М.Горького. Т.4. С.170.

Декабрь

А.М.Горький читает книгу И.Э. “Англия”. Делает пометы. Книга с пометами в Личной Библиотеке Горького.

Летопись жизни А.М.Горького. Т.4. С.174.

Конец года

В Осло в “Золотой серии” издательства “Гюльденал” (переводчик Тронд Хегна) вышла книга И.Э. “В Проточном переулке”.

В течение года

Издательство “Петрополис” выпускает книгу И.Э. “Фабрика снов”.

— В парижском издательстве “Тамбурин” под названием “Европа. Акционерное общество” в оформлении Дж.Хартфильда вышел перевод романа И.Э. “Единый фронт”. В берлинском издательстве “Malik” вышла книга И.Э. “Die Heiligste guter” в оформлении Дж.Хартфильда.

Журнал “Эроп” (№102) публикует рецензию на французские издания книг И.Э. “Рвач” и “10 л.с.”

— Издатель И.Е.Путерман дарит И.Э. выпущенную им книгу Винцента Мюзелли “Строфы неудачника” с надписью: “Илье Эренбургу дружески. Путерман”.

Собрание И.И.Эренбург.

Подводя итоги 1931 г. в мемуарах “Люди, годы, жизнь”, И.Э. писал:

1931 г. был в Париже невеселым: экономический кризис ширился; разорялись лавочники, закрывались цехи заводов. Начали шуметь разные фашистские организации <...>

— В 1931 г. я почувствовал, что я не в ладах с самим собой. Я задумался над недавним прошлым и, пока ночные грузовики грохотали, звенели, настойчиво спрашивал себя, как мне дальше жить <...>

Может быть, столь длительные поиски себя объяснялись и тем, что я жил в двух различных мирах, молодость провел в Париже, к началу революции мои вкусы, привязанности, отталкивания успели сложиться. Может быть, сказался и характер: я всегда испытывал необходимость проверить то, что многим казалось таблицей умножения <...>

Однако, главным для меня в 1931 г. был не подход к персонажам романов. Я мало думал о том, как написать следующую книгу; я

спрашивал себя, как мне дальше жить, чтобы годы были не пометками на полях жизни, а самой жизнью.<...>

Я о многом думал по ночам: о гуманизме, о цели и средствах. Не дурные картины меня тревожили, да и вообще искусство было только частицей в загадках завтрашнего дня, — речь шла не о художественном направлении, а о судьбе человека.

В библиотеке можно не брать книгу, которая не по душе, можно взять по ошибке и вернуть, не прочитав. А жизнь не библиотека. В 1931 г. я понял, что судьба солдата не судьба мечтателя и что нужно занять свое место в боевом порядке. Я не отказывался от того, что мне было дорого, ни от чего не отрекался, но знал: придется жить сжав зубы, научиться одной из самых трудных наук — молчанию. Критики, которые обо мне писали, указывали на 1933 г. как на дату поворота: они знали книгу “День второй”. А я знаю, почему я поехал в Кузнецк, — все было додумано в 1931 г., не перед котлованами строек, а на улице Котантен, под ночное звякание бидонов.

ЛГЖ. Т.1. С.521, 542, 543, 544.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И.Г.ЭРЕНБУРГА

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Р

С

Я

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинал-макет А.В.Ухваловой

Подписано к печати 11.05.00. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 22,75.
Заказ № 63.

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Отпечатано в РПМ Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)